

ВСЕВОЛОД ЯЗЫКОВ

**КУРС ТЕОРИИ ДРЕССИРОВКИ СОБАК
ВОЕННАЯ СОБАКА**

**второе издание заново переработанное и дополненное
Госиздат, 1928**

ОТ АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Внимание читателя к быстро разошедшемуся первому изданию моей книги и та масса писем, которую я получаю до сих пор, указывает на заинтересованность читателя к научно-обоснованным методам дрессировки и на чрезвычайную бедность нашей специальной литературы по данному вопросу.

Впервые, стремясь к созданию теоретических обоснований к дрессировке, мы, не имея готовой законченной дисциплины, создаем ее, идя «методом проб и ошибок». Шаг за шагом мы уточняем те или иные выводы о выявившихся закономерностях в процессах дрессировки. Сама дрессировка не есть результат случайных достижений субъективного характера, – она имеет свои твердые законы, которым и подчинена. Задачами «теории дрессировки» и является изучение этих законов.

Тяжелая и упорная борьба с кустарничеством, продолжавшаяся 10 лет, осталась позади, тяжелый путь недоверия, субъективных суждений и необоснованной критики пройден. «Теория дрессировки» стала необходимостью. Она введена во всех госпитомниках и заняла по праву принадлежащее ей место.

Строя фундамент теории дрессировки исключительно на учении об условных рефлексах и беря в основу объективный взгляд на «психическую» деятельность животных, мы все же, учитывая, что настоящая книга рассчитана, главным образом, на читателя научно не подготовленного в вопросах сложных физиологических процессов, допускаем применять в некоторых случаях термины, хорошо знакомые нам из популярной психологии (мышление, память и т.д.). Это положение дает возможность более широкого понимания предмета и мало подготовленному читателю.

К сожалению, общие условия заставили пойти на это, но положение дела, от замены «воспитание условного рефлекса» на «запоминание», по существу не изменится, ибо звуковой раздражитель «запоминание» сам по себе также условен, но наиболее привычен, а потому и понятен.

Я вынужден особенно подчеркнуть, что эта книга совершенно не преследует цель дать практическое руководство по дрессировке, а является основным курсом теории дрессировки. Она должна явиться необходимым пособием для руководителей, преподавателей и инструкторов. Человек достаточно развитый оценит ее значение, ибо дрессировка перестанет быть слепой для него. Она особенно полезна практикам-дрессировщикам, давая научно-обоснованный анализ их практических разработок, шлифуя этим их практический опыт и знания, полученные в работе.

Приношу глубокую благодарность Екатерине Павловне Гольц, научному сотруднику Института мозга и ассистенту Психиатрической клиники при 2 МГУ, за ее ценные указания по вопросам высшей нервной деятельности.

Так же глубоко благодарю Владимира Львовича Вайсман, давшего для этой книги материалы своих изысканий в области определений экстерьеров, и Бориса Николаевича Скворцова, давшего свой очерк о тактическом применении военных собак, который я и поместил в книге взамен имевшегося в первом издании. И, наконец, благодарю моих учеников, разбросанных по всему Союзу, и просто моих читателей за их письма и за их отклик на 1-е издание моей книги. Их внимание поддерживает мое стремление к новым, более сложным работам.

Всеволод Языков.
Москва-Кусково.

Настоящий курс теории дрессировки был положен автором в основу при чтении им следующих лекций:

1924 г. – в Центральном питомнике уголовного розыска Республики при НКВД.

1925 г. – в Центральном питомнике уголовного розыска Республики при НКВД.

В Центральной школе питомника РККА.

1926 г. – на центральных курсах инструкторов при Высшей пограничной школе ОГПУ.

1927 г. – на курсах для членов секции служебных собак при Всекохотсоюзе.

В Центральной школе питомника РККА для среднего комсостава.

В Центральной школе-питомнике РККА для старшего комсостава (н-ков окружных питомников).

1927 г. – на центральных курсах инструкторов при Высшей пограничной школе ОГПУ.

1927 г. – на спецкурсах центрального питомника ТОГПУ.

1928 г. – на курсах по применению собак в жел.-дор. охране.

1928 г. – на курсах для членов секции служебных собак при Всекохотсоюзе.

1927 г. – на спецкурсах усовершенствования ветврачей. В целом ряде эпизодических лекций.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ИНСПЕКЦИИ ВОЙСК СВЯЗИ РККА

В настоящее время, после ряда опытов, военное собаководство стало на твердый фундамент и получило вполне ясные организационные формы.

Сейчас нам особенно важно иметь специальное руководство – пособие, обнимающее собой все моменты воспитания, разведения, дрессировки и применения военных собак. Мало того, нужно, чтобы эти вопросы были освещены в той плоскости, в какую их ставит существующая форма организации этого дела.

Труд Вс. Языкова и является необходимым руководством в деле служебного собаководства.

Прежде всего он носит твердый научно-обоснованный характер, где законы дрессировки ясно выявлены, точно проанализированы и заключены в стройную систему. Базисом его руководства служит учение о высшей нервной деятельности животных (физиология нервной системы). Впервые, в специальной литературе, дрессировка перестает быть кустарным произволом, а становится научно-обоснованной. Впервые автор нас знакомит с теоретическими обоснованиями дрессировки. При такой постановке все спорные вопросы о «душе» и «психологии» собаки поставлены на свое место материалистического миропонимания.

Нет более шатких, необоснованных понятий. Создание научной теории дрессировки – вот основная заслуга автора.

Труд Вс. Языкова отвечает в полной мере тем задачам, которые ставит себе Рабоче-крестьянская Красная армия в вопросах развития военного собаководства.

Они вкратце сводятся к следующему:

1) Четкое разграничение видов служб военной собаки и применение различных пород, наиболее подходящих по своим качествам к той или иной службе.

2) Обращение особого внимания, в силу объективных условий, на развитие нашего отечественного собаководства, а главное, на изучение наших пород и выявление их полезных служебных качеств.

3) Организация широкого общественного внимания к делу служебного собаководства и «военизирование» широких масс населения в этих вопросах, способствуя этим созданию широкой базы внутри страны.

Все эти моменты автор тщательно оттеняет в своем труде. Ценность книги увеличивается и в силу того, что автор уделяет особое внимание вопросам воспитания

молодняка, рационализируя его путем создания соответствующей окружающей среды, развивающей полезные инстинкты. Этот момент особенно важен.

Необходимо книгу Вс. Языкова широко рекомендовать инструктору, специалисту, командиру Красной армии и вообще всем интересующимся и любящим дело служебного собаководства.

**Инспектор войск связи РККА
Н.М. Синявский.**

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПИТОМНИКА ПОГРАНОХРАНЫ ОГПУ

Книга Вс. Языкова является ценным вкладом в нашей бедной специальной литературе.

У книги много достоинств и сравнительно мало недостатков. Одним из главных достоинств книги является то, что автор строит свои практические указания и вообще всю практическую дрессировку на твердом теоретическом фундаменте, основанном на последних достижениях научно-объективного метода.

Вторым, чрезвычайно важным достоинством книги является то, что автор дает впервые в печати общий курс теории дрессировки. До сих пор у нас и за границей обычно давались только технические разработки приемов дрессировки, благодаря чему весь предмет дрессировки, в целом, был неизвестен. Автор пошел от обратного. Давая фундаментальный анализ дрессировки, как таковой, и выявив «закономерности», составляющие процесс дрессировки в целом, он учит дрессировщика точному анализу и самостоятельной работе по изысканию тех или иных возбудителей, вызывающих нужную реакцию у собаки. Другими словами, автор дает не диллетанта-кустаря, а научно-подготовленного дрессировщика.

Это и является, пожалуй, главнейшим достоинством книги.

В силу того, что книга Вс. Языкова впервые освещает вопросы «психологии» собаки, поднимая таинственную завесу «мышления» собаки и дает общий курс теории дрессировки, она является настольной книгой дрессировщиков всех ведомств, каждого любителя служебных собак и каждого охотника.

Во второе издание автор внес соответствующие коррективы и дополнения, затронув при этом несколько новых вопросов. Это необходимо признать своевременным и увеличивающим общую ценность книги.

**Начальник Центрального питомника погранохраны ОГПУ – Председатель Центр.
секции служебных собак при Всекохотсоюзе
В.Л. Вайсман.**

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПИТОМНИКА УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА ЦАУ–НКВД

Ознакомившись с книгой В.С. Языкова «Курс теории дрессировки» («Основные понятия о научно-объективном методе дрессировки»), считаю ее настольной книгой каждого любителя, а тем более специалиста-дрессировщика всех ведомств, так как книга дает исчерпывающие указания по всем вопросам дрессировки, широко освещая самый процесс дрессировки в целом.

Дрессировка впервые поставлена на строгие научные основы.

Умелое использование автором основ рефлексологии применительно к практической дрессировке раз и навсегда избавляет дрессировщика от ошибок и слепого кустарничества, прикрываемого маской таинственности, «секретами» и «чудесами».

В книге вскрыты, как опытным ножом хирурга, и ясно выведены сложные и тонкие процессы «психологии» собаки и произведен точнейший анализ дрессировки.

Считаю необходимым широко рекомендовать эту книгу всем интересующимся дрессировкой собак без различия ведомств.

**Начальник Центр. питомника служебно-розыскных собак уголовного розыска
центр. админ. упр. НКВД
С. Майчинский.**

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ШКОЛЫ И ПИТОМНИКА ВОЕННЫХ СОБАК РККА, ИМЕНИ ТОВ. УНШЛИХТА

Книга Всеволода Языкова является первым научно-обоснованным анализом дрессировки.

Особенное внимание читателя должно быть обращено на общий курс теории дрессировки; дальнейшее изложение, а именно, практическая разработка приемов ставится на том крепком фундаменте, который и дает т. Языков в изложении своего общего курса теории дрессировки.

Все изложенное является результатом 10-ти-летнего опыта и практической наблюдательности автора над многими сотнями служебных собак, проходивших перед его глазами, и те естественные неточности и ошибки, которые могут встретиться в каждом большом труде, тонут в правильно поставленной и выдержанной стержневой линии создания научного анализа и теоретического обоснования дрессировки.

Это и дает нам право и основание к широкой рекомендации труда для лиц, так или иначе касающихся дела служебного собаководства.

Военный уклон данной книги дает право в первую очередь рекомендовать книгу Вс. Языкова командному составу Красной Армии и специалистам инструкторам.

**Начальник Центральной школы и питомника военных собак РККА
Н.З. Евтушенко.**

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Отсутствие печатных материалов по вопросу обучения и применения военных собак на принципах последних научных достижений объективного метода дрессировки подало мне мысль написать эту небольшую книгу, используя опыт моей работы в этой области в государственных питомниках НКВД, ОГПУ и РККА.

Настоящая работа является первой попыткой дать в популярном изложении те основные вехи, на которых должно строиться дело обучения и применения военных собак.

Как по своему содержанию, так и по размерам, труд не претендует быть полным учебником по теории дрессировки. Цель его: дать основную канву для работы лицам, интересующимся вопросом обучения собак, заинтересовать, дать толчок к большему развитию дела применения военных собак и направить мысль заинтересованных лиц не в плоскости легкой, интересной и безответственной забавы, а в плоскость серьезной, глубокой проработки этого вопроса во всех его деталях.

За последнее время дело применения собак во всех его разновидностях начало широко развиваться в СССР. Об этом ярко свидетельствует организация центральных государственных питомников НКВД, ОГПУ, ТОГПУ и РККА.

На основании 10-летнего опыта моей работы в указанных государственных питомниках, где вопрос обучения собак в настоящее время уже поставлен в плоскость новых

научных обоснований, мне хочется указать начинающим любителям дрессировки, что рациональная постановка работы требует прежде всего твердых организационных форм, касающихся в равной степени вопросов содержания, воспитания и обучения собак.

В результате долгой борьбы нового, объективно-научного метода обучения со старыми субъективными суждениями и частными выводами любителей, которые невольно «очеловечивали» психические границы собаки, дело применения собак в настоящее время постепенно выравнивается и становится на твердый научно-обоснованный фундамент.

Работа эта представляет собой первую попытку систематизировать опыт работы автора в государственных питомниках на основе впервые вводимого у нас научно-обоснованного метода обучения собак. Вполне естественно, что в книге найдутся пробелы и недостатки. Все указания, поправки, заметки и критические статьи будут приняты с благодарностью и послужат ценным материалом для последующего развития и уточнения научного метода обучения собак.

С глубокой признательностью посвящаю этот труд моему заочному учителю, давшему мне толчок к созданию курса теории дрессировки, Конраду Моост, первому, поднявшему в Германии борьбу с кустарничеством.

Приношу свою глубокую благодарность Н.Н. Родкевичу, написавшему «Тактическое применение собак в военном деле» и «Исторический очерк применения военных собак».

Вс. Языков.

ВВЕДЕНИЕ

Сто тридцать семь лет

Ровный свет электрической лампочки ложится на старые пожелтевшие страницы. Передо мной лежит раскрытая книга. Обтянутый коричнево-желтой выцветшей кожей переплет много лет сохраняет печатные листы старинного шрифта. Пыль прошедших веков гнездится в уголках. Передо мной открыта первая заглавная страница: **«Совершенной Егерь, Стрелок и Псовой Охотник или знание о всех принадлежностях к ружейной и псовой охоте, содержащее в себе: полное описание о свойствах, виде и расположении всех находящихся в Российской Империи зверей и птиц с приложением при том достаточного описания о живой охоте, так же о высваривании и наездке борзых и гончих собак»** издано в 1791 году.

Перелистывая старую книгу, находим следующие строки. «Как выучить собаку, чтобы она украденные вещи и самого вора узнавала.»

«... Таковой род собак водится в Англии, которые вышеобъявленным образом узнают во всех местах вора, хотя бы оный и на корабль ушел, то она, бросаясь в воду, вскарабкается на оный и, изо всех людей его выбрав, на него бросится. А производится оное следующим образом: приведи ту собаку в то место, где покража сделалась и где вор ходил, она уже прежде приучается искать по следам, а как на оный впустят, то и побежит оным и оным тотчас желаемое сыщет. Но нам надлежит только здесь описать, как оные обучаются.

Выбери щенка из сего рода, чтобы оный был собою велик и силен, когда время придет ее обучать, то возьми в горницу и положи там кошелек с деньгами и с другими вещами, которые помажь крепко пахучими материями, а именно: мясом, сыром, ветчиной и пр. Сим же составом намажь и подошвы какому-нибудь человеку и вели ему взять кошелек и итти прочь. Только сперва недалеко. Как собаку на оный следпустишь, то она весьма справедливо, пойдя следом, человека того сыщет. Тогда оную поласкать и гладить надлежит и дать кусочек чего-нибудь хорошенького съесть. Потом уже надлежит приучить ее, чтобы она и послабее того запах находила.

А как уже гораздо приучишь, то и без всего приучай ее искать по человеческому следу. Только сперва надлежит заставлять искать след потливого человека, который дух весьма

собака обоняет. Наконец, собака привыкает знать всякие следы и сыщет каждого человека по какому следу велишь ей искать. Но только таких собак надлежит весьма, содержать бережно. Не должно ей давать очень сладких и пахучих кормов, так же и содержать в таком месте, где бы чутье ее от дурного духа не испортилось».

В немногих словах рассказывает «сочинитель» о далеком «аглицком манере» дрессировать розыскных собак (ишеек).

И видим мы, что основной стержень практического подхода остается неизблемым, ибо он естественен, прежде всего.

Новейшие данные научно-объективного метода дрессировки, основанные на воспитании более или менее сложных условных рефлексов, – есть нужные для нас детали, есть необходимые уравнители нашего дела, есть объяснители причин, заставляющих собаку выполнять требуемое действие, есть вообще основа в работе. Основной стержень – воспитание заинтересованности собаки в выполнении, постепенный ввод усложненности в работе и, наконец, дача лакомства как поощритель к дальнейшему исполнению – эти практические подходы остаются вечны и неприменны, пройдя путь в 137 лет.

Прошли года, с каждым днем наше общее дело выравнивается все больше и больше, рушится слепое кустарничество, рушится субъективизм и бездоказательность, так долго царившие в дрессировке.

Но... повертываем старые пожелтевшие страницы «Совершенного егеря». – «Первая наука учеников егерских о трессировании с парфорсом, т.е. о учении с приневоливании».

«...**Парфорсный ошейник.** Сии ошейники делаются двумя манерами: первый состоит из маленьких шариков провернутых и на тонкий ремень взнизанных, а в каждом таком шарике, с четырех сторон, вбито по тупому гвоздю или железной спице, на концах ремня сделаны петли для того, чтобы продевать в оный свору или веревку при учении.

Второй делается из ремней. Надлежит взять два ремня шириною пальца в три, а длиною в толщину собачьей шеи; на первом проколоть в два ряда скважины одна от другой на полтора пальца, а в каждую скважину вложить тупые гвозди, чтобы оные вышли из ремня не больше половины толщины пальца ординарного человека, потом приложить другой ремень и сшить его по краям и посредине крепко, чтобы гвозди не шатались. На концах же с обеих сторон вшить кольца для продевания своры.

Когда станешь учить собаку, что должно делать поутру очень рано и на вечер, тогда запришь в том покое, чтобы никого не было, и положи ей на шею парфорсный ошейник, если оный из ремней сделан, то гвоздями к шее».

Принцип принуждения как способа воздействия на собаку, как сильно действующий, заставляющий фактор – вечен и неизблем.

Мы в тонкой шлифовке идем дальше, воспитывая условный рефлекс на чуть повышенную интонацию, – но пользование парфорсом, сама идея принуждения – вечна и неизблема.

Дальше... Представьте мысленно наш парфорс образца 1928 года – и в основе его устройства вы не увидите разницы (кроме поворотных скобок и зажимного ремня). А старая книга рассказывает дальше.

«**О трессировании.** «По выбирании щенка, есть ли оный будет кобель, то не должно его до года брать на парфорс; будет сука, то месяцев десяти по нужде трессировать можно, а до показанного времени не должно ни в чем приневоливать, разве ласкою приучить приносить поноску и пр. Случаются таковые, и особливо из пуделей и аглицких, что до года, из доброй воли, со всеми выучиваются, но без парфорса не может никакая собака быть хорошею.

По прошествии году, во-первых, должно ее взять на цепь и посадить в особливом покое, куда бы никто не ходил, в котором ее и учить начать».

Характерна фраза 1791 г. «**но без парфорса не может никакая собака быть хорошею**». В 1928 г. у нас нет другого заставляющего фактора, и мы говорим, что собаку можно выучить (воспитать условный рефлекс) без парфорса, но это еще не значит, что

собака будет **исполнять** нежелательный для нее прием, **ибо знать – еще не значит исполнять**.

Кончаются пожелтелые страницы, смыкается старый выцветший переплет книги 1791 года.

В настоящее время открываются новые страницы научно-объективного метода дрессировки.

Наука и дрессировка

Если мы оглянемся назад и проследим весь путь организации дела применения служебных собак (всех ведомств) в СССР, с момента его возникновения, то увидим, к какому колоссальному скачку вперед пришли мы за последние годы.

Имя этому достижению – «Постановка дела на принципах научных обоснований». Более 20 лет все дело развивалось внеплановым, случайным порядком, не имея твердого основного стержня ни с организационной, ни с учебной стороны. Никто не мог сказать, а главное **доказать**, почему для данного приема нужно сделать то или иное действие и что, вообще, является заставляющим фактором в данном приеме. Все достижения вырабатывались по слепой указке «старых» работников этого дела, т.е. людей, которым кустарно удалось достигнуть тех или иных практических результатов от своих собак. Свои приемы и подходы они старались не передавать молодым работникам, окружая их таинственностью, а если и передавали, то не полностью, втихомолку, «без права передачи» или просто «продавали» их.

Сами по себе практические подходы носили почти исключительно субъективный характер и будучи удобными и легко применимыми для одной собаки – не были годны для другой, благодаря разности их психических состояний. Это приводило к тому, что при неудавшемся «подходе» обычно браковали собаку, а то и молодого дрессировщика, не производя слишком глубокого анализа причин неудачи.

Все это создавало бездоказательность, дилетантизм и, я бы сказал, безответственность.

В свое время в свет был выпущен труд Р. Герсбах, который в свое время и сыграл чрезвычайно большую роль в развитии и упорядочении дела применения служебных собак. К сожалению, при объяснении построения приемов обучения, Герсбах указывал, «как» нужно их делать, но не говорил «почему» именно требуется то или иное действие. Это приводило молодого дрессировщика к механической выучке производства приема, не уясняя его смысла.

Долгие годы, обычно, молодой дрессировщик «саморазвивался», делая попытки анализировать свои практические подходы и добравшись «до истины» и поняв кусочек ее, бережно прятал и свято хранил его, дорого продавая «свои достижения».

Конечно, такое положение вещей нельзя было считать нормальным, но это как-то не замечалось, ибо, с одной стороны, дело все же понемногу шло и развивалось, а с другой, – правительственные круги дореволюционного времени глубоко в дело не вникали, да и все это в целом носило получастный, полугосударственный характер.

После революции дело, построенное на таких шатких основах, естественно, рухнуло чрезвычайно быстро, оставив вместо ста, – восемь жалких питомников, из которых пять имело по 1–2 собаки.

Когда в 1922 году все дело путем большого труда стало централизованным и постепенно разбилось на ряд ведомственных питомников, став на госбюджет, – естественно, нужно было начать ставить все дело заново и ставить на какие-то твердые и определенные рельсы.

Но этих рельс не было. Под руками был старый Герсбах и «таинственные ширмы» старых кустарей.

Но вот в 1924 году, в период бесплодных исканий, блеснул светлый луч. Этот луч упал на ту единственную науку, которая только одна могла твердо и верно определить все без исключения вопросы, связанные с дрессировкой, и выявить причины некоторых закономерностей. Имя этой молодой науки было «Учение о высшей нервной деятельности» (рефлексология). Все без исключения основные положения только в ней одной находили твердые и верные ответы, которые были ясны, определены, безотказны и незыблемы в своей доказательности. И вот на основе ее, в период 1924–25 года выросла «Теория дрессировки», заключающая в себе ныне: 1) Общий курс теории дрессировки и 2) Теорию техники дрессировки.

Рис. 1. Голова немецкой овчарки

Впоследствии, конечно, история нашего дела более подробно опишет возникновение «Теории дрессировки» и те невероятные трудности, с которыми она пробивала себе дорогу. Меня нередко просили мои ученики и товарищи ответить на следующие два основных вопроса: 1) дать точное определение цели теории дрессировки и 2) о согласованности теории с практикой. С одной стороны, пользуясь случаем для ответа, а с другой, считая необходимым указать на это, я говорю, что цель обучения теории дрессировки будет

достигнута тогда, когда дрессировщику, получившему новое задание на разработку любого приема, не придется искать и спрашивать уже «готовых» к этому технических подходов, зачастую непригодных для его собаки, а он сможет проработать их совершенно **самостоятельно**, учтя степень возбудимости своей собаки, границы ее высшей нервной деятельности (в области воспитания условных рефлексов) и сам найдет, в зависимости от характера и особенностей (физиологического состояния собаки), те необходимые возбудители, которые вызовут желаемую реакцию (действие) и послужат к образованию нового приема. Другими словами, такой научно-подготовленный дрессировщик, зная общие причины («почему»), которые вызывают у собаки исполнение желаемых действий, сможет сам легко и свободно, не сделав ничего лишнего, подобрать нужный технический «подход». При таком понимании вещей поведение (в смысле реакций организма на возбуждения, идущие извне) собаки будет всегда и в полной мере понятно, и дрессировка легка и безошибочна. Говоря по второму вопросу о согласовании теории и практики, мне приходится указать, что эти два фактора обучения построены на принципах «практической теории и теоретической практики». Этим, я думаю, ответ достаточно определен. В этой теории нет нежизненных предпосылок. В этой практике нет необоснованных, бездоказательных действий, – вот и все. Для правильной, рационально поставленной дрессировки нужно знать «психологию» собаки, чтобы быть понятным ей в своих требованиях и действиях. В связи с этим и все упражнения нужно строить способами, понятными ей, применительно к границам ее психического миропонимания. Но как к этому подойти? Изучение «психологии» всегда начинается с понятия о «сознании». Это понятие может быть достигнуто только путем личного самоанализа. Такой метод называется «субъективным», он наиболее прост для вывода заключений, наиболее удобен, но и... наиболее ошибочен.

Обычно, при таком методе, поведение животного путем психологических сопоставлений сравнивается с поведением человека; и, зная «по себе», что обычно возбуждает человека к данным действиям, обычно приписывают те же причины и собаке.

«Какие умные собаки, они при наступлении щена устраивают гнезда, очищают родившихся щенков, перегрызают пуповину и т.п.» – так говорит обыватель, забывая об инстинктивных (рефлекторных) действиях (инстинкты материнства, сохранения рода).

Школа субъективной зоопсихологии в лице Клапареда, Васемана, Марбе и Вундта признает это право аналогии.

Для новейших научных достижений эти учения приобрели название старой, «вульгарной», популярной, антропоморфической (очеловечивающей) ненаучной психологии.

Для нас этот метод абсолютно не применим.

В противовес указанному выше не критическому методу, наукой выдвинут другой – объективный метод (термин Арнгаарда).

При этом методе все без исключения процессы, все поведение животного объясняется исключительно научно-физиологическим, а потому и объективным путем.

Здесь изучается поведение животного независимо от субъективных («душевных») переживаний, так часто ведущих к ошибкам. Здесь беспристрастно строго берутся на учет ответные физиологические процессы (реакции организма: исполнение приема, испуганный бросок, жадность на еду и т.п.) на ряд естественных и искусственно созданных раздражений, идущих от внешнего мира (команда дрессировщика, шум идущего поезда, убегающий человек и т.п.). К этим ответным действиям организма подходят осторожно, выявляя законченность в их образовании, выискивая соответствующих возбудителей, вызывающих ответные реакции (действия) организма.

Всем метафизическим предпосылкам нет места в этой чистой науке.

Психолог-объективист (он же физиолог) пользуется терминологией физиологии для объяснения тех или иных процессов.

При таком чисто научном подходе и знании причин, вызывающих те или иные ответные действия животного, дрессировка становится на твердую научно-обоснованную почву.

Старое кустарничество субъективного метода, очеловечивающее психику собаки, рушится.

Бездоказательность сменяется твердыми научными данными. В связи с этим для изучения научно-объективного метода дрессировки нужно безусловно знать основы физиологии нервной системы и иметь понятие о высшей нервной деятельности животных, т.е. знать учение об условных и безусловных рефлексах.

Рис. 2. Мюнхен-шнауцер. Чрезвычайно подвижна, гибка в движениях и вынослива.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Исторический очерк происхождения и применения собак

Нет такого уголка на земном шаре, где собака была бы неизвестна человеку. От холодных, вечно покрытых снегом полей северной Гренландии до земли южной Виктории (этой почти предельной, южной точки земного шара), мы неизменно находим собаку у жилища человека. Всякий знает ее. Темно-бронзовый индеец и черный негр, эскимос, китаец и самоед, – все знают и помнят собаку с тех давних пор, как знают и помнят зарождение своей народности и своего быта.

Когда же появилась собака и каково ее прошлое? Почему жизнь собаки так тесно связана с жизнью человека? Почему, наконец, мы во всем мире видим безусловную любовь человека к собаке и различное ее использование?

Вот вопросы, которые нужно хотя бы кратко осветить читателю, заинтересовавшемуся вопросом о применении собак.

Остатки разрушенных храмов, засыпанные ныне песками последующих времен, стариннейшие надписи на камнях, орудия древнего быта, истлевшие ткани, высохшие кости и черепа и, наконец, рукописи всех времен – вот пути создания истории. Геологическими раскопками, под руководством специалистов, ученых палеонтологов, обнаруживаются осколки этих памятников глубокой старины и по мелочам, путем различных сопоставлений,

путем долголетних кропотливых исследований и расшифровок создается история, рисующая условия и формы жизни далекого прошлого. Так создавалась история происхождения и применения собак. Собаку находили всегда и везде, где селится или вообще селился человек. Так, при геологических раскопках рядом с обнаруженными остатками построек и домашней утвари находили черепа собак; на старинных ассирийских памятниках, относящихся к VII веку до нашей эры, было найдено изображение собаки, по типу своему похожее на дога. На древнейших египетских памятниках, которые ученые относят к 3400 лет до нашей эры, были найдены изображения собак, напоминающих по своему строению борзых. История знает примеры, когда в честь собак египтяне строили храмы и города, не говоря уже об отдельных памятниках.

Знаменитые поэты древности, Гомер и Плутарх, слагали песни в честь собак и устраивали празднества.

Когда же появилась собака и каково ее прошлое?

Ученые относят происхождение собак к последним периодам так называемой кенозойской эры, т.е. к тому далекому прошлому, когда на земле стали появляться, путем долгого, постепенного (эволюционного) развития, высшие организмы млекопитающих животных, к которым относят и человека. (На ряду с черепами первобытного человека раскопки обнаруживали и черепа собак.) Более точно определить момент происхождения собак не удастся.

Путем тех же геологических раскопок выявляется и картина «одомашнивания» собак человеком (т.е. превращения собаки из дикого в домашнее животное), а также постепенное видоизменение различных пород собак.

В далеком прошлом собака представляла собой дикое хищное животное, в жилах которого текла кровь волка, шакала (кровь шакала оспаривается в настоящее время) и лисицы. Эту теорию подтверждают, во-первых, формы черепов первобытной собаки, имеющие много общих признаков с черепами волков и шакалов. Что далекими предками собаки были волки нет никакого сомнения и по целому ряду других признаков, так, например, рост собак, их шерсть и окрас (особенно у некоторых пород) – в частности немецкая овчарка, кавказская овчарка, лайка.

Период течек, строение тела, время беременности и, наконец, охотное скрещивание волка с собакой, – все это говорит о безусловной родственной крови.

Человеку древних времен, каждый прошедший день которого был пройденной ступенью в тяжелой и опасной борьбе за существование, человеку, основной мыслью которого было защитить себя от диких зверей и холода и добыть себе в тяжелой борьбе кусок мяса, – был нужен помощник, был нужен верный и храбрый сторож жилища и охранитель стада, и взгляд дикого человека упал на дикую собаку. Она легко привязывалась к человеку, была по природе смелой, храброй, выносливой и хищной; обладала тонким чутьем и слухом, а также невзыскательностью к пище и жилищу. Человек приручил ее так же, как он приручал и «одомашнивал» диких птиц, дикую козу, лошадь и т.д.

Конечно, процесс одомашнивания занял долгие периоды лет и сводился к постепенному (путем наследственных передач) заглушению врожденных качеств дикой собаки. В новых условиях существования собаке не нужно было заботиться о крове и пище, получая все это от хозяина, следствием чего и явилось крепкая привязанность к человеку, дающему ей возможность существовать, и равно заглушение многих навыков и привычек, необходимых в условиях дикого существования. Взамен последних, благодаря все большей и большей привязанности к дому, все больше и больше выявлялись сторожевые качества собаки. Это и было нужно человеку. Так, постепенно, все прочней и прочней увязывалась жизнь человека и собаки, так, постепенно, все больше и больше «одомашнивалась» собака, делаясь неизменным спутником человека, его верным помощником в борьбе за существование и его другом.

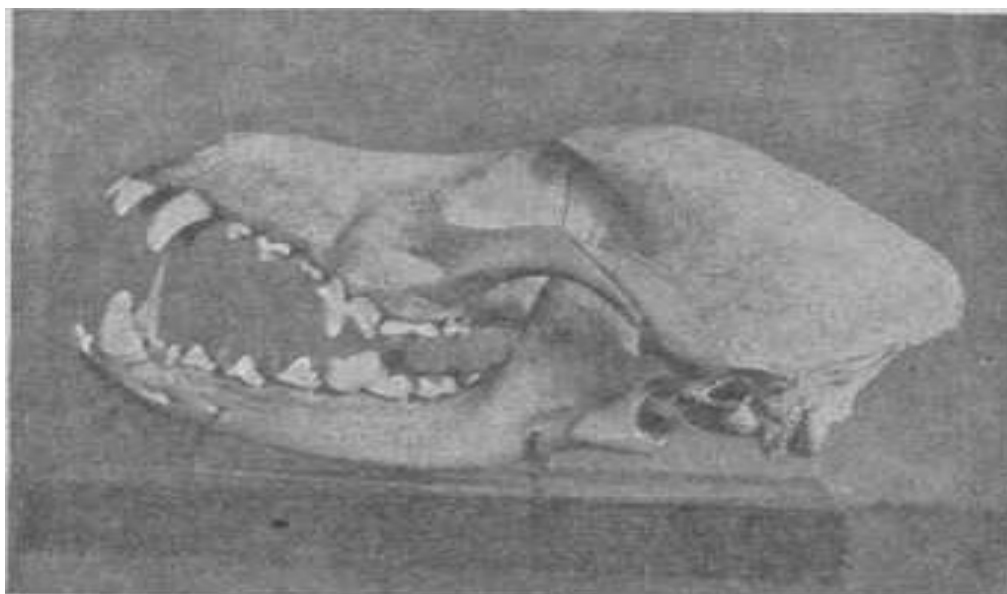

Рис. 2 а. Череп собаки.

Левая часть черепа (где помещаются зубы) называется лицевой частью; правая называется мозговой частью (черепная коробка). В левой части помещаются зубы: 3 пары резцов, 1 пара клыков и 6 пар коренных зубов в каждой челюсти (в нижней коренных зубов – 7).

Обостренные (развитые в большей степени) чувства слуха и обоняния, великолепные сторожевые качества, злоба и активная борьба с врагом и, наконец, твердая привязанность к хозяину, дала человеку мысль использовать указанные качества собаки в целом ряде работ; так, например, кроме сторожа жилища и стада, собака была использована как выслеживатель зверя и птицы в охоте; здесь человек использовал навыки и врожденные качества собаки, которыми она широко пользовалась в своем диком состоянии, борясь за свою жизнь.

Так, постепенно, собака была втянута в упряжную службу, используя для этого ее силу и выносливость и, наконец, собака была поставлена в ряды активных бойцов во времена древних войн, где она должна была в ряду целой группы собак проявить врожденную злость и активность в нападении, опрокидывая своим натиском конницу неприятеля или действительно вгрызаться в ряды его пехоты.

В связи с полным и твердым одомашниванием собаки на нее появился широкий спрос. Последний, как известно, рождает, в свою очередь, предложение, другими словами, появился рынок (торговля) собак.

История знает примеры, когда древние германцы давали двух хороших лошадей в обмен за одну хорошую собаку.

В данное время кинологи (собаковеды) насчитывают около четырехсот различных пород собак. Каким же образом это могло произойти?

Прежде всего в первые периоды одомашнивания диких собак, разновидностей их было сравнительно немного, о чем и свидетельствует небольшое количество разных по форме и размерам черепов и костей, найденных при различных раскопках и изысканиях. Вполне естественно, что в силу закона приспособляемости живых существ к окружающей среде (т.е. к условиям жизни в данной обстановке) собаки, живущие в холодных странах, покрывались более густой шерстью, с теплым подшерстком; наоборот, собаки, живущие в жарких странах, имели короткую шерсть. Точно также, в зависимости от общих окрасок окружающих местностей, собаки в силу того же закона «одевались» медленным (эволюционным) путем в так называемую «защитную окраску». Эти условия, вполне понятно, способствовали к появлению различных типов собак; кроме того, одной из главных

причин на появление различных пород повлияли и различные условия их жизни. Так, собаки, которые искали себе пищу среди животных, живущих на земле, постепенно преобразовались в собак маленького роста с острыми мордами и лапами, способными разгрести землю; те же собаки, которые в борьбе за существование боролись с более крупными и быстрыми в движениях зверями, преобразовывались тем же путем в собак с быстрыми, крепкими ногами, а также сильным и мощным телом; собаки, живущие в снежных равнинах, стали обладать широкими пальцами на ногах, дабы не проваливаться в снег.

Все это и выдвигало постепенно все новые и новые разновидности пород собак.

С постепенной культурой (развитием) человека, последний стал выдвигать все новые требования к собаке, приспособлявая ее природные наклонности к службам нового вида.

Так, с изобретением оружия как средства охоты, от собак почти отпала необходимость активного боя с животным, и применение собак пошло в области выслеживания и поднятия зверя, пользуясь для этого особенно обостренным чутьем собаки.

Человек всегда неизменно видел от собаки пользу, применяя ее для различных целей. Работа собаки была всегда основана на преданности человеку, верно деля с ним лишения и нужду.

Постараемся кратко очертить различные виды применения собак к службе у человека:

- 1) Собака как сторож жилья и как защитник хозяина (первый период одомашнивания).
- 2) Собака как охотник, активно борющийся со зверем (главным образом, в древние времена).
- 3) Собака как помощник человеку на охоте, играя роль выслеживателя, возбуждителя птиц и животных, а также подносчик убитых птиц (с развитием технических средств охоты, изобретением оружия).
- 4) Собака как средство передвижения (на снежных равнинах далекого севера).
- 5) Применение собаки как активного бойца в период военных действий (в древние века, когда техника боя и технических средств войны были примитивны, просты).
- 6) Собака как разведчик и при службе охранения (пользуясь природными обостренными чувствами слуха и обоняния).
- 7) Собака как гонец (служба передачи, связи).
- 8) Служебно-розыскная собака (работа по следам по розыску преступников, конвойная собака, собака для обыска местности и т.п.).
- 9) Пограничная собака (охрана границы, особенно ночью, работа по следам прошедших контрабандистов, в целях нахождения их).
- 10) Военно-санитарная собака (обыск местности после боя, в целях нахождения раненого, особенно ночью).
- 11) Караульная служба (охрана всякого рода помещений, вещей, людей, лагерей военнопленных, складов и т.п.).
- 12) Собака как съедобное животное (народы Африки, китайцы, индейцы Сев. Америки).
- 13) Кожа собаки и мех собаки, из которых в некоторых странах делают шапки, сумки, муфты, перчатки и сапоги (Германия).
- 14) И, наконец, жир собак, идущий на смазывание машин.

Вот приблизительная картина службы собаки человеку. Человек не ошибся, приблизив к себе в далеком прошлом дикую собаку, **он получил от нее больше, чем он дал ей.**

Служба собаки была нетребовательна и бескорытна. Постепенно, медленным эволюционным путем, культивировалась собака, усложнялись к ней требования человека, изменялись породы и усложнялась ее работа, но всегда и неизменно человек получал только пользу.

Впоследствии человек стал искусственно выводить и улучшать породы, учитывая запросы рынка и требования к собаке. Как опытный коннозаводчик улучшает породу лошадей путем искусственного подбора производителей с более лучшей кровью (т.е. лучшими статьями), так и собаковод, учитывая законы наследственности передач, стал

искусственно культивировать – улучшать породу, идя к тому в основе следующим путем: если для данной разновидности собак требования сводились к быстрому бегу, собаковод производил отбор производителей данной породы с наиболее лучшими прямыми стройными и сильными ногами. Таким образом, путем наследственных передач из поколения в поколение улучшились качества данной породы и видоизменились ее формы. Зачастую собаковод производил различные опытные скрещивания, беря производителей разных пород, в результате чего получались новые разновидности и новые породы.

Исторический очерк применения военных собак

После того, как человек, одомашнив собаку, убедился в правильности своего выбора и получил хорошего сторожа и защитника, у него, вследствие бытовых и производственных условий своего существования, родилась мысль о более широком использовании собак, и первой ступенью на новых видах работы было применение собаки для военной службы. Вначале человек использовал уже знакомые ему природные сторожевые наклонности собаки и пользовался собакой в целях охраны. Так, например, в старинных крепостях, ворота которых запирались на ночь, собак выводили за ворота и оставляли вне стен города. Эти собаки, имея постоянно кров и пищу в самом городе, естественно, не убегали от его стен, а проводили всю ночь у рва, а, будучи по своей природе хорошими и чуткими сторожами, замечали малейшие шорохи, в силу чего и поднимали громкий лай, заставляя сторожа быть особенно бдительным в эти моменты.

Но время шло и новые требования были направлены на собаку. Особенная сила, выносливость, рост и злоба некоторых пород заставила человека использовать собаку как активного бойца. Но и здесь, в зависимости от большей или меньшей культурности народа, по-разному была использована собака.

Кельты, тевтоны, римляне, гунны, – все без исключения древние народности имели военных собак, которые несли сторожевую, активно-боевую и, наконец, посыльную службу. (Аспайс говорит о собаках, которые приносили письма в своих ошейниках.)

Историки указывают, что в средние века военные собаки сопровождали обозы и транспорты, будучи одетыми в специальные панцыри с острыми пиками, дабы вызвать смтение в рядах неприятельской кавалерии, в случае нападения ее на обоз.

С момента появления письменных памятников старины в виде пергаментов, рукописей, высеченных букв на камне, история начинает узнавать все больше и больше о характере службы военной собаки и, наконец, прекрасно сохранившиеся рукописи средних веков дают нам точную и яркую картину ее деятельности и ее побед.

Точно так же, как с изобретением оружия для охоты, роль собаки от активного борца со зверем перешла на роль выслеживателя, возбuditеля и подносчика убитой птицы, переведя собаку в разряд вспомогательных средств, так равно и с улучшением и развитием техники войны, с введением в войска огнестрельного оружия, роль собаки стала меняться, активная борьба с врагом утратила свое значение; с другой стороны, выдвинулся вопрос о более бдительном охранении, о более продуктивной разведке при помощи собак, в каковых ролях и стала использоваться собака. Так постепенно собака превращалась во вспомогательное техническое средство и при военных действиях.

Такие военные авторитеты прошлых и позапрошлых столетий, как Наполеон, Фридрих Великий не обошли молчанием военную собаку, говоря о необходимости ее использования в военном деле. Быстрота и выносливость собак привели к мысли использования ее для службы передачи, причем первым опытом можно считать работу собак в Индии, когда при порче телеграфных линий специально дрессированные собаки приносили депеши, делая пробеги в 6 миль в 10 минут.

Дело применения военных собак в частях русской армии носило кустарный характер и его развитие покоилось исключительно на частной инициативе, обычно организовываясь при

охотничьих командах (например, туркестанские линейные батальоны). Несмотря на то, что все дело не носило государственного характера, – все же успехи частного почина и частной инициативы говорили достаточно громко за развитие этого полезного дела.

С наступлением империалистической войны питомники уголовно-розыскных собак спешно передрессировали своих собак для несения санитарной и сторожевой службы, после чего около 300 собак было отправлено на фронт, большею частью на Карпаты. Результаты, по имевшимся сведениям, нужно было считать вполне удовлетворительными, но все же необходимо указать на полное отсутствие твердых организационных и учебных форм, что ставило все дело в плоскость частнолюбительского опыта, субъективного (личного) характера.

В значительной мере организовано и твердо ставилось дело применения военных собак в Германии. Опыты систематического характера начались там с 1885 г., причем собаки дрессировались для сторожевой, разведывательной, санитарной и связной службы.

В 1886 г. Германский полевой устав уже предусматривал основные вехи применения военных собак.

Остановим внимание читателя на небольших исторических данных, на общем развитии военного собаководства.

Еще в далекие времена, Плутарх и Плиний в своих произведениях упоминают о собаках.

Памятники старины говорят, что при осаде Монтенеи Агезилай употреблял собак, а также и Камбиз в его египетском походе за 4 000 лет до нашей эры.

Аспейс говорит о собаках, носящих письма в своих ошейниках. На некоторых египетских памятниках изображаются черные нубийские стрелки-лучники с сопровождающими их собаками.

Элиан сообщает, что жители Магнезии в бою с эфесцами строились в три шеренги, из которых первую составляли сильные собаки, вторую – рабы, а третью – воины.

Римляне и гунны имели в составе своих армий сторожевых собак.

Кельты и тевтоны выводили на войну больших дрессированных собак, укусов которых боялись римские легионеры.

В средние века собаки применялись для сторожевой службы и как «активные бойцы».

Во время войны Испании и Франции английский король Генрих VIII прислал в помощь Карлу I (испанскому) 4 000 воинов и столько же собак. При осаде Валенсии, еще до столкновения войск обеих сторон, испанские собаки вступили в бой с французскими и вышли победителями. Карл I ставил их храбрость в пример своим солдатам.

Такие авторитеты военного дела, как Фридрих Великий и Наполеон I, приказывали завести в своих армиях сторожевых военных собак.

В это время, с введением в вооружение войск огнестрельного оружия, значение собаки, как активного бойца, в европейских армиях почти совершенно утратилось, а сохранилось только при борьбе с дикими племенами в колониях.

В частности, в России, у Петра I была большая собака «Тиран» датской породы (?), которая во время его многочисленных военных походов и боев относилась к приказаниям приближенным.

Во время Севастопольской осады и в Русско-Турецкую войну 1877–78 гг. военные собаки работали, главным образом, как сторожевые в наших армиях и у противников.

К концу экспедиции Скобелева против текинцев, наши секреты под Геок-Тепе были усилены собаками, которые предупреждали наши войска при многочисленных нечаянных вылазках гарнизона осажденной крепости.

В 40-х годах при ведении горной войны на Кавказе в некоторых наших укреплениях на берегу Черного моря содержалось по несколько собак на «пайке от казны». Для этих собак были устроены впереди крепости землянки, где они кормились и ночевали. Дрессировка собак заключалась в натравливании на людей в черкессках, которые наступали на собак и

этим возбуждали их злобу. Вследствие этого собаки ночью, при приближении человека в черкесске, неистово лаяли и предупреждали этим часовых.

Эти собаки имели настолько важное значение, что обыкновенно при вечернем рапорте фельдфебель докладывал о состоянии здоровья и службе собак.

Было также обыкновение в укрепленных пунктах и крепостях наших кавказских линий держать простых дворняжек. Собак на ночь, когда запирались ворота крепости, выгоняли за ограду и они довольно исправно несли сторожевую службу.

Эти собаки, привыкнув к беспорядочному лаю, иногда мешали боевым действиям войск, выдавая их наступление; например, при штурме Карса в 1835 г. некоторые штурмующие колонны были заблаговременно открыты турками благодаря лаю сопровождающих собак.

В Русско-Японскую войну в нашей армии частично применялись собаки для несения сторожевой и санитарной службы, а в японской – разведывательной и сторожевой службы.

В некоторых частях старой армии, по частной инициативе, применялись военные собаки. Так, например, в охотничьих командах туркестанских линейных батальонов дрессировали собак для несения сторожевой, разведывательной и посыльной службы. Результаты, по имеющимся сведениям, получились более чем удовлетворительные.

В 83 пех. Самурском полку (Кавказ, уроч. Дешлагар) в 1892 г. было 30 собак, обученных для подноски патронов. На смотре начальника дивизии, этими собаками из резерва в цепи было сделано 4 пробега, причем всякий раз каждая собака доставляла 30 патронов.

Такие же опыты были произведены в 1893 г. на военном поле Красносельского лагеря с собаками 95 пех. Колыванского полка.

В 1912 г. впервые в России возник питомник военно-полевых собак в Измайловском гвардейском полку. В этом питомнике находились, как более «выносливая порода», почти исключительно собаки породы эрдель-терьер.

Около 20 собак той же породы были завезены в Царкосельском гвардейском гусарском полку. Здесь был сделан почин применения собак для связи и разведки в кавалерийском деле.

Ряд испытаний дал положительные результаты, и собаки были завезены в других гвардейских пехотных полках. В 1913 г. были произведены испытания в присутствии военного министра; во время производства их была успешно проведена доставка донесений собаками на расстоянии 3–5 километров.

В результате этих опытов при гвардейском Егерском полку были открыты курсы по подготовке собак и их проводников. В конце 1913 г. появились военные собаки в финляндских стрелковых полках, и почти одновременно с этим делом применения военных собак заинтересовалось морское ведомство, предполагая применить собак для охраны постовых морских сооружений и для дублирования связи в глухих местах.

В это время лучшей школой в Петербурге была школа Российского общества поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службе. Эта школа по 1913 год дала около 500 дрессировщиков с готовыми собаками, но дело применения этих собак пошло, главным образом, в плоскости применения их к розыскной службе.

Дело начало быстро развиваться, но отсутствие государственной организации питомников, шаткость и неопределенность, а также кустарность дела и его проведения, привели к тому, что с началом империалистической войны 1914–1918 гг. военные собаки в нашей армии в течение означенной войны применялись лишь в единичных случаях по частной инициативе.

Первые серьезные попытки дрессировки военных собак были сделаны в Германии. Начиная с 1884 г., в германской армии начались систематические опыты с целью выдрессировать собаку для военной цели и дать этому новому делу правильную организацию. Собаки дрессировались, главным образом, для сторожевой, разведывательной, санитарной службы и для связи.

Опыты давали хорошие результаты, и германский полевой устав изд. 1886 г. уже предусматривает случаи применения собак на войне.

В 1913 г. инспекция егерей и стрелков издала официальное наставление для дрессировки, воспитания и применения германских военных собак.

Еще в 1911 г. в Германии возник государственный питомник и школа дрессировки полицейских собак в Грюнхейде, в 1,5 часах езды от Берлина. Общее наблюдение за питомником было возложено на известного специалиста дрессировщика Конрада Моост, впервые поставившего после долгой борьбы дело дрессировки на научную почву.

Кроме того, в Берлине и других городах Германии открылось много частных любительских обществ (феррейнов) содействия развитию дела применения собак.

В империалистическую войну немцы выпустили около 10 000 хорошо обученных собак, которые и принесли громадную пользу в период военных действий. Кроме того, немцы реквизировали в Бельгии и северных провинциях Франции всех годных для военной цели собак и организовали в Германии много новых военных питомников.

Русской армии во время империалистической войны пришлось на опыте испытать работу германских военных собак. Наши военнопленные испытали работу собак по несению караульной службы при своих многократных попытках к побегу.

На р. Стрипе (Галиция) в октябре и ноябре 1915 г. немцы усилили свое сторожевое охранение собаками, и последние заранее обнаруживали все поиски наших разведчиков.

В настоящее время, несмотря на стесненные обстоятельства, Германия продолжает работу и стоит далеко впереди всех в деле разведения военных собак. Она имеет отлично оборудованный центральный питомник-школу военных собак, окружные питомники и хорошо обученных собак в частях войск.

Ко времени объявления империалистической войны Франция располагала одним питомником на 20 собак в районе Туля и питомником санитарных собак в Шалоне с небольшим кадром. В результате – французская армия выступила на войну, как и русская, почти не имея военных собак. Только в 19 егерском батальоне был питомник в 6 собак.

Успешные действия германских военных собак, выявившиеся с самого начала войны, вызвали требование со стороны отдельных частей французской армии о снабжении их военными собаками. Общественное мнение Франции всколыхнулось, началась лихорадочная работа. Население предоставило военному министру большое количество собак, а любители и профессионалы-дрессировщики взяли на себя их обучение.

В результате – в марте 1915 г. была отправлена первая партия собак в действующую армию.

В сентябре 1915 г. был утвержден план использования военных собак и в декабре того же года был создан при инспекции пехоты отдел военных собак. Через созданный в Париже центральный питомник-бюро в течение войны прошло около 6000 собак. Дрессировка после первоначальной проработки любителями совершенствовалась в центральном военном питомнике в Сатарском лагере и заканчивалась в армейских питомниках, где также происходило и обучение проводников. Организованная, таким образом, служба военных собак действовала во французской армии до конца 1919 г.

Несмотря на громадную энергию французов, наскоро организованное дело применения военных собак не могло и не дало тех положительных результатов, которые наблюдались в германской армии, где оно еще в мирное время было поставлено на твердые устои.

Французы применяли, главным образом, своих военных собак для несения службы связи и снабдили ими почти все свои пехотные дивизии.

После войны центральный питомник был расформирован, и военное министерство (инспекция пехоты), убедившись все же в пользе собаки связи, разрешило содержать по 4 собаки в каждой войсковой части. По целому ряду причин части не смогли до сих пор использовать это разрешение, и только учебный центр в Бриансоне и курсы усовершенствования пехотных специалистов организовали специальный питомник собак связи.

Кроме того, Управление пехоты разработало, с целью поощрить во Франции воспитание и дрессировку собак, целый ряд конкурсов.

Относительно работы военных собак в английской армии, к сожалению, почти не имеется материалов. Из исторического обзора применения военных собак мы видим, что в средние века Англия шла впереди других государств. Ее шотландская овчарка «Колли» по своим природным качествам выдвинулась по работе на одно из первых мест. Однако, с течением времени, когда активная боевая работа собак прекратилась, в Англии увлечение военной собакой как бы заглохло и началась культивировка преимущественно уголовно-розыскных собак.

В Англо-Бурскую войну 1899 г. в английской армии применялись знаменитые «Колли» почти исключительно для несения санитарной службы. Все же командир корпуса английской армии генерал Блюменталь в своем рапорте оценивает их работу следующими словами: «я уверен, что хорошо дрессированные собаки могли спасти жизнь многим несчастным, ставшим жертвами войны».

К началу империалистической войны дело применения военных собак в Англии было так же слабо поставлено, как и во Франции. Англичане также спешно во время войны взялись за работу и создали организацию, похожую на французскую. Разница только в том, что они готовили своих собак почти исключительно для связи, а потому и включили отдел военных собак в состав инспекции службы связи, которая подчинялась непосредственно главной квартире (штаб главнокомандующего).

Как и когда можно использовать собаку для военных целей – очень важный вопрос. Нет ничего легче, как отдать необдуманное приказание. В деле применения собак это может быть чаще чем где-либо. Это явление получается потому, что человек, мало знакомый с деталями дрессировки, с границами возможной работы собак, зачастую **переоценивает или недооценивает** всех возможностей в работе собаки. Так, например, было бы ошибочно требовать, чтобы собаки службы связи поддерживали таковую на расстоянии 15–10 км, ибо это совершенно не нужно, так как на эти расстояния действует целый ряд технических средств связи, наоборот, связь между передовой линией огня и командованием, связь с соседними частями мелких войсковых соединений, вообще связь в районе 1–1,5 км от передовой линии огня, – в этих обстоятельствах собака связи и нужна. Поддержание связи на открытой местности, когда посылать человека опасно, когда провод телефона рвется от огня противника и натянуть его под огнем грозит неудачей и потерями личного состава, – вот основные моменты реально ощутимой возможности применения военной собаки связи. В равной степени беспредельна работа санитарной собаки днем по отысканию раненых, исключая моментов работы в особо пересеченных местностях. Все эти вопросы, сводящиеся к точному выявлению моментов полезной работы собак в современных тактических условиях боя и вообще военных операций, требуют тщательного разбора, выявляя при этом требования, предъявляемые к военным собакам, того или иного специального вида работы.

Работа военных собак сводится, обычно, к следующим разновидностям: 1) служба передачи, 2) повозочная и вьючная служба, 3) военно-санитарная служба, 4) караульная служба, конвойная служба и 5) служба охранения.

В подготовке собак прежде всего и легче всего достигается то, что естественней – это основная формула. Врожденные инстинкты собаки были всегда направлены в плоскость сторожевой службы, и эта работа осталась заложенной и в инстинктах нашей одомашненной и культивированной собаки. Здесь приходится только шлифовать уже имеющиеся инстинкты и развивать их опытной рукой твердо подготовленного работника, направляя собаку к исполнению задания.

На основную ступень работы должны быть поставлены приемы, требующие более сложной дрессировки, как, например, военно-санитарная служба и, наконец, как самый трудный вид работы – служба связи с ее вспомогательными видами, а именно, повозочной и вьючной.

Здесь придется указать на обязательное деление военных собак и их работы на специальные группы, в зависимости от некоторых, явно противоположных друг другу, методов обучения. Приходилось наблюдать, как одна и та же собака обучалась на обыск местности по зигзагу для военно-санитарной службы и на обыск местности по зигзагу для службы разведки. Казалось бы, что оба эти вида работы схожи между собой, ибо как в том, так и в другом случае собака производит обыск местности по зигзагу и при обнаружении уведомляет своего хозяина. Тем не менее взгляд этот **в корне ошибочен и исполнение этих двух видов работы одной и той же собакой совершенно недопустимо**, по следующим соображениям:

В первом случае собака обучается на основах доброжелательного и доверчивого отношения к найденному человеку, – она должна при нахождении раненого подойти к нему, дабы он мог воспользоваться санитарной сумкой (если он в сознании), а затем уже возвратиться назад и сообщить (условным знаком) санитару о найденном. Во втором случае, основы обучения **обратно противоположны**. Собака, прежде всего, должна быть недоброжелательной и недоверчивой по отношению к обнаруженному человеку и ни в коем случае не должна подходить к нему.

Давая эти работы для исполнения одной и той же собаке, мы, конечно, не можем ожидать, надеясь, что она поймет разницу в работе, так легко понятную для человека. Опытному дрессировщику будет ясно, что собака наверняка сообразит, путая эти две, такие похожие и такие противоположные, разновидности работы между собой.

Работа военных собак рисуется разбитой на две специальные группы:

1-я группа:

- 1) Служба сторожевого охранения.
- 2) Служба разведки.
- 3) Караульная.
- 4) Конвойная.

2-я группа:

- 1) Служба связи.
- 2) Вьючная и повозочная.
- 3) Военно-санитарная.

Еще лучше, если имеется возможность специализировать собаку только в одном виде работы.

Если мы при этом разделении несколько внимательно взглянем в эти разграничения, то увидим, что дрессировка собак во 2-й группе должна быть основана на доброжелательном и, во всяком случае, спокойном отношении к чужим людям, когда собака 1-й группы, наоборот, обучается на развитии основ недоброжелательности и, во всяком случае, возбужденности к обнаруженному человеку, не говоря уже о последнем виде 1-й группы, т.е. караульной и конвойной, службе в тылу, для несения которых собака должна быть с широко развитой злобой, разрядом которой и должен быть лай, недопускаемый в остальных видах работы военных собак.

Рис. 3. В дозоре.

Указанные мною две специальные группы, чрезвычайно различные по своему основному характеру, и приемы, взятые из обеих групп, исполняться одной и той же собакой

ни в коем случае не могут. (Выписки из моей статьи «Применение собак для службы в армии». Журнал «Выстрел» № 9, 1925 г., стр. 76.)

Тактическое применение служебных собак для военных целей

Историческая справка

Ряд положительных, присущих собаке, данных позволили с большим успехом использовать этого сотрудника и друга человека с самых отдаленных исторических времен в роли ценного помощника человека в наиболее тяжелых условиях максимального напряжения моральных и физических сил последнего, т.е. в период его вооруженной борьбы. Вполне естественно, что по мере эволюции методов вооруженной борьбы, эволюционировала и роль собаки в этой борьбе.

В исторический период борьбы человека с человеком путем непосредственного воздействия физической силы в рукопашной схватке, собака использовалась наравне с естественным продолжением ее мирной работы, как охраняющего чуткого сторожа, в роли орудия непосредственного нападения или обороны. В дальнейшем, по мере развития технических средств борьбы, с развитием маневра и усложнением всей обстановки боевых действий, роль собаки постепенно сводилась к выполнению вспомогательных служб, обеспечивающих и облегчающих боевую работу бойцов. Последняя мировая война 1914–1918 гг., являющаяся достаточно законченной предпосылкой к войне недалекого будущего, дала весьма богатый материал с вполне положительными результатами в отношении применения собак, во-первых, для службы связи и подачи боевых припасов в наиболее тяжелые периоды и критические моменты боевых действий, а затем по линии военно-санитарной службы для розыска раненых и подачи им перевязочного материала. Наконец, стремление сократить количество личного состава для охраны различного рода военных складов без ослабления интенсивности этой ответственной службы привело к широкому применению собак для караульной службы охраны складов путем развития и использования наиболее присущих собаке свойств, а именно чуткости, недоверчивости к чужим и злобности.

Анализ вопроса о методах наиболее целесообразного применения собак приводит к следующим положениям в отношении каждой из только что указанных служб.

По службе связи и подачи боеприпасов

В отношении использования собаки для указанной службы прежде всего необходимо разобрать вопрос о тактических свойствах данного средства связи. В этом отношении пар. 122 Временного полевого устава РККА (часть II) дает вполне конкретные указания в пределах расстояния работы собаки и ее положительных и отрицательных тактических данных. К первым относятся: **малая уязвимость** от огня противника, что является результатом малой величины, быстрота движения и достаточная маскировка собаки благодаря окрасу ее шерсти; затем **скорость передачи** в среднем 3–5 минут на расстоянии 1 километра и, наконец, независимость от местности благодаря способности собаки свободно проходить по самой разнообразной местности, сплошь и рядом недоступной даже для пешего посыльного. К приведенным данным необходимо добавить еще одно весьма ценное качество, а именно независимость работы от времени суток, причем в ночное время, т.е. в условиях наиболее трудных для работы посыльных, собака работает лучше. Основными недостатками собаки как средства связи являются, во-первых, необходимость для достижения вполне надежной и безотказной работы соответствующей сравнительно длительной дрессировки специально подготовленным личным составом, а во-вторых, необходимость предварительного ознакомления собаки с предстоящим путем ее работы или наличие знакомого собаке по запаху следа, причем в последнем случае большое движение на

участке работы собаки, дождь, снег, сильная роса в густой траве, кустарники в весьма значительной степени отрицательно влияют на работу.

Разбирая под углом зрения только что приведенных тактических свойств вопрос о районе применения собаки для службы связи и подачи боеприпасов, станет вполне понятным, что в тех районах, где свободно могут быть применены и надежно работают различного рода технические средства связи и различного рода посыльные, а патроны свободно могут подаваться на двуколках или подносчиками вне зависимости от перерыва по воле противника, – в подобных условиях использовать собаку нецелесообразно. Наоборот, в тех районах, где остальные средства связи по условиям боевой обстановки или вовсе неприменимы, или работа их ненадежна и затруднена, использование посыльных ведет к большой их убыли от огня противника, – именно в этих, наиболее трудных для управления условиях, работа собаки приобретает первостепенное значение иногда единственного средства связи, и собака должна быть использована в полной мере. Такими районами являются районы высшей пехотной единицы – стрелкового батальона с предельным расстоянием для работы собак в условиях обороны на широком фронте, затем районы стрелковых и пулеметных рот, батальонной артиллерии и, наконец, районы батарей полковой и дивизионной артиллерии, главным образом, по линии связи с поддерживаемой ими пехотой, т.е. **связи взаимодействия**.

Сущность работы собаки по службе связи или подачи боеприпасов (воды для пулеметов) заключается в пробеге между определенными пунктами, на которых находятся поддерживающие связь командиры или подразделения, нуждающиеся в боеприпасах. На этих пунктах находятся люди, ухаживающие за собакой: на одном пункте – вожатый собаки, на другом – его помощник, причем помощниками вожатого должны являться несколько человек, выделенных тем подразделением, с которым устанавливается связь, или командиром, устанавливающим связь. Люди с собаками, обслуживающие тот или иной пункт, носят название поста собак связи данного пункта. С выделенными для несения обязанности помощника вожатого людьми вожатый обязан предварительно ознакомить собаку, чтобы последняя подходила к работающему с ней помощнику и выполняла его приказания. В свою очередь выделенные люди должны быть инструктированы об обращении с собакой. Указанное положение требует, при наличии необходимости использования собак, – своевременной придачи их той части или подразделению, с которыми они будут работать по службе связи или подачи боеприпасов. Кроме того, весь личный состав должен быть инструктирован и твердо выполнять требования не мешать работе собак путем отвлечения на пути пробега ненужным подзывом, свистом, не говоря уже о ловле или гоньбе за собакой.

Посты, расположенные на пунктах, между которыми совершает пробег собака, в зависимости от времени нахождения на них связываемых командиров, бывают **неподвижные и подвижные**, причем в последнем случае может быть двойной вариант, т.е. один пост подвижной, а другой неподвижный или оба поста подвижные, когда оба обслуживаемые командира находятся в движении. Работа между неподвижными постами будет иметь место преимущественно в оборонительном бою, а работа на подвижные посты в наступательном, главным же образом, в условиях встречного боя, требующего самых решительных и стремительных действий. Понятно, без каких-либо особых пояснений, что затруднения в работе собаки связи возрастают в той же последовательности, т.е. работа наиболее проста между двумя неподвижными постами, затруднена при одном подвижном и наиболее трудна при двух подвижных постах. Учет положения, что встречное столкновение явится нормальным видом боя при будущих боевых действиях, диктует необходимость самого внимательного отношения к этому вопросу в период подготовки собаки, дабы добиться четкой и безотказной работы собаки на два подвижных поста. В период самой работы, помня, что при работе на подвижные посты собака руководится, главным образом, чутьем, необходимо стремиться, чтобы путь следования собаки не совпадал с путем наибольшего движения на данном участке, чем будет устранено забивание следа вожатого

или его помощника. В особо трудных для собаки условиях работы целесообразно применение усилителя следа.

Вожатый или помощник с собакой, находясь при том командире, которого обслуживает пост, располагаются в пункте по указанию командира и не имеют права никуда отлучаться без его разрешения.

По прибытии на пост собаки доставленная ею передача принимается вожатым или помощником и немедленно доставляется командиру. Кроме того, целесообразно приучить собаку отдавать передачу по условному знаку, подаваемому рукой, или условному слову принимающего передачу. Во всяком случае, собака, по вполне понятным мотивам, не должна позволять брать у нее передачу любому стрелку или командиру, встретившемуся на ее пути или в районе пункта доставки. В случае захвата поста противником личный состав поста в последний момент обязан отпустить собак, послав их на другой пост. Для оповещения о захвате противником в футлярах для донесений должно постоянно находиться короткое извещение «Пост захвачен противником», которое, понятно, вынимается при очередной нормальной посылке собаки. Соблюдение этого требования особо важно в условиях ночного боя, а затем боевых действий на закрытых лесом, густым кустарником и т.п. участках.

В отношении маскировки лучшим средством является подходящий окрас шерсти собаки и быстрота ее продвижения, а затем приучение собаки в случае необходимости к передвижению ползком за своим вожатым и посылка собаки на пост с лежачего положения.

Что касается вопроса о защите собак от действия О. В. как в период нахождения ее на посту, так и во время работы, то здесь приходится сталкиваться с значительными трудностями в отношении специальных противогазов. Если химическая защита собаки на посту может быть разрешена сравнительно просто, то вопрос о специальных противогазах для защиты дыхательных путей, глаз и конечностей собаки в период ее работы является несравненно более сложным. В этом отношении необходимо учесть положение, что при современном развитии использования О. В., – ряд наиболее ответственных участков как при наступлении, так и при обороне, будет достаточно насыщен различного рода О. В., и собака с ее крайне повышенным при быстром движении дыханием, при малом росте, наличии нежных и чрезвычайно болезненных при повреждении частей ног между подушками пальцев будет в кратчайший срок выведена из строя. Из сказанного следует вывод, что собака, несущая службу связи, должна быть обеспечена соответствующей противогазовой защитой и приучена безотказно в ней работать.

Учитывая разобранные выше данные, присущие этому средству связи, можно прийти к следующим выводам о целесообразности использования собаки связи в различных условиях боевой работы.

При расположении на месте собака, в виду надежного действия телефона, работы посыльных, сосредоточенного расположения, будет редко использоваться для связи внутри расположенных частей. Зато в охраняющих и разведывательных частях, благодаря присущим собаке свойствам – скорости передвижения, легкой проходимости по местности и достаточной маскировке от наблюдения противником, – последняя должна быть использована в полной мере.

Только что изложенное положение в общем распространяется и на период **передвижения** с более частым применением собаки для связи между подразделениями как во время самого движения, так и при непродолжительных остановках.

Во встречном бою и при наступлении. В период сближения собаки для связи будут применяться как естественное продолжение их работы при походном движении, т.е. в обеспечивающих движение выдвинутых вперед подразделениях и для связи с выславшими их командирами. В период наступления начинается использование собаки для связи в ротных и батальонных районах и для связи с артиллерией в случае отказа в действии или прямой невозможности использования других имеющихся в распоряжении средств связи, т.е.

телефона, средств зрительной сигнализации и посыльных. Наконец, обстановка во время подготовки атаки и в процессе самой атаки, при необходимости высокой согласованности действий между частями, ее производящими, при невозможности в этих условиях рассчитывать на надежное действие телефона, крайней затрудненности и замедленности работы перебегающих или переползающих посыльных, – предъявляет собакам связи наравне с простейшими средствами зрительной сигнализации требования наиболее напряженной работы с наиболее широким их использованием.

При обороне. Особые условия обороны с большим чем при наступлении отрицательным воздействием сосредоточенного огня противника на телефонные средства, посыльных и, наоборот, наличия благоприятных условий для надежной работы собак благодаря возможности в подготовительный период детально ознакомить собаку с предстоящим ей районом работы, дают возможность еще более широкого и положительного использования собак как для связи внутри батальонных и ротных районов, так и для связи с выдвинутыми вперед подразделениями для передачи сведений, не могущих быть переданными по телефону (схемы, перспективные чертежи и т.п.), а также в случае затрудненности передачи при помощи посыльных.

Наконец, при действиях в условиях обороны на широком фронте, при недостатке телефонных средств и сравнительной медленности передачи с посыльными, работа собак связи еще более расширяется, включительно до организации в определенных пунктах узловых постов, обслуживающихся регулярно высылаемыми собаками.

Преследование и отход. При наличии имеющегося почти всегда в этих условиях перемешивания частей в ротных и батальонных районах, использовать собак в этих вообще наиболее тяжелых для службы связи условиях нужно с крайней осторожностью, во избежание доставки приказа или донесения не тому, кому следует, а при отходе – и захвата собаки противником. Более положительных результатов можно ожидать при использовании собак для связи с более неподвижно расположенными частями, в частности с артиллерией, при наличии в распоряжении собак только что побывавших в пунктах, с которыми нужно установить связь. При достаточно планомерном, совершающемся в полном порядке, отходе условия использования собак связи, приближаясь к условиям при наступлении, дает возможность достаточно широкого применения этого средства связи.

При боевых действиях в ночное время, в туман, в крупных лесных пространствах (камышах), в связи с особыми затруднениями службы связи, создаваемыми общей обстановкой боевой работы в данных условиях, т.е. невозможности из-за демаскировки или затрудненности использования средств зрительной сигнализации, трудности работы посыльных с возможностью блуждания, трудности нахождения и исправления повреждений телефонных линий, наконец, вообще более затрудненного наблюдения и управления, – применение собак для связи приобретает особо важное значение.

В бою на речной преграде, при форсировании реки, собаки будут применяться для связи с подразделениями, занявшими берег противника (остров или острова на реке), когда телефонная связь мало надежна, исправление длительно и затруднено, работа посыльных трудна и они легко выводятся из строя. В данных условиях собака как хороший пловец, к тому же с малой уязвимостью от огня, может явиться иногда единственным средством связи.

То же самое можно сказать и в отношении **боя в крупных населенных пунктах,** когда из-за действительности ружейно-пулеметного огня вдоль улиц на коротких дистанциях сплошь и рядом нет возможности использовать даже пешего посыльного (бегуна), исправить телефонную линию, использовать средства зрительной сигнализации, затрудненной, кроме того, наличием целого ряда промежуточных постов из-за пересеченности улиц, – собаки для связи принесут действительную пользу управлению действующими по отдельным улицам и

районам подразделениями. Здесь так же, как было уже указано для обороны на широких фронтах, будет полезна организация на границах, очищенных от противника районов сборных пунктов донесений, связанных в глубину телефоном.

При боевых действиях в горных районах, слагающихся из согласованных действий небольших частей при затрудненности и крайней медленности доставки донесений с посыльными, трудности выполнения работ по прокладке и исправлению телефонных линий, демаскировки частей при использовании средств зрительной сигнализации – создается крайне выгодная обстановка для использования собаки по службе связи и подачи боеприпасов. Особую пользу может принести собака при имеющих сплошь и рядом место в горной войне положениях, когда несколько засевших на господствующей высоте отличных стрелков противника прерывают всякое непосредственное сообщение между участками, а для ликвидации таких стрелков требуется значительное время.

Применение собак для связи в батареях полковой и дивизионной артиллерии должно проводиться после занятия командиром батареи своего наблюдательного пункта, главным образом, по линии связи взаимодействия с поддерживаемой батареей пехотой. В данном случае собаки будут использоваться как для непосредственной связи между наблюдательным пунктом командира батареи с командным пунктом стрелкового командира при разобщенности этих пунктов, так и по линии связи передового артиллерийского наблюдателя с передовой стрелковой частью, на участке которой находится артиллерийский наблюдатель. В отношении связи передового артиллерийского наблюдателя с его командиром батареи при возможной нехватке телефонного кабеля, особенно в условиях встречного боя или более стремительном продвижении наступающей пехоты, – сплошь и рядом будет иметь место применение собак на участке между оставшейся в тылу конечной телефонной станцией передового наблюдателя и последним, находящемся при продвигающейся передовой стрелковой части. В данном случае присущая собаке скорость передвижения в значительной степени ослабит недочет в замедлении передачи вследствие переприема доставленного собакой донесения на телефон, давая возможность сохранения связи передового наблюдателя и с пехотой и с своим артиллерийским командиром.

Общий итог оценки применения собаки для службы связи приводит к выводу, что указанное средство, являясь в ряде случаев дополняющим работу других средств, в некоторых условиях явится единственным, могущим обеспечить управление в наиболее тяжелых для службы связи батальонных и ротных районах, а затем в значительной степени обеспечивает надежность ответственной связи взаимодействия между артиллерией и поддерживаемой ею пехотой.

Что касается работы собаки по подаче боеприпасов, то по существу эта работа является вполне идентичной работой по службе связи, требуя для своего выполнения более сильных собак, приученных нести на вьюке тяжесть подаваемого груза. Понятно, что применение собак для подачи боеприпасов не должно иметь места в районах, где эти припасы могут подаваться на колесах. Таким образом, в этом отношении масштаб работы собак будет ограничен районом вперед от ротного патронного пункта, главным же образом от головных ротных к взводным патронным пунктам и от последних – к станковым пулеметам и отделениям. Кроме того, указанная работа собак ограничивается исключительными условиями невозможности продвижения подносчиков вследствие огня противника или в случае необходимости в критический момент крайне быстрой подачи тому или иному подразделению хотя бы незначительного количества боеприпасов.

По военно-санитарной службе

Основной задачей работы собаки по военно-санитарной службе является отыскание раненых и пораженных О. В. бойцов и указание их местонахождения назначенному для уборки санитарному персоналу. Попутно с этой задачей при нахождении раненого собака

должна дать ему возможность воспользоваться необходимым перевязочным материалом, который находится у нее в специальном вьюке.

Применение собаки для указанной службы основано на использовании путем развитых специальной дрессировкой природных качеств собаки, заключающихся в быстроте движения, позволяющей собаке в короткое время обследовать участок местности, по площади, непосильной для человека, затем в лучшем чем у человека зрении, особенно ночью, сильно развитой способности ориентироваться на местности и, наконец, стремлении возвратиться к ухаживающему за ней человеку.

Что касается порядка самого использования военно-санитарной собаки, то в этом отношении вполне понятно, что применение ее должно производиться в тех случаях, когда имеются налицо условия, затрудняющие работу личного состава по розыску и уборке выбывших из строя. Подобные условия будут иметь место в ночное время, в сильный туман, на пересеченной или закрытой лесом, кустарником, высокой травой, камышом и т.п. местности.

Для своей работы военно-санитарные собаки полка со своими вожатыми распоряжением санитарной части могут придаваться добавочным медицинским пунктам батальонов для работы в ротных районах или находятся на передовом пункте медицинской помощи и используются на наиболее трудных для розыска раненых и пораженных О. В. участках в тот период, когда по условиям обстановки явится для этого возможность.

По караульной службе охраны складов

Применение собак для указанной цели, основанное на использовании развитых специальной дрессировкой природных сторожевых качеств собаки, заключающихся в отличном чутье, зрении, слухе и связанных с ними чуткости, а затем злобности и недоверчивости к чужим людям с оповещением лаем при наличии подозрительных для собаки данных, – имеет задачей сокращение количества личного состава, несущего службу охраны складов, не только не ослабляя, а наоборот, усиливая интенсивность этой ответственной как в военное, так и в мирное время службы.

В отношении самого использования собак могут быть применены два метода, так называемое **не свободное и свободное** окарауливание. При несвободном окарауливании собака находится на цепи с блоком, который скользит по проволоке между двумя столбами, давая возможность собаке двигаться на ограниченном длиною проволоки расстоянии. При свободном окарауливании собака свободно передвигается на определенной площади, ограниченной проволочным забором. Как в том, так и в другом случае собаки применяются на наиболее ответственных участках территории данного склада с усилением охраны в ночное время.

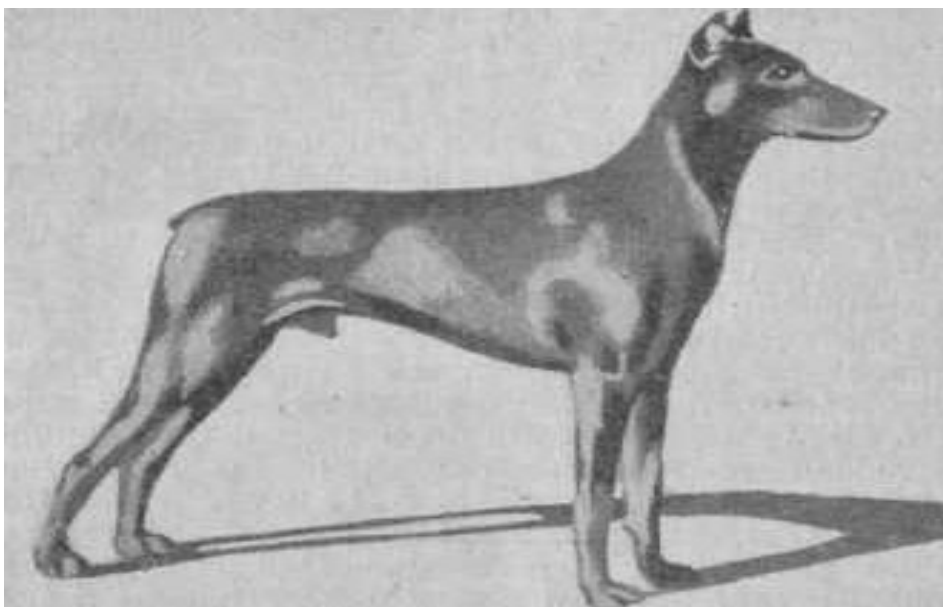

Рис. 4. Доберман-пинчер.

Собаки, предназначенные для службы охраны складов, должны знать только своего вожатого и его помощника, которые исключительно за ними ухаживают, кормят их, выставляют и снимают с поста; остальные люди охраны к собакам должны относиться совершенно спокойно, не лаская и не раздражая их. Прикармливание собак, бросание им лакомых кусков людьми охраны должно быть категорически воспрещено.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1) Дрессировка есть постепенная привычка животного к требуемым действиям, благодаря намеренно произведенному возбуждению чувств.

К. Моост.

2) Дрессировка есть выработка стойкого условного рефлекса.

В. Языков.

Теория дрессировки Общее понятие о теории дрессировки

Незначительное количество старых учебников по дрессировке собак, выпущенных в свет еще в то время, когда все дело было так ново и так шатко в своих первых шагах, целиком основанные на частных опытах с индивидуальной оценкой их, – носили бесспорно характер субъективного уклона с переоценкой, а иногда и недооценкой полученных результатов.

Поэтому они совершенно не имели под собой строгого научного фундамента, но все же в свое время дали большой толчок, скорее общего, нежели учебного характера, к развитию дела дрессировки и применения собак. Постепенная же эволюция этого дела, естественно, выдвинула вопрос **о необходимости создания единого научно-обоснованного метода обучения.**

Старые учебники в лучшем случае указывали, «как» нужно технически выполнить тот или иной прием, но не объясняли «почему» собака выполняла то или иное действие, «что» являлось возбудителем и заставляющим фактором к выполнению приема. И раз это так, то слепое указание как нужно механически провести прием, будучи пригодным для собаки

определенного типа, было иногда малопригодным, а то и совершенно непригодным для другой собаки, имеющей в своем характере и психическом складе отклонения от первого типа; **при такой постановке выполнение или невыполнение собакой требуемого действия оставалось непонятным для дрессировщика.**

Такой подход к делу напоминает неумелое обучение шоффера, которого научили управлять машиной, но не ознакомили со взаимодействием ее частей, в силу чего он всегда встает втупик при малейшей задержке, не зная ее причины.

Дрессировщик, не изучивший научных основ обучения, будет всегда поставлен в такое же трудное положение при всяком отказе собаки от работы, так как он, слепо зная только механическое построение приема, не знает причин, которые руководят собакой, заставляя ее выполнять или не выполнять желаемое действие (дрессировщик старого времени не изучал «механизма» собаки (нервной системы и работы ее), а потому он и не мог глубоко продумывать построение приема.

С тех пор, когда все дело применения собак стало на прочные рельсы и начало носить государственный, а не любительский характер, настоятельно выявился вопрос о необходимости создания **твердых** организационных форм в вопросах обучения и применения собак. При таких условиях и создалась очень недавно (около 3-х лет назад) **теория дрессировки** как предмет изучения.

Потребность в создании теории дрессировки за последние годы стала явно ощутимой. Ни один учебник, дающий только техническое описание приемов, говорящий «как» нужно дрессировать собаку и состоящий из большого количества страниц, не может дать исчерпывающих сведений. Тысячи мелких деталей, десятки различных типов собак, встречаются на пути дрессировщика в его повседневной работе.

Предусмотреть все эти детали совершенно не представляется возможным. Поэтому явилась необходимость создать общую теорию дрессировки, дающую полное объяснение механизма построения приемов, основанием которой служило бы учение о высшей нервной деятельности и работе коры головного мозга собаки (т.е. вопросы мышления и «психология»).

Осознав предмет в целом, научно-подготовленному дрессировщику будет легко самому изобретать те непосредственные возбудители, которые вызывают у собаки желаемый ответ. При таких условиях дрессировщик легко сможет анализировать моменты дрессировки и видоизменять их где это нужно.

Без теории дрессировки дрессировщик не знал, «почему» собака выполняет те или иные действия, он был слеп и его действия носили случайный, кустарный характер.

Основанием к созданию теории дрессировки мне послужили прежде всего научно-обоснованные анализы целого ряда практических достижений, причем выявилась в ряде проработок определенная закономерность их образований.

Второй основой теории дрессировки явилась наука в лице старой «психологии» и новых достижений в области изучения условных рефлексов (изучение высшей нервной деятельности организма, работы коры головного мозга).

Комплекс изучения вышеуказанных основ дает дрессировщику возможность произвести глубокий анализ каждого практического приема и определение возможности или невозможности выполнения того или иного задания.

Таким образом, теория современной дрессировки, не базируясь, как прежние учебники, на ряде случайных индивидуальных практических достижений, носит строго объективный характер и идет параллельно и в полном контакте с практическими разработками, строящимися, в свою очередь, на основных принципах **психофизиологии**, вернее, на основных принципах высшей нервной деятельности организмов.

Такая согласованность теории с практикой может служить верным залогом успеха в работе.

Весь курс теории дрессировки по своему содержанию делится на два отдела: 1) **Общий курс теории дрессировки** (методика) является наиболее важным и выявляет причины,

заставляющие собаку выполнить то или другое действие; этот же отдел знакомит с основами психической деятельности и границами «психических» возможностей собаки. Усвоив и глубоко осознав этот отдел, читатель может самостоятельно строить те или иные практические подходы к обучению собаки различным приемам. 2) **Техника дрессировки** является как бы теоретическим анализом практических разработок.

Разницу задач каждого из отделов можно определить и так: первый учит «почему» собака выполняет тот или другой прием, второй отдел учит «как» технически нужно провести построение желаемого приема.

Всегда перед техническим исполнением необходимо детальное методическое размышление, без которого действия дрессировщика будут носить характер случайных решений, не согласованных между собой, а иногда и определенно идущих в ущерб для дела.

Методика включает в себе строго продуманный план предстоящей технической работы и всю обоснованную последовательность действий.

Дело дрессировки впервые ставится на научное обоснование и прочным фундаментом его бесспорно является методика (общий, курс теории дрессировки). В ней мы знакомим молодого дрессировщика с целым рядом составных элементов процесса обучения, анализируем этот процесс, после чего дальнейшая техническая проработка приемов будет понятна и легко усваивается. Здесь же мы знакомим читателя с научными разъяснениями в области психологии животных, объясняя, какие процессы происходят в «мышлении» собаки при ее дрессировке.

В деле обучения вообще побеждает тот, кто проводит его по методически продуманному, а главное, обоснованному плану.

Дрессировщик, знающий только техническое обучение и не усвоивший общих научных основ теории, будет всегда «очеловечивать» психику собаки, а следовательно, будет строить свое обучение на ряде бессознательных ошибок и поведет его по ложному пути, будучи не понят собакой. (Под термином «очеловечивание» следует понимать отсутствие знания и учета работы коры головного мозга собаки. В таких случаях дрессировщик зачастую дает задания, понятные ему и окружающим людям, но совершенно непонятные для собаки, с ее границами «миропонимания» и «психических» возможностей.)

Старые учебники, правда, давали целый ряд механических подходов ко всем приемам обучения, но этого было слишком мало, так как этим путем было невозможно предусмотреть все мельчайшие отклонения, которые неизбежно возникают в процессе работы.

Мы говорим, что необходимо осознать предмет в целом, а не изучать механически некоторые его детали.

Можно решить по указке, запомнив, что $6+5=11$, но, не зная общих правил арифметики, нельзя решить подобную задачу с другими числами.

Так же нельзя, объясняя прием, только указать «сделай так», нужно объяснить **отчего** в данном случае нужно сделать так и **что** получится, если будет сделано несколько иначе.

Когда люди, посвятившие себя делу обучения собак, начнут, имея научный фундамент, выявлять при своей работе причины, заставляющие собаку исполнять требуемое действие, и будут анализировать также причины, тормозящие ход обучения, только тогда дрессировщик перестанет быть кустарем-любителем и встанет на правильную плоскость научно-объективного подхода к этому новому и интересному делу.

Переходя к непосредственному ознакомлению с общими основами теории дрессировки, мы должны еще раз указать читателю, что эта книга стремится дать лишь популярное ознакомление с научно-обоснованной теорией дрессировки и основами обучения собак.

Необходимо указать также и на то, что при разборе вопросов «психологии», физиологии и анализа обучения мы иногда будем придерживаться общеупотребительной старой терминологии, обычно употребляемой в субъективной психологии. Такое понятие – как «память», «инстинкт», «страх», «чувство», «удовольствие и неудовольствие» при объяснении вопросов дрессировки трудно заменить терминами объективной научной

физиологии, и мы, в целях более популярного изложения, будем придерживаться старых, более общепонятных форм, зная все же научно-объективные пути их образования.

Комплекс наук, занимающихся вопросами изучения жизни животных, включает в себе, грубо подразделяя, анатомию (вернее морфологию, так как анатомия является одной из морфологических дисциплин), физиологию и психологию (последняя дисциплина утратила свое значение, и вопросы, входившие в нее, ныне относятся к физиологии высшей нервной деятельности).

Первая из них изучает внутреннее строение и формы живого организма. Эта наука из всех трех является наиболее обоснованной, совершенной и определенной, так как она построена не на отвлеченных построениях и анализах субъективного характера, а на действительных реальных, практических разработках.

Второй наукой по степени законченности и совершенности мы назовем физиологию (мы назовем ее «наука о жизни» (я намеренно называю физиологию «наукой о жизни», ибо все, что живет, подвержено физиологическим закономерностям. Сама «жизнь» есть только самый сложный комплексный физиологический процесс, и не больше)), которая изучает непосредственно самую сущность жизни путем наблюдения и выявления закономерности в работе всех без исключения органов живого организма. Научные обоснования этой дисциплины добывались учеными с большим трудом, но каждое такое открытие являлось новым этапом к ее усовершенствованию.

При всей трудности своего пути физиология, как таковая, добилась прочного основного фундамента, и те надстройки, которые образовались впоследствии медленным эволюционным путем, являлись хорошим строительным материалом для ее дальнейшего развития.

Третьей, менее других совершенной, наукой, являлась **психология**. Самое определение психологии как науки, «занимающейся исследованием душевных явлений», говорит уже за шаткость ее обоснований, коль скоро ее фундамент зиждется на отвлеченном понятии о «душе», на начале, возникшем путем божественного произволения. На этих основаниях она не может уложиться в миросозерцание материалиста, которому чужды отвлеченные понятия, опирающиеся на бездоказательные основы.

В настоящее время старая, не научная психология утратила свое прежнее значение и получила название **субъективной, популярной психологии**. А взамен ее, все принадлежащие ей вопросы освещаются в плоскости физиологических обоснований учения о высшей нервной деятельности.

Наука вообще никогда не остается на мертвой точке, ее культура непрерывна. Человеческая мысль все время стремится к новым изысканиям в области неизвестного и выводит новые законы, определяющие существование миров и жизни. То, что раньше объясняли так называемыми «душевыми» явлениями, ныне объяснено анализом сложных физиологических процессов (механическими и химическими процессами).

На этих новых определениях психического анализа и психических закономерностей возникла новая наука – объективная психология (физиология высшей нервной деятельности).

Сделаем попытку грубо сопоставить анатомию и физиологию человека и собаки и постараемся выявить разницу между ними.

Говоря об основных принципах, не касаясь размеров и деталей анатомических форм и деталей физиологических процессов мы, при беглом сопоставлении, этой разницы почти не заметим.

Рассматривая скелет собаки и сличая его с человеческим скелетом, мы увидим: общий костяк, схожий с нашим, те же ребра, защищающие внутренние органы, тот же череп, защищающий мозг, тот же спинной хребет, который служит вместилищем спинного мозга и основным стержнем костяка, и, наконец, те же кости конечностей и целый ряд других общих признаков.

Внутренние органы: сердце, легкие, почки так же, как и костяк, чрезвычайно схожи.

Переходя к беглому обзору физиологических процессов, можно также указать на одинаковые принципы работы кровообращения, пищеварения, нервной системы, молочных и слюнных желез, органов чувств и т.д.

Разница заключается лишь в том, что человек и собака находятся на разных ступенях эволюционной лестницы и имеют: одни более совершенные анатомические формы и более сложные физиологические процессы, а другие менее совершенные. Другими словами разница является в деталях, а не в общих признаках. (В зависимости от условий существования и влияний окружающей среды тысячелетиями строилась «эволюционная лестница».)

Для дрессировщика, безусловно, самым важным является осознать, выявить общность человека и собаки в этой плоскости (физиологии мозга), а также установить и разницу между ними. Когда дрессировщик достигнет этого, все будет в его руках, ибо он будет знать «психические» способности и возможности своей собаки, будет своими действиями понятен ей, также как и она, ее действия и желания будут понятны ему. Проработка этого вопроса в освещении последних научных достижений и входит краеугольным камнем в общий курс теории дрессировки, поэтому мы на нем и остановимся более подробно.

Разберем вопрос, что нужно прежде всего для правильного, рационально поставленного хода дрессировки. Раньше всего нужна установка взаимного понимания человека и собаки, для чего необходимо прежде всего осознать возможности, вытекающие из высшей нервной деятельности (психические [границы] собаки и сообразно с этим строить в дальнейшем весь процесс обучения. Другими словами, основа дрессировки заключается прежде всего в знании психологии собаки [детального изучения процессов «поведения» (американский термин) собаки и изучения причин и закономерностей ее «поведения»].

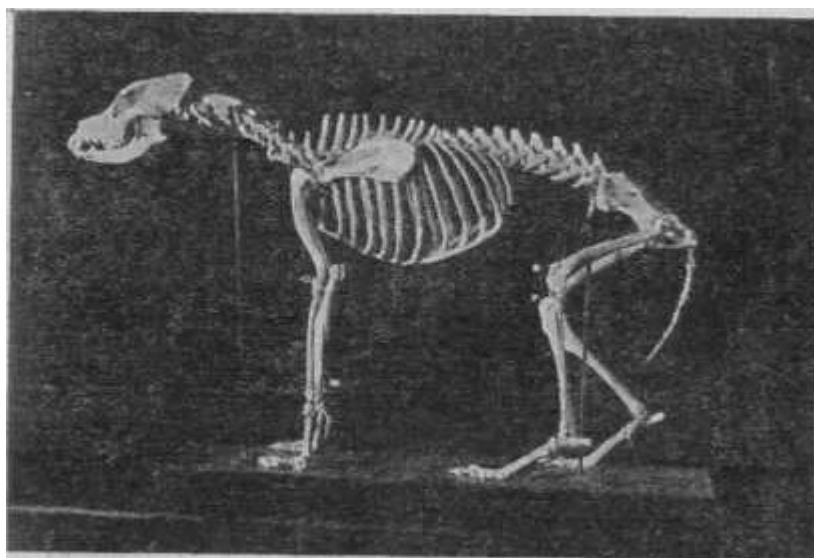

Рис. 5. Скелет собаки.

Нужно помнить, что подход, удачно применяемый для одной собаки, может быть абсолютно негоден для другой в зависимости от ее характера, психических наклонностей, возраста и внешних условий обстановки.

Дрессировщику необходимо знать причины непослушания и раздражения собаки, найти с ней «общий язык» и в зависимости от этого применить тот или иной подход в разработке приема.

В дрессировке особенно важно и необходимо, чтобы дрессировщик, учитывая «психологию» собаки, умел всегда заинтересовать собаку в работе, дабы она ее выполняла охотно, имея заставляющим импульсом стремление к удовлетворенности или твердо установившуюся «механизацию» выполнения приема. Все, что является для собаки

неприятным и делаемым исключительно по принуждению, а, следовательно, и не интересующее собаку, всегда является трудно выполнимым.

Исходя из этого, дрессировщику необходимо прежде всего быть разумным психологом и педагогом, строящим дрессировку и комбинирующим приемы на принципе поддержания заинтересованности собаки в достижении результатов впредь до установки механического исполнения приема, т.е. образования привычки (стойкого условного рефлекса) к безотказному исполнению. Опытный дрессировщик должен разработать подход к приему таким образом, чтобы исполнение его вытекало из естественного стремления собаки к удовлетворенности, а это может быть достигнуто только путем заинтересованности ее в работе по данному приему.

Возвращаясь к нашему основному вопросу о «психологии» животных, необходимо кратко остановиться на исторических штрихах развития этого вопроса.

Желание изучить границы психических возможностей животных интересовало ученых от Аристотеля до наших дней.

Даже в настоящее время нельзя сказать, чтобы этот вопрос был разрешен окончательно, несмотря на гигантский скачок вверх после возникновения учения И.П. Павлова об условных рефлексах.

С древних времен ученые спорили и разноречиво высказывались о том, имеет ли животное ум и обладает ли оно процессом мышления. Многие ученые, согласно мировоззрению того времени, доказывали полное отсутствие мышления у животных, другие ученые приводили не менее обоснованные данные о наличии ума, а следовательно, и процессов мышления у животных.

Одним из первых древнейших натуралистов-исследователей был греческий философ Аристотель. Еще за 400 лет до нашей эры он видит в животных разумные существа и в зависимости от их способности к мышлению делит их на разные группы.

Аристотель говорил, что «животные могут учиться и запоминать, но они не могут рассматривать то, чему они научились». Он указывал, что «у животных встречаются следы тех же душевных явлений, которые более резко выявляются у человека». Другими словами, еще в те далекие времена Аристотель устанавливал у животных наличие памяти и некоторой доли мышления.

Это было наиболее смелое и лучшее определение из всего того, что было высказано в те века.

Прошло более полутора тысяч лет, и Лейбниц в своей теории высказывается шире. Он говорит о примитивных рассуждениях животных, о сравнении впечатлений у них, т.е. о наличии сознательного мышления, но с некоторыми ограничениями.

Бюффон, ставя примером собаку, находит у животных наличие страстей человека, чувств, сознания своего существования и способности восприятия впечатлений. Далее ученые того времени доказывают, что человек, являясь высшей формой животного мира, по своему анатомическому строению весьма схож с животными высшего порядка и к своему физическому и психическому облику подошел эволюционным путем в течение долгих периодов и эпох (Дарвин).

Различные описания ученых о психической деятельности животных в конце концов в XVII и XVIII веках вылились в борьбу двух понятий.

Одна группа ученых настаивала, что животное не имеет мышления и все его действия можно объяснить только проявлениями врожденных инстинктов, т.е. бессознательными процессами.

Другая – доказывала, что животные имеют мышление, основанное на тех же основных психологических процессах, как и у человека.

Здесь придется немного остановиться на определении понятия, что такое инстинкт.

Формула инстинкта (по субъективной, популярной психологии) такова: «инстинкт есть врожденная способность организма производить без участия сознания целесообразные действия, направленные к сохранению своего рода и индивида».

По наружным проявлениям легко смешать инстинктивные действия с действиями, производимыми в силу мышления, так как целесообразность их делает похожими на сознательные действия.

Так, например: собака перед наступлением «щена» устраивает гнездо и затем по оцenenии перегрызает у щенков пуповину. Этому ее никто не учил, это она делает бессознательно на основании инстинкта сохранения рода. Бобры под влиянием врожденных инстинктов строят хижины и плотины, делая запруды. Птицы, никогда и никем не обучавшиеся, под влиянием тех же инстинктов строят гнезда в целях сохранения рода.

Дрессировщику особенно важно быть знакомым с инстинктами собак, так как ему часто при построении приема придется пользоваться ее врожденными инстинктами. Так, например, инстинктивное преследование «убегающего» пригодится при проработке конвойной и караульной службы, инстинктивное схватывание всяких двигающихся предметов послужит основой обучения аппортировке.

В 1812 г. ученый Кювье установил разницу между умом и инстинктом, формулируя ее так: 1) в инстинкте все слепо необходимо и неизменно, в уме все подлежит выбору, условию и изменямости; 2) в инстинкте все врожденно, в уме все происходит по опытности и обучению; 3) в инстинкте все частно, в уме все обще.

Формула Кювье в свое время ясно разграничила понятие об уме и инстинкте и показала дальнейший путь к изучению психологии животных.

Говоря об инстинктах, необходимо кратко указать и на так называемое **угасание** их. Инстинкты связаны прежде всего с борьбой за существование и берут начало в способности каждого живого организма делать целесообразные действия без участия сознания (что мы несколько позже назовем рефлексом).

Естественно, что животные, находящиеся в диком состоянии, на каждом шагу пользуются инстинктами, постепенно развивая их.

Коль скоро животное выходит из дикого состояния и одомашнивается (при котором отпадает необходимость процессов борьбы за существование), у него в эволюционном, наследственном порядке, без постоянных упражнений **инстинкты гаснут**, уступая место развитию более сложных психических процессов, т.е. мышлению.

Так и у человека угасли дикие инстинкты прежнего дикого пещерного человека и развилось, за счет угасших инстинктов, мышление (инстинкты фактически не угасли. Тысячелетиями все большие и большие наслойки (условные рефлексы) на кору головного мозга тормозят все то, что находится ниже коры (подкорковые центры-инстинкты). Большое количество сложных условных рефлексов заглушает работу подкорковых центров).

У домашних собак, в зависимости от их работы, наблюдается различная степень угасания отдельных инстинктов. В то время как у комнатных собак инстинкты более угасли, у некоторых других пород, как, например, у охотничьих, они еще выражены достаточно ярко. Это происходит в силу постоянных служебных упражнений последних или жизненной необходимости инстинкта. Правда, пройдут века, тысячелетия и общий ход эволюции возможно заглушит и их.

Говоря по вопросу об инстинктах, необходимо указать и на следующее: часто в общежитейских отношениях привычкам приписывают вид инстинктивных действий. Так, например, говорят «у этого столяра есть навык, он работает инстинктивно». Эта фраза в корне неправильна. Привычка прежде всего есть вид разумного действия. Наша быстрая речь есть тоже привычка говорить, и мы, говоря, не обращаем внимания на быстро произносимые слова нашего родного языка, так как мы «привыкли» к нему. Но стоит нам начать говорить на иностранном языке, который мы плохо знаем, как нам придется заметно обдумывать каждое слово. Говоря на родном языке, как бы быстро мы ни говорили, все же каждое слово проходит через наше сознание, заставляя в памяти всплывать представления, соответствующие данному слову. В силу большой привычки это происходит настолько быстро, что мы не можем заметить сложности всего процесса, и эта-то незаметность прохождения привычных действий через сознание и позволяет сравнивать привычки с

инстинктами («автоматизация» и «автоматизм»). (Привычка объясняется образованием крепкого условного рефлекса или целого комплекса условных рефлексов.)

Инстинктивные или бессознательные действия также быстры, а потому наружно и похожи на процессы «привычек». (В целях лучшего ознакомления с понятием инстинкта – см. главу об инстинктах.)

Дабы дальнейшее изложение вопроса о «психической» деятельности собак было легко понятно, нам придется коротко и схематично остановиться на основных принципах работы нервной системы, на работе чувств и образования ощущений.

Только в XVII веке получило твердое научное обоснование учение о центральной нервной системе. После этого наука начала быстро развиваться, но до образования опытных станций по экспериментальной психологии (первая станция была открыта Бундом в Лейпциге около 75 лет тому назад) положения ее были очень неустойчивы.

Наука говорит, что ни одна мысль, ни одно движение, ни одно ощущение не может пройти без участия нервной системы и этим-то и отличается живое существо от автомата – машины.

Централизованная нервная система объединяет в себе головной и спинной мозг, нервные стволы и периферию (сеть нервных волокон, расходящихся от нервных стволов по всему телу).

Установлено, что «головной мозг работает в процессах сознательных движений, в планомерном порядке стремясь к их общей целесообразности» (автор в данном случае не имеет в виду «подкорковых центров», заложенных в головном мозге). Что касается спинного мозга, то он «на все чувствительные раздражения, получаемые от внешнего мира, дает также целесообразный ответ, но бессознательно и более быстро».

Итак, высшие нервные центры, руководящие сознательными действиями, находятся в полушариях большого мозга.

В науке есть указания, что психическое развитие данного интеллекта находится в прямой зависимости от большого количества усложненной формы мозговых извилин полушарий головного мозга и его веса (?!). Экспериментальная психология установила средний вес мозга мужчины в 1 424 грамма и женщины 1 274. Взвешивание мозга особенно выдающихся по психическому интеллекту людей показало значительное увеличение веса их мозга и большую сложность мозговых извилин. Так, например, мозг Менделеева весил 1 570 грамм. Мозг Бехтерева весил 1 400 грамм.

Нервные волокна, отходящие от головного и спинного мозга (периферическая система), имеют два назначения – одни являются **чувствительными**, а другие **двигательными**. Они представляют собою как бы два пути, по которым передаются так называемые нервные возбуждения.

Задачей чувствительных нервов является передача всех раздражений, идущих от внешнего мира к центру как, например: осязание, зрение, вкус и обоняние получаются при работе чувствительных нервов. Наоборот, другой нервный путь: **двигательные нервы передают «приказания» от центра нашим конечностям**. Так, например, движение ног лежащей собаки для того, чтобы встать, производится работой двигательных нервов.

Необходимо отметить, что возбуждения одного нерва не передаются близлежащим нервам, а идут непосредственно к центру, передавая возбуждение со скоростью около 60 метров в секунду. Здесь следует обратить внимание на так называемый **порог раздражения**, т.е. минимумы и максимумы силы раздражителей, могущих вызвать возбуждение чувствительных нервов. По данному вопросу, на основании экспериментальных работ, доказано, что **животные обладают значительно большей чувствительностью, чем человек**. Так, например: обоняние собаки позволяет ей чувствовать запах течки на чрезвычайно большом расстоянии; собака различает 1/8 тона, а человек 1/2 тона и т.д.

Полушария большого мозга **разделяются на участки**, одни из коих обслуживают аппарат зрения, другие – вкуса, третьи – слуха и т.д. Эти участки подразделяются на более мелкие, как, например: участок мозга, обслуживающий слух, в свою очередь делится на два

участка тона и тембра; участок, обслуживающий вкус – на участки кислых, сладких, соленых и горьких ощущений.

Теперь проследим, каким образом работает нервная система в целом и как получается само ощущение. На каждый живой организм действует **беспрерывно** ряд раздражений, идущих от внешнего мира и вызывающих соответствующие ощущения в мозгу. Зрительные раздражения вызывают ощущения света и цвета, слуховые – тона и тембра, осязательные – прикосновения, обонятельные – запаха, термические – холода и тепла и т.д.

Самый процесс передачи раздражения происходит следующим образом: предположим, что недалеко от животного кто-то крикнул. Звук (т.е. звуковая волна) дошел до органа слуха и привел в известное колебание барабанную перепонку; это колебание системой мельчайших косточек передается в так называемое «внутреннее ухо», раздражая окончание слухового нерва; слуховой нерв пришел в соответствующее возбуждение (в зависимости от тона и тембра данного звука) и это возбуждение по нервным путям передалось в мозг, где и получилась реакция возбуждения, т.е. сам звук «ощутился».

Точно такие же по своему характеру процессы происходят при образовании всех без исключения ощущений, т.е. при работе всех органов чувств. Для того, чтобы организм произвел какое-либо ответное движение, процесс происходит в обратном порядке: «приказание к движению», возникшее в мозгу, передается по двигательным нервам соответствующей мышце или группе их, которые, сокращаясь, и производят желаемое движение.

Основные понятия о научно-объективном изучении психической деятельности животных.

Несколько ранее мы указывали, что наука в своем эволюционном развитии создала для старой психологии новые научные определения, новые незыблемые основы, открыв прежнюю неизвестность ряда «душевных» явлений и вскрыв старое понятие о «душе», связанное с божественным произволением. Постараемся в кратких словах охарактеризовать основы объективной научной зоопсихологии, осветив ее основной стержень – учение о рефлексах.

Чрезвычайно трудно подойти к выяснению вопроса об инстинктах и о разуме животных, т.е. к рассмотрению тех понятий, которые ранее скрывались под общим названием «душа». Еще очень недавно это считалось совершенно недоступным для понимания человека.

За последние годы наука, безостановочно работающая над вопросами изучения психической деятельности животных, ярко очретила эти понятия со строго научной точки зрения, дав новые определения того, что до сего момента считалось непонятным.

Мы говорили уже о том, что старая, не научная, психология при всех разбираемых вопросах о душевной деятельности животных прежде всего исходила «от себя», пользуясь «самоанализом», сравнивая те или иные переживания животного с переживаниями испытателя, не имея другого пути исследования. В связи с этим все поступки (поведение) животных сравнивались с поступками человека, невольно «очеловечивая» действия животных. Это-то и вело зачастую к грубейшим ошибкам в определениях миропонимания животных.

Несколько ранее мы говорили, что люди, живущие в одной семье и обладающие разным психологическим уклоном, часто не понимают друг друга, благодаря тому, что каждый сравнивает действия другого человека со «своей точки зрения» (подходя субъективно), в результате чего следует болезненная ненормальность взаимоотношений между такими «разными» людьми (разные «установки» на жизнь и разные «характеры», т.е. разная степень возбудимости неясной системы, являются причинами взаимных непониманий друг друга).

Конечно, строя понимание поведения животных таким же методом субъективного толкования, ошибки будут выражаться еще резче и еще чаще.

Для науки такой подход к оценке поведения животных был недопустим благодаря своей ошибочности; нужно было найти более прочный способ определения психической деятельности животных, объективный, чисто внешний способ, который бы не зависел от субъективного (личного) миропонимания, а носил бы общий научно-обоснованный характер. Новое направление, которое приняла наука в области изучения зоопсихологии, называется наукой о поведении животных, понимая под словом «поведение» (под «поведением» нужно понимать взаимоотношения между животным и окружающей средой (ответы на различные возбудители), (термин, введенный учеными Америки) приспособление организма к окружающей среде. Нам уже известно, что на каждый живой организм непрерывно действуют так называемые «потoki» различных раздражений: мы слышим выстрел – через соответствующие нервы идут звуковые раздражения к нашим слуховым центрам, видим различные формы предметов – идут соответствующие раздражения зрительных центров.

В зависимости от силы произведенного раздражения, организм дает те или иные ответные действия, как бы приспособляясь к окружающей среде, т.е. дает целесообразные ответы, как бы борясь за существование.

Наука о поведении как раз и изучает процессы целесообразных ответных действий организма на получаемые раздражения и выискивает закономерность между ними (на организм животного все время идут «потoki» различных раздражений – звуковое, зрительные, осязательные и т.п.) К изучению сложных процессов нужно подходить постепенно, начиная с анализа самых простых явлений. Вот почему изучение сложных процессов поведения животных и началось с простейших ответов на внешние раздражения, а именно с рефлексов.

С этим видом простейшего психического акта мы встречаемся в нашей жизни постоянно и на каждом шагу. Когда человек начинает падать, он производит целую серию различных целесообразных движений, перегибая туловище в разные стороны, с целью сохранить равновесие и удержаться на ногах (то же и человек, балансирующий на канате в цирке); каждое отдельное движение происходит здесь без участия сознания с молниеносной быстротой, но с определенной целесообразностью в каждом отдельном случае.

При анализе этих движений научно неподготовленному человеку казалось бы, что каждое из движений строго продумано.

Пойдем дальше: если мимо глаза летит капля, то наши веки моргают, целесообразным движением защищая глаз; когда в тот же глаз попадает соринка, организм немедленно дает целесообразный ответ в виде выделения слез, которые и смывают попавшую соринку. Когда мы уколем руку иголкой, рука целесообразно мгновенно отдернется.

Итак, организм непрерывно на все идущие раздражения дает целесообразные ответы, как бы «отражая» их. Таковой процесс наука называет рефлексом (в переводе – отражение).

Мы говорим, что рефлекс совершается при участии нервной системы, но без участия сознания, (работы коры головного мозга).

Если мы для опыта возьмем лягушку, отрежем ей голову, и затем, привязав за нижнюю челюсть (оставив ее неотрезанной), ущипнем за лапку, лягушка целесообразно отдернет ее, как бы отстраняясь от опасности; если мы капнем на ту же лапку кислотой, лягушка начнет другой лапкой делать целесообразные движения, стараясь как бы смыть кислоту. Нет никакого сомнения, что эти целесообразные действия происходят без участия сознания, ибо ее головной мозг (аппарат сознания и мышления) был заранее удален.

Но как только мы для продолжения нашего опыта разрушим и спинной мозг, то лягушка вовсе прекращает давать целесообразные ответы на даваемые раздражения и не реагирует на них.

Опыт с лягушкой является «основным» классическим опытом выявления рефлекса, здесь указана самая простая оборонительная реакция, но она постоянна и регулярна, ответы организма идут вне всяких условий окружающей среды. В этом опыте выявляется строгий закон «машинности» рефлекса.

Конечно, в житейской обстановке животных процессы их нервной деятельности носят более сложный характер, для которых опыт на спинно-мозговом препарате лягушки является лишь классическим примитивом.

Целыми рядами опытов установлено, что простейшие виды психических (б. душевных) явлений, а именно рефлексы или инстинкты (более сложные рефлексы) не связаны с сознанием, а происходят помимо него.

Итак, **центральная нервная система является центром рефлекторных и инстинктивных явлений**, – к ней идут от различных частей поверхности животного и от его органов чувств различные чувствительные нервы и от Ц.Н.С. идут к мышцам соответствующие двигательные нервы. Такой путь передачи нервных возбуждений называется рефлекторной дугой.

Теперь коснемся кратко так называемой «разумной» деятельности животных. Здесь прежде всего нужно указать, что прежняя граница между инстинктом и разумом по старой психологии была чрезвычайно неопределенна и скользка. Так, нередко, как мы уже сказали, целесообразные действия суки, устраивающей гнездо, необходимое для сохранения рода, признавалось вполне разумным действием, так как формы выражения инстинктивных действий в виду их целесообразности чрезвычайно похожи на обдуманые действия. Эту труднейшую из задач, а именно определение «разумной» деятельности животных, и разрешил академик И.П. Павлов, путем создания нового учения об условных рефлексах. Попробуем здесь указать ее основные положения.

Первая работа по условным рефлексам относится к 1902 г.

Изучая работу слюнных желез и делая опыты над собаками, было замечено следующее явление: если собаке давать раздражения, вызывающие слюну, в виде сухого хлеба, организм, приспособляясь для того, чтобы смягчить сухую пищу, выделяет много слюны. Если же начать давать пищу менее сухую, например, мясо, слюна будет выделяться в меньшей мере, так как мясо водянистее сухого хлеба. Другими словами, организм дает целесообразный ответ, выделяя слюну в таком количестве, которое нужно ровно для того, чтобы пища была достаточно намочена и удобна для проглатывания.

Процесс слюноотделения вытекает из общего процесса борьбы за существование. Попавшая пища должна быть смочена слюной, дабы пройти через узкий пищевод. Чем суше пища, тем больше слюны выделяет организм. В зависимости от «кислотности» пищи, протоки слюнных желез, устроенные на подобие узких канальцев передают слюну разного характера.

При поступлении «вредных веществ» (кислоты, горечь и т.д.) выделение слюны носит длительный характер, так как идет глубокая «отмывка» рта. То же наблюдается и при нахождении во рту пыли и песка.

Конечно, весь указанный процесс по своей сложности напоминает нам «разумные» действия, но это не так, ибо опытами доказано, что здесь имеют место уже знакомые нам действия рефлекса. Этот процесс в конце концов можно формулировать так: **«на каждое раздражение, идущее от внешнего мира, приспособленный организм дает целесообразный ответ в определенном закономерном порядке, и этот простейший механический процесс называется рефлексом».**

Организм животного приспособлен к таким действиям, этому рефлексу учить животное не приходится. Животное рождается уже с готовым механизмом, т.е. нервной системой, дающей постоянный одинаковый ответ на соответствующие раздражения, причем точность этих ответов постоянна и неизменна. Но сам по себе рефлекс не появляется; для его возникновения нужен раздражитель (возбудитель), вызывающий это ответное действие организма. Этим раздражителем может быть: хлеб, бегущий человек, запах мяса, выстрел, и т.д.; важен факт, что для возникновения рефлекса наличие раздражителя обязательно. Вторым признаком образования такого рефлекса является тот факт, что для образования его совершенно не нужна работа «сознания» (коры полушарий головного мозга), и он происходит при работе низших отделов центральной нервной системы.

И.П. Павлов такой рефлекс (который получается при непосредственном участии самого раздражителя) назвал безусловным рефлексом в отличие его от рефлекса другого типа, о котором укажем ниже.

Далее при опытах было замечено, что слюна у собаки стала выделяться в некоторых случаях и без наличия непосредственного раздражителя, т.е. не только при даче пищи, а при одном виде чашки, в которой обычно дают пищу (но слюна в таких случаях выделялась несколько меньше).

Точно так же слюна выделялась и при виде собакой куска мяса, но в несколько меньшем количестве, нежели при самом процессе жевания его. В последнем случае собака как бы «узнает» мясо, возбуждаясь при одном его виде, как бы «понимая» его, и выражает свое возбуждение соответствующим телодвижением.

Опыт показал, что показываемое щенку мясо (никогда еще не бывшее во рту щенка) не вызывает реакцию и слюна не появляется; после 2–3 раз жевания мяса один вид его уже вызывает ответную реакцию и слюна появляется.

Итак, получилось два вида рефлексов: один из них вызывался непосредственным наличием раздражителя, а другой вызывался как бы путем «знаний», путем «выучки», без наличия непосредственного раздражителя. Первый вид рефлекса был врожден, а второй приобретен («выучен»).

Далее производимые опыты установили следующее явление: если собаке, давая пищу, постоянно связывать этот момент с ударом колокола, то после 10–15 таких одновременных действий, при одном ударе колокола, без дачи пищи, у собаки потечет слюна, т.е. рефлекс получится, будучи вызван не непосредственным раздражителем (пищей) а его условным заместителем (звонком). Таким образом, для получения рефлекса второго типа нужно, чтобы новый раздражитель (звонком), прежде безразличный для собаки и не вызывавший слюнотечения, был бы произведен одновременно и несколько раз со старым раздражителем (мясом), непосредственно вызывающим известный нам безусловный рефлекс.

Такой новый вид рефлекса И.П. Павлов назвал условным рефлексом, так как возникновение его находится в зависимости от наличия некоторых обязательных условий (например: вид пищи).

Получение такого рода рефлекса может быть обусловлено не только звонком, а любым условным обозначением; так, можно связать дачу пищи с зажиганием красной лампочки, со звуком свистка, с дачей определенной команды и при всех этих условных возбудителях после ряда повторных одновременных действий, связанных с непосредственным безусловным возбудителем, получался условный рефлекс.

«Вульгарный», ненаучный, обывательский язык формулирует это обычно так: собака «помнит», что еда дается всегда при звуке колокола, и когда звучит колокол собака «знает», что сейчас ей дадут пищу. Да, в нашем общежитийском разговоре это так, на самом деле научно-объяснимый процесс образования условных рефлексов таков: поскольку безусловный рефлекс получается без участия сознания, постольку приобретенный условный рефлекс получается лишь при наличии работы полушарий головного мозга: стоит только отнять их, как все искусственно воспитанные условные рефлексы исчезают.

Условными возбудителями могут быть различные зрительные, вкусовые, обонятельные, звуковые и осязательные сигналы; ряд условных связей (условных рефлексов) устанавливает на жизненном пути животного – житейский опыт «есть типичный пример образования цепи условных рефлексов».

Но лишив животное, путем сложной хирургической операции, больших полушарий головного мозга, мы увидим полнейшую потерю всех без исключения условных рефлексов. Все то, что было приобретено, все уничтожается, остается лишь то, что было врождено.

Взрослая собака становится, по своему поведению, маленьким щенком, но с худшим будущим, потеряв способность «психически развиваться». Процессы питания и другие врожденные рефлексы продолжают, однако, обслуживать животное в полной мере.

Наукой установлено, что органом образования условных рефлексов является кора больших полушарий головного мозга, что только в ней устанавливаются искусственные связи. Заболевание ее несет «забывчивость», потерю памяти и ряд других явлений, под общим названием «психических заболеваний».

Когда собака видит миску, из которой она ни разу не ела, зрительное возбуждение еще недостаточно сильно и поэтому быстро исчезает. Когда собака видит ту же миску и ест лежащую в ней пищу (т.е. связывает вид миски с процессом раздражения, получаемого от еды), то при наличии такого сильного раздражителя возбуждение из полости рта поднимается до сознания, причем пищевой центр в определенном участке мозга приходит также в сильное возбуждение; полученное же возбуждение в этом центре головного мозга расходуется по нервным клеткам, идя и навстречу слабому зрительному возбуждению, возникшему при виде мяса и миски, и встречается с ним. Повторение такого процесса несколько раз произведет так называемое «замыкание» условной связи между зрительным раздражением (вид миски) и ощущением мяса в пасти, вследствие чего и выделяется слюна.

Итак, условный рефлекс создается искусственной установкой связи, тогда как безусловный рефлекс возникает естественным путем.

Подведем небольшие итоги: простейшими актами психической деятельности животных являются безусловные рефлексы, кои являются по существу своему простейшими обязательными ответами организма на явления окружающей среды. По своему характеру они делятся на три основных типа: 1) рефлексы питания: «хватательный» рефлекс на пищу, сосательный рефлекс, слюноотделение, 2) рефлексы самосохранения, защитные (мигание глаз и т.п., 3) рефлексы размножения (половые рефлексы). (Инстинкты, т.е. комплексы безусловных рефлексов, также по своему характеру делятся на указанные группы. Кроме того, имеется еще ориентировочный рефлекс (см. ниже).)

Примерная схема процесса эволюции душевных способностей организмов такова:

- 1) простые, безусловные рефлексы;
- 2) сложные, безусловные рефлексы (инстинкты);
- 3) условные рефлексы I порядка;
- 4) условные рефлексы II порядка;
- 5) сложные условные рефлексы высших порядков.

Итак, последним видом психической деятельности животных после простых, безусловных рефлексов и более сложных рефлексов, называемых «инстинктами», являются искусственно воспитанные, путем установки замыкания условной связи между непосредственным раздражителем и его условным заместителем, – условные рефлексы, работа коих, по старой терминологии, обуславливается «запоминаниями», «ассоциациями», т.е. установкой связи и т.д.

Этот последний вид психических явлений и носит в себе то, что мы привыкли понимать под словом «разум», «сознание» и «мышление».

Условные рефлексы, воспитанные таким образом, при котором условное обозначение связывалось с непосредственным возбудителем, называются условными рефлексами первого порядка; так, например, у той собаки, которая выделяет слюну при виде мяса, воспитан рефлекс I порядка, ибо для образования его послужила связь зрительного возбуждения (вид мяса) со вкусовым (мясом во рту), причем, последнее было непосредственным возбудителем, т.е. вызывающим безусловный рефлекс.

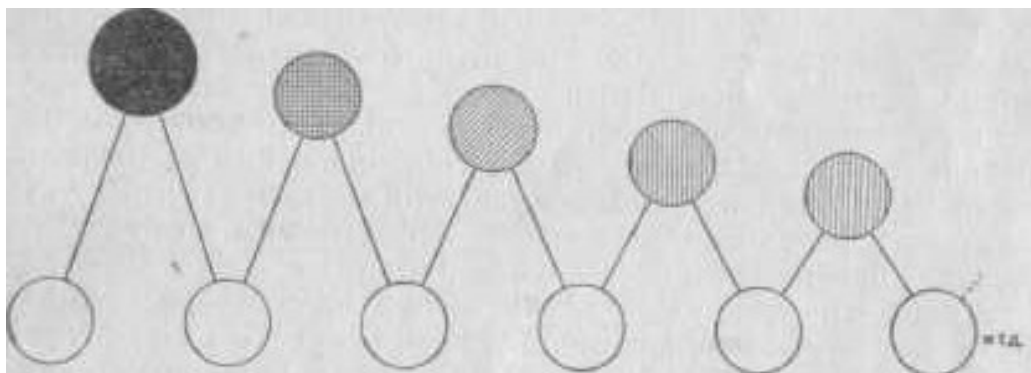
В дальнейшем можно поступить и так: можно вид мяса, уже вызывающий условный рефлекс без непосредственного возбудителя – мяса во рту, связывать со звонком, и новый условный рефлекс на звонок все же получится после ряда повторений, но не в такой силе, как в первый раз. Эта новое образование называется условным рефлексом II порядка.

Здесь условный рефлекс воспитался от связи с другим: условным рефлексом. Нужно сказать, что таким же образом, получается образование условных рефлексов III, IV, V и т.д. порядка. Пределом «психической деятельности» собаки считают воспитание условного рефлекса III порядка. (Образование условных рефлексов III порядка у собаки относится лишь

к работе в лабораторной обстановке. Границы воспитания сложных, условных рефлексов среди естественных условий мы не знаем и часто не можем проследить всю цепь новых наложен условных рефлексов, не имея возможности найти исходный пункт (безусловный рефлекс – базис образования условного рефлекса I порядка.)

Меня часто спрашивали, сколько условных рефлексов можно выработать у собаки. Нет границ, нет никаких рамок. Собака получает бесконечное количество все новых и новых условных рефлексов через ряды окружающих ее явлений жизни. Опытами установлено, что **последующие условные рефлексы воспитываются легче, чем предыдущие**. Высшая нервная деятельность не ограничивается только численным количеством условных рефлексов – приспособляемость к жизненным условиям заключается во взаимоотношении рефлексов, во внутреннем торможении одного рефлекса другим, с другой стороны – дифференцировка (уточнение действующего раздражителя) имеет такое же исключительное значение.

СХЕМА ОБРАЗОВАНИЯ УСЛОВНЫХ РЕФЛЕКСОВ РАЗНЫХ ПОРЯДКОВ				
Условный рефлекс I порядка	Условный рефлекс II порядка	Условный рефлекс III порядка	Условный рефлекс IV порядка	Условный рефлекс V порядка

Непосредственный раздражитель	Условный раздражитель	Условный раздражитель	Условный раздражитель	Условный раздражитель
-------------------------------	-----------------------	-----------------------	-----------------------	-----------------------

Рис. 6. Основанием условного рефлекса I порядка является безусловный рефлекс, вызываемый непосредственным раздражителем; каждый последующий условный рефлекс, воспитываемый уже на фундаменте условного раздражителя, менее устойчив, чем предыдущий.

Вначале условные рефлексы вырабатываются на грубо различимые между собой раздражители (вспомним воспитание ребенка) и реакция наступает на ряд «похожих» между собой раздражителей. Затем при жизненном опыте или обучении, они постепенно уточняются и благодаря тормозным процессам («ошибкам» «это хорошо, а это плохо», «это то, а это не то») шлифуются на более точные раздражители, —эти процессы и называются **«дифференцировкой»**.

Примеры дифференцировки следующие: собака дает реакцию (слюна) на звук метронома на 120 ударов и не дает реакции на 100 ударов. Рефлекс, получаемый на красный свет, не получается на желто-красный. Собака слушается только одного «хозяина», она выбирает из целого ряда чурок по чутью чурку, которая была в руках своего дрессировщика (пример точной дифференцировки на запах).

Идя опытом дифференцировки условного пищевого рефлекса, удалось добиться лабораторным путем, постепенно сближая тоны (тормозя рефлекс в «неправильные» моменты), различение собакой 1/8 тона.

Будь то опыты в лабораторной обстановке или дрессировка животного в поле, очень часто приходится наблюдать, что кроме воспитания нужного и желаемого условного рефлекса воспитывается попутно и ряд других условных рефлексов, нежелательных для экспериментатора.

Стук в двери при входе в лабораторию, белый халат экспериментатора, вход человека, кормящего и ухаживающего за собакой, звук его шагов, стук чашки, – все это есть побочные раздражители, побочные возбудители, условные рефлексы, мешающие работе основного условного рефлекса, тормозящие воспитываемый рефлекс. В силу этих обстоятельств лаборатории обставляются таким образом, чтобы налицо **было наименьшее количество побочных раздражителей**; так, например, экспериментатор наблюдает через комбинацию зеркал из других комнат, – безусловный возбудитель (пища) подается механически, бесшумно и т.д.

Точно то же нужно делать и при дрессировке собак в поле; для этого необходимо **начинать** заниматься без отвлечений внешнего мира, не в однообразной обстановке, дабы наличие одних и тех же зрительных и слуховых возбудителей не создало ряда подобных, нежелательных условных рефлексов, вводя действие этих побочных раздражителей потом.

Касаясь кратко вопроса об ориентировочных реакциях, нужно сказать, что прежде всего всякое новое «впечатление», т.е. новый комплекс зрительных и слуховых раздражителей, вызывает «ориентировочные рефлексы». (И.П. Павлов называет этот вид «инстинкт рефлекса» «что такое». Сюда же можно отнести и жажду знаний и любопытство. По существу это исследовательско-ориентировочная реакция.)

Так, например, собака чуткостораживается, принохивается и всем своим поведением выражает напряженность и «заинтересованность». Ориентировочные реакции есть результаты испытания собакой новых, незнакомых раздражителей. Такие ориентировочные рефлексы как более сильные естественно тормозят искусственно воспитываемые условные рефлексы – случайный звук выстрела, оркестр, луч прожектора, – все это является тормозными процессами, вызывая ориентировочную реакцию. Вот почему, борясь с этими явлениями (мы их называем «отвлечением внешнего мира»), необходимо для дрессировки создавать соответствующую среду, обстановку.

Здесь необходимо несколько коснуться и процессов угасания условных рефлексов; происходит это в тех случаях, когда мы, выработав условный рефлекс, будем давать впоследствии **только одно условное обозначение (команду) без подкрепления одновременным действием раздражителя**, вызывающего безусловный рефлекс (непосредственного возбудителя). Так угаснет выученное когда-то стихотворение, так угаснет исполнение приемов собакой («распускается» дисциплина собаки), если мы время от времени не будем вновь «освежать» его одновременным действием обоих раздражителей (условного и непосредственного).

Очень часто мы называем угасание условных рефлексов «забывчивостью» и косвенно – «разочарованием».

Оканчивая этот краткий очерк и отсылая читателя к более точным трудам по этим вопросам, я хочу лишь указать, что стремление к чувствительнейшим дифференцировкам (уточнениям возбудителей) сопровождается всегда тормозными процессами, что высшая нервная деятельность («психическая деятельность») **состоит из постоянного возбуждения и соответствующего торможения**.

Без постепенно действующих процессов торможения нет высшей нервной деятельности (сознания мышления). Потеря работы тормозных центров является «психическим заболеванием» и «сумасшествием»; в таких случаях инстинкты проявляются свободно ничем не сдерживаемые.

При начале обучения (ребенок, щенок) условные рефлексы свободно наступают, но они не дифференцированы. Постепенно они уточняются (дифференцируются), на сцену выступают тормозные процессы, с каждым днем тормозные процессы уточняются и взаимоотношение условных рефлексов выравнивается.

Высшая нервная деятельность и состоит, главным образом, из процессов возбуждения и торможения, тех или иных рефлексов. В коре больших полушарий идет постоянная борьба, процессы возбуждения и торможения есть причины и в то же время и результаты борьбы. Но это не все, взаимоотношения процессов возбуждения и торможения имеют различные разновидности. Физиология их называет: дифференцировкой, внутренним торможением, угасанием, следовым рефлексом и срывами.

Размеры книги, к сожалению, не позволяют дать полное объяснение этих процессов, а также всех процессов иррадиации, индукции и теорию «доминанты». «Не одна только способность образовывать условные рефлексы характеризует высоту развития организма, но еще и свойственная коре головного мозга способность подавлять, тормозить реакции на некоторые раздражители. Несомненно, что практика этой способности лежит в основе приучения, дрессировки и воспитания. Указание «не делай того-то» есть необходимое прибавление к указанию «делай то-то». (Это есть подкрепление дифференцировки.)

«Изучить тормозной процесс, овладеть им, значит на самом деле проникнуть в тайники высшей нервной деятельности и тем самым научиться управлять ею» (Ю.П. Фролов).

Дрессировщик должен помнить, что важная часть дрессировки это постоянная дача контрастных понятий, заключающаяся в угрожающих интонациях при отказе собаки или при попытке к отказу и дача ласковых тонов после исполнения, а также резкий окрик «фу», связанный с реально-ощутимой неприятностью. Вот те орудия дрессировщика, которые ему даны для воспитания нужных тормозных процессов у собаки и для дифференцировки воспитываемых условных рефлексов.

Ознакомив, правда, очень кратко читателя с новейшими научными взглядами на психическую работу организма, мы все же говорим, что такие слова, как: «память», «сознание», «воля», «ассоциация», «чувства», слова старой субъективной психологии, остались в нашем обиходе, ибо новая научная терминология еще не употребляется в широких массах. Важно, что мы знаем, как происходят психические процессы, а не как они называются, и если мы в дальнейшем вместо «комбинированных сочетаний сложных условных рефлексов» будем говорить «мышление», – такое условное название сущности дела не изменит, но будет привычно нашему уху, более понятно и доступно нашему пониманию.

Инстинкты

Вопросы об инстинктах животных, в частности, собак, а также о самой природе инстинкта, должны занимать одно из первых мест у кинолога-дрессировщика.

Важность этого понимания обуславливается необходимостью, так как и в вопросах воспитания и в вопросах обучения, а равно и в период реальной работы, **подавляющее большинство моментов так или иначе связаны в проявлении инстинктивной деятельности собаки. Ряд подходов обучения основан именно на развитии того или иного инстинкта. Ряд моментов воспитания щенка связан со стремлением воспитателя развить те или иные «полезные» инстинкты и заглушить «вредные».**

Все специальные виды работы собак всех ведомств и подавляющее число приемов общего послушания в основе своих построений имеют искусственно даваемые возбудители, вызывающие тот или иной вид инстинкта. Вот почему необходимо несколько заострить этот вопрос.

Перед нами стоит чрезвычайно сложный вопрос о точном определении понятия об инстинктах – об его формулировке, его природе (происхождении), наиболее типичных разновидностях и взаимоотношениях их между собой.

Нет сомнения, что указанные вопросы мы не будем разбирать в тонах «психологических» мотивов с их необоснованными выводами субъективного характера и беспочвенными, а будем стараться строить наши выводы на твердом базисе материалистического миропонимания, на почве научно-объективного характера, на котором строится в последнее десятилетие все изучение «психической» деятельности животных.

Громадная область естествознания, играющая одну из самых важных ролей в жизни животных, область инстинктивных реакций до настоящего времени является мало разобранной, мало показательной.

Поскольку вопросы о рефлексах, как таковых, не могут уже вызывать каких бы то ни было споров, являясь безапелляционными, постольку вопросы об инстинктах стоят еще до некоторой степени на скользкой плоскости борьбы субъективного и объективного миропонимания.

К слову «инстинкт» мы привыкли; оно имеет свои права гражданства и характеризует собой процессы бессознательных действий.

В нашем обиходном языке мы легко бросаем это слово, иногда беспочвенно, иногда безошибочно, определяя действительный инстинктивный процесс.

Правда, многие до сих пор говорят фразы, вроде: «этот рабочий настолько механизировался в работе, что работает уже инстинктивно»; но не в этом дело. Дело в том, что к слову «инстинкт» мы привыкли и в общем имеем довольно конкретную установку. Знаменитые перелеты птиц, бобры, строящие свои плотины, устройство гнезд, суки с их процессами материнства и вообще все целесообразные действия указанного типа (инстинкт есть врожденная способность организма, присущая данному роду и индивиду производить действия, одинаковым образом направленные к сохранению рода и индивида (старая формулировка); «инстинкт есть врожденная способность организма производить действия, без участия сознания, направленные в целях сохранения своего рода и индивида» (старая формулировка)), нам достаточно известны и обычно мы, довольствуясь этим, не производим более глубоких анализов, раскопок таинственного корня инстинкта.

Десятки ученых, вернее сотни ученых, кропотливыми трудами собирали исследовательский материал, дабы дать в конце концов конкретное определение – **что такое инстинкт**. Труды Реомюра, Фабра, Вассмана, Фореля, Губера, в свое время тщательно исследовали работы пчел, муравьев, рыб, птиц и др. животных.

Помещаемая в примечании обычная формула инстинкта характеризует общие выводы, общий тип формулировки понятия об инстинкте, формулировки субъективной школы, но эти выводы не оправдывают себя, они бездоказательны, ибо для того, чтобы говорить о их значении, нужно дать конкретное определение «сознания» и «цели».

Мы уже знаем, как шатки те или иные выводы субъективистов, из которых каждый может понимать «цель» со своей личной точки зрения – это не есть естественно-научное определение вопроса, и здесь нужны другие пути. В таком же шатком положении стоит и вопрос и о возникновении (природе) инстинкта.

Формула Кювье, данная в 1812 г., разграничивающая действия по уму и по инстинкту, говорящая что: 1) в инстинкте все слепо, необходимо и неизменно, а в уме все подлежит выбору, условию и изменямости; 2) в инстинкте все врождено, а в уме все благоприобретено и, наконец, 3) в инстинкте все частно, а в уме все обще, – также не дает разрешения вопроса, ибо понятие «ум» разрешается не так легко, как это может казаться. Много философов стремилось и стремится сбросить туманную завесу над «инстинктом», одни говорят, что инстинкты сопровождаются проблесками сознания (Анри, Бергсон – француз), как, например, «разумные» планы пчел, другие говорят о том, что первоначальным источником инстинкта был разум (Вундт).

Такие недомолвки и противоречия с доказательствами личного определения продолжались все время, пока инициатива исследований в этой области не перешла в руки физиологов; им суждено было сыграть ценную роль и помочь выбраться из прошлого лабиринта сомнений и ложных толкований интересующему нас вопросу об инстинктах. Чрезвычайно интересными являются исторические данные «эволюции» вопроса об инстинктах; размеры книги совершенно не позволяют развернуть достаточно широко этот вопрос и интересующегося читателя я отнесу к талантливой книге Ю.П. Фролова («Физиологическая природа инстинкта», изд. «Время», 1925 г. Ю.П. Фролов.), ученика академика И.П. Павлова большинством материала которого я и пользуюсь в своем конспективном изложении вопроса об инстинктах.

Основные этапы эволюционных взглядов на природу инстинктов я считаю необходимым все же кратко изложить. Мы начнем наши исторические штрихи с Декарта (1596–1650), чести которого можно приписать открытие чрезвычайно важного базиса физиологии, а именно, механики рефлекса.

Сущность учения Декарта состоит в построении высокой стены между психическими процессами человека и животных. Декарт не допускает у животных способности к «мышлению» и каким бы то ни было проявлениям «духовной жизни». «Животные лишены сознания. Они действуют как машины, весьма сложно устроенные и хорошо регулированные» – такова отправная точка Декарта.

Отсутствие мышления у животных Декарт объясняет отсутствием речи (вопрос о том, что речь порождает мышление или мышление порождает речь, – вопрос спорный и не разрешенный до сих пор. Я придерживаюсь последнего определения). Его трактовка вопроса не сложна. Организм животного представляет подобие организма часов, которые «живут», благодаря чисто механическим процессам, так и работа организмов животных есть результат хорошо подогнанных отдельных частей организмов, причем регулятором этой сложной механической системы, рулем, направляющим работу, Декарт называет нервную систему. Этим определением был положен первый камень незыблемого гранитного фундамента современной физиологии.

Не важны детали учения Декарта, человека того времени, в котором он жил; эти детали могут вызвать у нас улыбку, важна идея, носящая печать бессмертия.

Схема рефлексорной дуги, данная в рисунке, – путь раздражения до мозга и обратно к мышце, в результате чего получилось сокращение мышцы и открытие этой системы, которую сейчас мы называем рефлексом, сделало Декарта бессмертным. Механизм рефлекса был выявлен точно и ясно.

Отбросив «веяния времени», т.е. дико звучащие для нас термины Декарта, **мы получим схему современной физиологии нервной системы.**

В конце своей жизни Декарт встретился с противоречиями в вопросе «сознательности» животных; приписывая процессы «сознания» у человека исключительно особой мешковидной железе и найдя точно такую же железу у животных, Декарт изменил свою отправную точку зрения и не настаивал на отсутствии сознания у животных.

Поведение обученной и необученной собаки на охоте, с явно бросающейся разницей, указало Декарту на наличие. «памяти» у собак, а следовательно и «сознания».

Со смертью Декарта эволюция изучения психической деятельности животных должна была перешагнуть более или менее бесцветные столетия, правда, иногда сопровождаемые довольно значительными открытиями, и, таким путем докатиться до нового исторического этапа, возглавляемого Чарльзом Дарвиным.

К сожалению, ни место ни задача этой книги не позволяют более подробно остановиться на бессмертном учении Дарвина. Научная литература посвятила ему много страниц. Все же отдельные моменты его учения, касающиеся вопросов инстинкта, я считаю необходимым привести здесь.

Дарвин касается интересующего нас вопроса в следующих плоскостях: 1) целесообразности, 2) неизменяемости, 3) происхождения инстинкта; говоря о целесообразности и неизменяемости Дарвин указывает о заглушаемости инстинкта.

Так, одомашненная птица (цыплята) утрачивает свой страх перед кошками и собаками – целый ряд инстинктивных действий, сохранившихся у животных, утратил свое значение в новых условиях окружающей среды. Собаки очень часто мнутя и вертятся на месте перед тем, как лечь – эти действия «уминания травы» перестали быть «целесообразными», так как одомашненная собака потеряла «условия степного простора», где это действие было необходимо (такие инстинкты носят название рудиментарных инстинктов).

Итак, «целесообразность» – понятие условное; то, что было полезно раньше, бесцельно теперь; то, что бесцельно в данное время, будет полезно при новых условиях.

Итак, Дарвин делает вывод, что инстинкты изменяются; они связаны с влиянием окружающей среды и целесообразны. «То, что было целесообразно для предков, может оказаться вовсе не целесообразным для потомков» (Фролов).

Все же наука не могла довольствоваться имевшимися выводами. Необходимо было выявить механизм инстинкта. Никто не сомневался в том, что проявление инстинктов непосредственно связано с работой нервной системы, но **уточнить этот механизм удалось лишь за последнее время и только с помощью физиологии**. Основным механизмом рефлекса был уже известен и бесспорен, бесконечные опыты Гамера (1708–1777) и Прохаска (1749–1821) установили точно физиологическую природу рефлекса. Еще Дарвин в свое время начал говорить о сложных рефлексах. **«Значительное число весьма сложных движений – рефлекторны»** – говорил Дарвин, не решаясь высказать эту мысль более конкретно.

Наконец, Г. Спенсер в 1855 г. указал, что **кроме простых рефлексов**, в которых вслед за одиночным раздражением следует одиночное сокращение, существуют гораздо **более сложные рефлексы**, в результате которых могут получаться весьма разнообразные комбинации движений (Фролов). Движения обезглавленной лягушки после раздражения кожи несут вполне целесообразный характер, являясь по своей природе безусловно рефлекторными. Исходя из этого, Спенсер говорит свою знаменитую фразу «инстинкты можно описывать как сложный рефлекс» и мы сейчас не в состоянии произвести никакой ясной разницы между инстинктом и рефлексом.

В чем же состоит сложность рефлекса, называемого инстинктом? Какие раздражители являются возбудителями инстинкта и каковы взаимоотношения инстинктов и в чем заключается изменяемость или неизменяемость инстинктов, – вот вопросы, поставленные перед физиологией при выявлении физиологической природы инстинкта.

Классическим опытом при изучении физиологии нервной системы является опыт с обезглавленной лягушкой. Здесь рефлекторная дуга, начинаясь от поверхности кожи, проходит через спинной мозг и оканчивается в мышце. Результат действия такой дуги является простым одиночным рефлексом, но в большинстве случаев движения животных являются более сложными и для их анализа этого опыта недостаточно.

Опыты Гольца с удалением больших полушарий (мозга собаки) и Шеррингтона (на кошках) льют полосы света на целые ряды более сложных физиологических процессов. На этих опытах мы убеждаемся в наличии рефлексов двойного действия, т.е. более сложного механизма рефлекторной деятельности и, наконец, мы видим целые цепи двигательных рефлексов, которые совместно с процессами торможения придают действиям и движениям животного целесообразный характер (без наличия полушарий мозга). Мы не говорим здесь о целом ряде сложных химических процессов, происходящих в организме в тех же целях борьбы за существование (яд змеи, работа слюнных желез при попадании в рот хины, кислоты и т.д.).

Открытием академиком И.П. Павловым нового учения об условных рефлексах твердо устанавливается разница между врожденными и приобретенными рефлексами (безусловными и условными рефлексами). Шеррингтон в свою очередь открыл ряд явлений, объясняющих механику сложной деятельности врожденных рефлексов. Безоговорочная

формулировка безусловного рефлекса и установки временной связи (условного рефлекса) ясно говорит о бесконечной пропасти, разделяющей врожденные реакции от приобретенных и позволяет строго подойти к вопросу о физиологической природе инстинктов.

Научно-лабораторные опыты над интересующим нас вопросом обычно производятся по методу И.П. Павлова в специальных физиологических лабораториях над собаками. Обычно называют эти группы сложных рефлекторных (инстинктивных) процессов – это группы пищевых, половых и защитных реакций; как нам известно, все они возбуждаются под влиянием тех или иных причин и тормозятся (т.е. так или иначе проявляются внешне и угасают); установлено, что **«безусловный рефлекс может быть заторможен, не иначе, как действием другого безусловного рефлекса»** – эта формула относится в равной мере и к работе сложных безусловных рефлексов (это явление особенно важно знать дрессировщику и кинологу-воспитателю, так как в дрессировке очень часто необходимо угасить тот или иной вид сложного безусловного рефлекса).

В зависимости от силы раздражителей проявляются те или иные сложные рефлексы (инстинкты). Жизнь животного представляет собой картину постоянного выявления и заглушения сложных безусловных рефлексов, так, например, пищевые рефлексы заглушают оборонительные, и собаки дерутся друг с другом из-за пищи. В тех случаях, когда опасность касается особенно важных частей тела, оборонительные рефлексы тормозят пищевые, и животное бежит.

Можно и лабораторным путем затормозить сложные рефлексы, так, например, собака в станке, раздражаемая болевыми возбудителями, рвется (оборонительная реакция). Если же мы моменты раздражения будем связывать с дачей пищи, то через несколько раз те же раздражители уже не будут вызывать оборонительной реакции, ибо они заторможены пищевым возбуждением. Совершенно ясно из целого ряда опытов, что важнейшим центром нужно все же признать пищевой центр (мы знаем, на что может толкнуть голод человека, «затормозив» целый ряд других рефлексов).

Итак, мы можем искусственным путем, действиями экспериментатора влиять на сложные безусловные рефлексы и устанавливать новые цепи, новые узорчатые увязки. Благодаря этому, то явление, которое развивалось раньше борьбой инстинктов, сводится к тем или иным тормозам реакции сложных безусловных рефлексов.

Интересны опыты на выявление «сторожевых инстинктов» у собаки, когда привязанная собака воспроизводит сильную агрессивную реакцию на «чужого человека».

Этот инстинкт, или сложный рефлекс, является одним из сторожевых инстинктов и, мне кажется, не представляет собой отдельный вид инстинкта, а является одной из разновидностей инстинкта защиты. Инстинкты защиты более молодые, чем инстинкты питания, могут быть побеждены последними.

И.П. Павлов говорит («Двадцатилетний опыт», стр. 192): «два рефлекса представляют собой буквально, как бы две чашки весов; стоит увеличить количество раздражителей для одного рефлекса, т.е. как бы прибавить несколько веса на одну чашку, как она начинает перевешивать, и данный рефлекс подавляет другой». У наших собак относительная сила центров, сторожевого и пищевого, резко различна, а именно, пищевой центр гораздо сильнее сторожевого. Но для полного обнаружения этой силы и, следовательно, для правильного сравнения силы рефлексов необходимо полностью зарядить центры, иначе могут получиться самые разнообразные отношения. При малом заряде сильного центра и большом заряде слабого, – перевес, естественно, много раз окажется на стороне слабого».

Мы зачастую видим собак, которые от страха ложатся и как бы стелются по земле, изображая собой «рабскую покорность». Эти реакции инстинкта страха в тех же целях, как инстинкты гнева, являются одним из видов оборонительных реакций и физиологически они имеют вполне правильную логическую подкладку. Сильный враг лишается при этом сильно действующего раздражителя, вызывающего соответствующие агрессивные действия, собаки «успокаиваются» и жизнь маленькой собаки спасена.

Европейские собаки, как известно, не трогают домашней птицы (изредка бывают вспышки этого заглохшего инстинкта, особенно у молодых собак, но он поддается сравнительно легкому торможению), но, будучи в диком состоянии, эти инстинкты были выявлены широко.

Тысячелетние процессы одомашнивания затормозили эти рефлексy, в результате чего мы и имеем отсутствие погони за пищей у наших собак.

Из ряда приведенных опытов и изучив природу безусловного рефлекса, мы легко можем определить, что «сложность инстинктов как врожденных рефлексов заключается в их сложном цепном характере, причем эти цепи иногда даже складываются на наших глазах» (Фролов Ю.П.).

Далее мы знаем, что взаимоотношения инстинктов (сложных безусловных рефлексов) состоят в торможении в зависимости от их силы и зарядки.

Принимая во внимание чрезвычайную сложность безошибочного определения инстинкта, мы все же можем констатировать, что современная наука в основных своих разработках дала твердую установку, определяющую физиологическую природу инстинкта. Наука не стоит на одной точке, она неизменно и вечно движется вперед, уточняя и корректируя имеющиеся понятия. Пройдут годы и сложнейшие «психические» процессы будут предопределяться незыблемыми формулами, ибо будет закончена разработка закономерности этих явлений, малейшие детали будут дифференцированы, – так предполагает творец новых знаний И.П. Павлов.

Что же мы знаем об инстинкте?

Краткими формулировками мы указываем отдельные моменты твердых установок:

1) «Кроме простых рефлексов, в которых вслед за одиночным раздражением следует одиночное сокращение, существуют гораздо более сложные рефлексy, в результате которых могут получаться весьма разнообразные комбинации» (Спенсер).

2) «Инстинкт можно описывать как сложный рефлекс» (Спенсер).

3) «Мы не в состоянии провести никакой ясной демаркационной линии между инстинктом и рефлексом» (Спенсер).

4) «Инстинкт есть сложный рефлекс, – он есть врожденная форма сложного приспособления внутренних отношений к внешним отношениям, осуществляемая при посредстве нервной системы» (Спенсер).

5) Главнейшими инстинктивными группами являются: пищевая, половая и самосохранительная (оборонительная, защитная).

6) «Один безусловный центр, будучи врожден, может тормозить, по правилу индукции, многие другие безусловные центры (простые безусловные рефлексy: сосание, стояние, ходьба и т.д.» (Фролов).

7) Инстинкты взаимно тормозятся.

8) «Безусловный рефлекс может быть заторможен не иначе, как действием другого безусловного рефлекса» (Фролов).

То же относится и к инстинктам.

9) Пищевые центры являются сильнейшими физиологическими центрами.

10) «Изучение одного из главных инстинктов, именно, инстинкта добывания пищи, сводится в сущности к определению соотношений между различными мозговыми центрами, входящими в состав вполне определенных рефлекторных дуг» (Павлов).

11) Сторожевые инстинкты являются одними из старейших инстинктов (мне кажется, что сторожевой инстинкт есть звено в цепи защитных инстинктов).

12) «Два рефлекса (или инстинкта) представляют собой, буквально, как бы две чашки весов: стоит увеличить количество раздражителей для одного рефлекса, т.е. как бы прибавить веса на одну чашку, как она начинает перевешивать, и данный рефлекс подавляет другой... У наших собак относительная сила центров сторожевого и пищевого резка различна, а именно, пищевой центр гораздо сильнее сторожевого» (Павлов).

13) «Условные рефлексы образуются на базисе безусловных рефлексов».

14) Сложность инстинкта заключается в сложном цепном характере их построения.

15) «Взаимоотношения инстинктов обуславливаются их относительной силою, их зарядкою, причем более слабые упраздняются по закону индукции» (Фролов).

16) Приобретенные признаки накладывают соответствующие, правда незначительные, отпечатки на последующих поколениях и условные рефлексы медленным эволюционным путем превращаются в унаследованные привычки, т.е. безусловные инстинкты (вопрос спорный).

Заканчивая наш краткий очерк об инстинктах, нам хочется особенно оттенить важность правильной установки взгляда на природу инстинкта. Большие числа собак, проходящих по тем или иным видам служебных работ, настоятельно требуют этого.

Собаковод, занимающийся воспитанием молодняка, должен с первых же дней самостоятельной жизни щенка развивать полезные инстинкты и тормозить вредные. С каждым днем идет развитие щенка, с каждым днем разные возбудители, идущие из внешнего мира, по-разному действуют на растущую нервную систему, возбуждая те или иные инстинкты, и только опытный и научно подготовленный работник сумеет учесть вредность или полезность идущих возбудителей. Не останавливаясь только на этом очерке, практик-кинолог должен обратить свое внимание на специальную литературу по данному вопросу.

Правильно направленная полоса света из прикрытых дверей «тайнственности» природы поможет вдумчивому работнику направить свою мысль в должное русло.

Собаке суждено играть большую и ответственную роль в истории человечества. На земном шаре нет народностей, не знающих собак. Помимо бесконечного числа различных видов работы, за последние годы собака прочно заняла первенствующее место в науке, особенно в вопросах изучения высшей нервной деятельности. Сотни лабораторий используют собаку для изучения работы нервной системы человека, масса общих отправных точек строения и деятельности организма позволяют делать это. И когда ученые окончательно решат задачу о высшей нервной деятельности человека, они будут много обязаны собаке.

Анализ обучения

После того как мы бегло осветили вопрос об образовании **условных рефлексов**, беря это за основу, мы попытаемся дать объяснение самому процессу обучения, проанализировав его составные элементы.

В жизни ребенка имеется такой момент, когда его начинают учить говорить. Весь процесс этого обучения базируется прежде всего на том, что у ребенка вначале воспитывают знание того или иного предмета, т.е. в памяти закрепляют связь названия предмета с его видом, дабы потом ребенок, в силу сложного устройства голосовых связок, мог сам произнести это название, сначала несколько неуверенно, с ошибками, а затем все чище и чище.

Так, для обучения первому слову, мать, обращая зрительное внимание ребенка на сидящего отца, указывая на него рукою, говорит слово «папа, папа»; такой характер упражнения повторяется несколько раз, с каждым разом устанавливая в «памяти» ребенка все большую и большую связь **зрительного возбуждения** (образ отца) и **звукового возбуждения** (слово «папа»). Другими словами, идет типичное воспитание уже известного нам условного рефлекса. После 10–15, а для другого ребенка 20–25 повторений этих одновременных действий связь устанавливается, и в дальнейшем при произнесении одного только звука «папа» ребенок уже начинает искать глазами знакомый образ, – рефлекс I порядка воспитан и закреплен.

Здесь только мы можем сказать, что ребенок знает образ своего отца (мы говорим, выражаясь общеупотребительным языком, на самом деле ребенок будет знать только то, что звук «папа» означает образ этого знакомого человека, а то, что это его отец, он будет знать еще не скоро, предварительно узнав слово «отец» и осознав это, т.е. воспитав ряд более сложных условных рефлексов).

Для того, чтобы знать или выучиться чему-нибудь, нужно реально ощутить сам факт, сам предмет, само действие. Для того, чтобы знать, что за этой дверью идет дорога на вокзал, нужно хоть раз пройти по ней или услышать об этом от других людей, т.е. узнать об этом путем искусственно созданных средств сношений (речи) между людьми.

Но **каждое название** чего бы то ни было прежде всего **условно**. Слово есть возбудитель условного рефлекса (условный раздражитель). Здесь, у нас, смотря на стол, стоящий в углу комнаты, мы называем его условным звуком «стол», за тысячу верст его,

также условно, называют «table», а еще за две тысячи мы слышим новое условное обозначение его звуком «tisch».

Итак, каждое слово есть возбудитель условного рефлекса на соответствующее действие или на соответствующий предмет (изображение). Каждый такой рефлекс воспитывается путем искусственно устанавливаемой связи этого условного звукового обозначения с самим фактом. Такой процесс искусственного воспитания условных рефлексов люди в житейском обиходе и называют обучением.

Каждый условный рефлекс воспитывается путем искусственного воспитания связи этого условного звукового обозначения (слова, звукового раздражителя) с определенным предметом, действием, явлением, процессом.

Попутно с этим возникает вопрос и о процессе мышления. Подумаем хорошенько над вопросом, можно ли мыслить о том, чего мы не знаем. Конечно, нет. Правда, мысль может охватывать и те представления, которые мы непосредственно в своей жизни не видели (отвлеченные понятия), это так, но здесь не нужно забывать, что мы в таком случае пользуемся аналогичными (подобными) признаками путем сравнения, опять-таки зная их из других источников, т.е. воспитываем знания по наслышке. Так, например, мы можем думать о событиях в Китае, никогда не быв там, но все же зная Китай по картинкам, по описаниям и по аналогичным сравнениям.

Другими словами, мы мыслим путем комбинирования знакомых нам, тех или иных, условных рефлексов разной сложности и разных порядков.

Развитие и закрепление условных рефлексов, т.е. обучение, зависит прежде всего от устойчивости «памяти» (под популярным термином «память» нужно понимать прочный (долго воспитываемый и часто повторяющийся) условный рефлекс и способность организма к воспитанию и сохранению этих рефлексов), а следовательно, и находится в прямой зависимости от работы коры больших полушарий головного мозга.

До сих пор еще не закрепились твердые понятия о том, мыслят ли животные или нет. Естественно, что это самый сложный из всех вопросов биологии нельзя разрешать на страницах этой книги, но мы все же позволим себе обратить внимание на два факта. Ранее (50–60 лет назад) доказывалось, что животные не мыслят, ибо они не говорят, так как якобы «речь порождает мышление». Профессор Йенского университета Прайер, делая опыты над неговорящим ребенком, установил, что уже на 2-м месяце жизни ребенок «знал» несколько примитивных, условных рефлексов и соответственно комбинировал их, т.е., другими словами, мыслил.

Следовательно, не речь порождает мышление, а способность и приспособленность нашего организма к комбинированной работе воспитанных условных рефлексов. Наоборот, можно сказать, что мышление, в помощь своему эволюционному развитию воспользовавшись некоторыми случайными звуками и установив между ними и определенными действиями связь, изобрело речь, сначала примитив речи, связав это с процессами движений, а затем и самую речь как условное средство сношений между себе подобными.

Поскольку человек обладает даром речи и особо сложно устроенной центральной нервной системой, постольку он получил возможность воспитания чрезвычайно сложных условных рефлексов седьмого, десятого и большего порядка и возможность коллективного развития. (Аудитория в 50 человек понимает одного преподавателя, ибо сношения ведутся посредством условно созданной речи.)

У животного организация условных рефлексов более проста, и человек, до известной степени, легко и безошибочно подходит к той исходной точке, тому искомому безусловному рефлексу, на базисе которого образовался у животного условный рефлекс.

У человека эти процессы значительно сложнее, и мы часто не можем найти тот исходный пункт (безусловный рефлекс или сложный безусловный рефлекс), на базисе которого была построена вся цепь последующих рефлексов.

У человека взаимоотношения инстинктов и условных рефлексов значительно сложнее. Здесь ярче выявляется тормозное влияние коры больших полушарий мозга («воля», «сдержанность» и т.д.).

Багаж приобретенных сложных условных рефлексов настолько велик, что сам по себе является мощным фактором, регулирующим напряжение инстинктов и влечений.

Все это собаке не дано – ее способность памяти дает возможность воспитания сравнительно небольшого количества условных рефлексов, сравнительно небольшой сложности.

В основу психической деятельности собаки положены, главным образом, инстинкты (сложные безусловные рефлексы), а мышление остается в примитиве. Наоборот, у человека за счет утраты (путем эволюционного «одомашнивания») инстинктов широко развивается мышление.

Мы привыкли к слову «мышление», рисуя его по старой терминологии популярной психологии. Коль скоро в настоящее время мы говорим, что **мышление есть сложный физиологический процесс комбинирования сложных условных рефлексов**, а таковые рефлексы мы встречаем и у людей и у собак, с той только разницей, что у первых они значительно более сложных порядков, а у вторых более примитивны, но их процесс возникновения (принцип обучения) одинаков, – мы можем смело сказать, что процессы мышления имеются и у собак, но в примитивном состоянии.

Здесь полезно провести аналогию между развитием мышления научно-подготовленного работника и крестьянина от сохи, – ширина взглядов и мировоззрение первого в значительной мере превышает умственный уровень второго с его примитивом мышления.

Эта разность является результатом накопления у первого большего багажа знаний, а другими словами, большего количества условных рефлексов, и только.

Из данных экспериментальной психологии мы знаем, что степень мышления зависит от общего количества (веса) мозговой массы, а главным образом от количества и формы мозговых извилин.

В данном случае собака имеет тот же состав мозговой массы, но в несколько раз меньший, нежели мозг человека, с меньшим количеством мозговых извилин и с более грубой формой их.

Все сказанное выше свидетельствует о наличии примитива мышления и у собак, мозг которых работает по тем же основным принципам, как и у человека. Законы заучивания путем воспитания условных рефлексов остаются теми же неизменными, как и у человека.

«Степень психического развития собаки можно отчасти сравнить с психическим состоянием неговорящего ребенка, который после того как выучится говорить, т.е. получив возможность коллективного развития, неизмеримо быстро уходит вперед» (К. Моост).

Итак, примитив мышления (психического развития) собаки дает ей возможность сравнивать и выводить суждения лишь о тех фактах, которые реально встречались на ее жизненном пути.

Ей не дано судить об отвлеченных понятиях и учиться чему-нибудь «по наслышке».

В связи с этим, рассмотрим бегло и взаимоотношения человека и собаки. К достижению их взаимного понимания, а вследствие этого и широкого общения, служат тормозом следующие причины:

- 1) собака не говорит (отсутствие средств сношения),
- 2) разная плоскость «мышления» (К. Моост),
- 3) преобладание работы инстинктов над работой «сознания».

Вот на это-то дрессировщик и должен обратить самое серьезное внимание, ибо, не учитывая всего сказанного выше, мы часто наблюдаем, как люди очеловечивают психику собаки, оставаясь в таких случаях непонятыми ею, так же как неопытный педагог, говоря с детьми и строя суждения и выводы в пределах своего миропонимания, остается непонятым для детей.

Культурный, научно-подготовленный дрессировщик должен постоянно, при всех моментах взаимоотношения с собакой, учитывать ее психические границы и не выходить за их пределы.

Вследствие отсутствия легкости взаимного понимания, взаимоотношения их выражаются в плоскости рационально поставленной дрессировки, т.е. искусственной установки связи.

Принципы дрессировки, как и вообще всякого рода обучения, совершенно одинаковы как для человека, так и для собаки, будучи основаны на воспитании более или менее сложного условного рефлекса. Как человек «дрессируется», что условный звук «table» означает стол, точно так же собака учит слово «аппорт» или «сидеть», условно обозначающее то или иное действие. Команды при дрессировке есть лишь условные обозначения, и собаке все равно, будет ли укладка воспитываться на команду «лежать», или на команду «даун», или на выстрел, или, наконец, на зажигание лампочки красного цвета, – рефлекс все равно будет воспитан путем ряда повторных одновременных действий.

Поскольку мы знаем, что обучение есть механически воспроизводимый сложный физиологический процесс, основанный на установке тех или иных условных рефлексов, постольку мы можем свободно составить и проанализировать весь комплекс факторов обучения, помня, что знания (условные рефлексы) благоприобретены, а инстинкты (безусловные рефлексы) врожденны.

Основы обучения

Нам уже известно, что весь процесс обучения (дрессировка) заключается в установке связи самого действия с соответствующей командой (воспитание условного рефлекса). Перед дрессировщиком при начале обучения прежде всего должен встать вопрос, каким путем надлежит заставить собаку выполнить, хотя бы и примитивно, требуемое действие (шлифуя его в дальнейшем), дабы иметь возможность связать его с соответствующей командой. Это-то и есть самая трудная задача дрессировщика – применить тот или иной «подход», так или иначе воздействовать на собаку, дабы она выполнила желаемое действие.

Здесь-то и нужно знать дрессировщику характер своей собаки, степень ее развития, дабы придумать, какое возбуждение (органов чувств) и в какой силе и форме нужно произвести, дабы организм собаки дал соответствующий ответ (реакцию), желаемый в данный момент для дрессировщика. Коль скоро это будет достигнуто, и собака сделает соответствующее действие, таковое необходимо связать с командой и рядом повторных упражнений закрепить полученную связь. Такая установка связи состоит из двух составных элементов: одновременного действия, непосредственного и замещающего (условного) возбуждений.

По терминологии К. Мооста, такие виды возбуждения называются первоначальными и замещающими. Временно допустив эти термины при первом издании, я все же считаю их неверными, так как для установки условного рефлекса **вначале** (или одновременно) нужно давать условный возбудитель (сигнал), а затем уже **непосредственный** возбудитель, следовательно по существу он не может быть первоначальным.

Называя его **непосредственным** возбудителем, мы стоим ближе к истине, ибо он и есть тот непосредственный возбудитель, который и вызывает само действие.

Поясним это примером: для того, чтобы выучить собаку садиться по команде, мы знаем, что нужно как-то воспроизвести самый факт, самый процесс посадки и связать этот момент с командой, даваемой на полсекунды, одной секундой раньше.

Обычно дрессировщик, положив одну руку на крестец (в области почек) собаки, легким надавливанием (действие принудительного характера) заставляет ее согнуть задние ноги и сесть. В данный момент имеет место осязательное возбуждение, непосредственно заставляющее собаку сесть; оно является основным (вызывающим само действие) и

называется непосредственным возбудителем. Немедленно звучит команда дрессировщика: «сидеть» – звуковое возбуждение; команду рекомендуется, как я уже сказал, давать несколько ранее на 0,1–0,5 секунды (см. ниже).

Через известный промежуток времени весь процесс повторяется снова и так прodelывается несколько раз.

После ряда повторений, дрессировщик начинает пробовать, достаточно ли крепко воспитался условный рефлекс, т.е. твердо ли установилась желаемая связь команды с действием; для этого он не производит больше давлением своей руки принудительного нажима (непосредственного возбуждения), а дает лишь одну команду, и если связь закрепилась, то, получив одно звуковое условное возбуждение, собака в силу установки условного рефлекса садится сама.

При таком положении команда (звуковое возбуждение) заменила собой непосредственное (осозательное) возбуждение – и прием готов.

Если же при одном звуковом раздражении соответствующего действия не наступает, то значит – связь непосредственного и замещающего (условного) возбуждения еще **не установлена** (условный рефлекс не воспитан), то **дрессировщик снова возвращается к одновременному действию обоих возбуждений.**

Другими словами, мы можем сказать так: при воспитании условного рефлекса непосредственным возбуждением мы называем самое действие, самый факт, а замещающим (условным) возбуждением мы называем его условное обозначение – команда, жест. Так строится в основе каждый прием, каждый процесс обучения чему бы то ни было. Так, например, мы приучаем собаку схватывать предмет по команде «аппорт»; для воспитания этого условного рефлекса дрессировщик, взяв «аппорт» (предмет) в руку и быстро махая им перед собакой, возбуждает ее инстинкт на схватывание движущегося предмета. Как только этот вид непосредственного возбуждения достигает своей цели, дрессировщик немедленно дает замещающее возбуждение, команду «аппорт» (мы не говорим здесь о технических деталях приема, о даче команды несколько в начале и в самый момент схватывания). Рядом повторных действий эта связь процесса схватывания с командой будет закреплена, и в дальнейшем, при действии только одного замещающего возбуждения (команды «аппорт»), собака самостоятельно будет схватывать предмет.

Самым важным в этом вопросе является установка **правильных взаимоотношений** между непосредственным и замещающим раздражителями.

Основная формула такова: «в целях наиболее рационального способа воспитания условного рефлекса, который строится на искусственно установленной связи условного возбудителя с безусловным рефлексом, **нужно давать условный возбудитель несколько вначале** и через 0,1–0,5–1–2 секунды вызывать безусловный рефлекс (самое действие).

(В зависимости от опыта время действия возбудителя, вызывающего безусловный рефлекс, удлиняется и может колебаться от одновременного действия до действия через 30 секунд (и далее); в первом случае имеет место «короткий рефлекс», а во втором «отставленный» рефлекс. Короткий рефлекс безусловно воспитывается легче и делается крепче, нежели отставленный рефлекс. В дрессировке обычно употребляют короткие рефлексы.)

Так, например, при выработке пищевого рефлекса на звук метронома (вначале пускается метроном, а через 5–10 секунд появляется пища) здесь промежуток времени в 5–10 секунд вполне понятен (лабораторная обстановка), так как собаки должны вслушаться в ритм метронома. При дрессировке нужно давать команду почти одновременно.

В связи с этим можно указать две формулы:

I) Условный раздражитель — II) Непосредственный раздражитель	верно
I) Непосредственный раздражитель — II) Условный раздражитель	неверно

т.е. если мы вначале будем давать пищу, а затем начинать ход метронома, это будет неверно, ибо пищевой рефлекс значительно сильнее, чем рефлекс на звук.

Поэтому:

I) Метроном — II) Пища	— верно
I) Пища — II) Метроном	— неверно

В первом случае звук метронома, без наличия других возбудителей, производит известное возбуждение, он ярче «чувствуется», «ощущается» собакой.

Во втором случае пища (более сильный возбудитель) совершенно подавляет (тормозит) более слабый возбудитель – звук (типичный случай, когда более слабый возбудитель заглушается более сильным). (За последнее время в научных кругах говорят об образовании условных рефлексов и при действующем непосредственном возбудителе перед условным – условный рефлекс все равно воспитывается, но он закрепляется не так прочно. Все дело в том, на какое количество времени будет «отставлен» условный возбудитель от действия непосредственного возбудителя, – это является наиболее важным моментом в вопросе прочности нового условного рефлекса и быстроте его образования.)

Для воспитания же условного рефлекса необходимо, чтобы условный возбудитель «чувствовался» достаточно ярко.

В нашей полевой дрессировке (а не лабораторной) дело обстоит несколько иначе.

Здесь трудно установить границы момента начала возбуждения собаки, но все же в целом ряде приемов, особенно тех, которые воспитываются на базе врожденных инстинктов, команду желательно давать несколько ранее; так, например, обучая задержанию бегущего на команду «фасс», условный рефлекс установится скорее, если мы будем давать команду не в момент задержания и борьбы, а за несколько мгновений до этого, так как тогда общее возбуждение нервной системы будет слабее и звуковой раздражитель «фасс» будет почувствован ярче. Если же мы будем давать вначале «трепку» и задержание, несколько времени спустя дадим команду «фасс», то общее нервное возбуждение, уже имеющееся в связи с процессом хватки и борьбы, не позволит звуковому раздражителю «фасс» быть достаточно ярким.

Здесь необходимо оговориться, что этот вопрос, будучи безусловно правильным, **носит, главным образом, академический характер.** В практике дрессировки, как я уже сказал, иногда трудно установить моменты начала возбудимости собаки, и обычно замещающее условное возбуждение (команда) дается или на 0,5 секунды ранее действия непосредственного возбудителя, или почти одновременно. Все же нужно помнить, что когда на нервную систему не действуют другие раздражители, то даваемый раздражитель вызывает больший эффект.

Конечно, одно воспитание условного рефлекса, т.е. знание приема еще не есть обязательность его исполнения собакой, но об этом мы коснемся при разборе вопроса о влиянии принуждений на собаку.

Возникает вопрос, какими способами дрессировщик вызывает самое действие, которое он будет связывать с командой, какие факторы могут заставить собаку сделать желаемое действие и что в данном случае послужит непосредственным возбуждением. Практика показала, что для некоторых приемов поводом к исполнению их служит возбуждение соответствующего инстинкта собаки, а для некоторой (меньшей) части приемов возбудителями послужат принудительные действия дрессировщика (например, надавливание рукой на круп собаки при разработке приема «сидеть»).

В конце концов дрессировщику необходимо знать «инстинктограмму» своей собаки и, применяясь к ней, создавать те или иные условные связи (условные рефлексы).

(См. ниже – разделение на обучение путем развития природных инстинктов и путем принуждения.)

Значение интонаций при дрессировке. Освещая кратко этот вопрос, я должен указать, что значение интонации при дрессировке чрезвычайно велико, и это вполне понятно. Если человек не говорит на иностранном языке и попадает в компанию иностранцев, мы можем заметить следующее: он не понимает их речи, так как не знает их языка, но как-то особенно обостренно чувствует различные оттенки их интонаций; то же происходит и у собаки. Добавим к этому то, что собаки, обладая тонким слухом, различают 1/6 тона, когда человек обычно свободно различает только 1/2 тона.

«Интонация» складывается из интенсивности и тембра звуков.

Теория дрессировки различает в общем три основные интонации: 1) **ласка**, 2) **приказание**, 3) **угроза**. Необходимо предостеречь неопытного дрессировщика в том, что все даваемые им интонации ни в коем случае не должны иметь **искусственно** даваемых ноток, ибо собака немедленно же почувствует звучащую фальшь и станет относиться недоверчиво к дрессировщику.

Самое важное в применении интонаций, это прежде всего установление у собаки известных ассоциаций (усл. рефлекса) факта удовольствия от реально получаемой ласки с самой интонацией ласки и, наоборот, – факта заставляющих действий неприятно-принудительного характера с интонациями угрозы. Вторым важным моментом мы должны назвать умелое комбинирование теми и иными интонациями в зависимости от разных моментов поведения собаки, грубо расчленив их так: ласка при исполнении и угроза при невыполнении требуемого действия.

Когда собака хорошо освоится с интонациями ласки и угрозы (они же поощрения и запрещения), необходимо в проработку каждого приема вводить в необходимые моменты так называемые контрастовые интонации. Например: собака не исполняет требуемого действия, сейчас же слышится оттенок угрозы (интонация угрозы является возбудителем оборонительного рефлекса); в повторной даче приказа угрожающие тона повышаются и звучат резче и внушительнее, как бы напоминая о грядущей неприятности (принуждении), наконец, прием выполняется и немедленно слышны ласково-поощрительные интонации, приятные для собаки. Таким образом, этим контрастом двух видов интонаций воспитывается у собаки связь получения неприятных и заставляющих тонов в моменты неисполнения и получение приятных при исполнении приема.

Нужно сказать, что правильное применение интонаций, даваемых во-время, входит впоследствии как бы в «привычку» дрессировщика, и он воспроизводит их под влиянием навыка быстро и как бы «бессознательно».

Команды. Команды при дрессировке должны быть: 1) кратки, 2) сухи, 3) неизменяемы. Краткость их обуславливается тем, что растянутые команды утомляют напряжение собаки при произнесении их, допуская возможность преждевременного срыва собаки с места; кроме того, краткие команды всегда звучат резче, например, «ко мне» и «раскапывай».

Я бы сказал, что в словах команды вполне желательной является буква «р», она придает команде соответствующую сухость и необходимую внушительность – как, например, можно указать: «рядом», «барьер», «аппорт». Самым важным фактором является неизменяемость команд.

У молодых дрессировщиков мне приходилось очень часто замечать изменение команды. Так, например, обучая собаку аппортировать, они учат этому приему на команду «аппорт». Собака почти связала этот звук с действием, но вот она почему-то отказывается взять предмет. Тогда начинает слышаться: «Ну, возьми, возьми», «бери» и т.д. Здесь, вместо почти знакомого для собаки слова «аппорт», которое в данный момент и нужно произнести в несколько повышенном тоне, звучат почему-то новые незнакомые звуки «возьми», «бери», сбивающие собаку (типичный пример «очеловечивания» собаки).

Дрессировщик привык к тому, что в человеческой речи на одно действие есть ряд условных обозначений (слов), и машинально или просто не зная основных понятий теории

дрессировки, сбивает собаку, вводя новые команды, новые слова, понятные для человека и совершенно непонятные для собаки.

Как на короткой штрих, можно указать на совершенно бесцельные, вредящие делу, разговоры с собакой, которые так любят вести неопытные дрессировщики. Разберем еще пример: аппорт брошен, нужно заставить его принести, для этого звучит команда «аппорт» и указание рукой – собака знает прием, но не идет, и здесь-то и начинаются разговоры: «Ты почему не идешь», в повышенных тонах звучит фраза дрессировщика. «Я тебя», следует с угрожающей интонацией и притопыванием ноги. Увы, это бесцельно – мало понятно собаке и в большинстве случаев запугивающе действует на нее. В данном случае было бы понятней знакомое ласковое слово «аппорт» с угрожающей интонацией и только.

Поощрения и запрещения. К первому относится команда «хорошо», ко второму «фу». Для того, чтобы собаке показать правильность выполнения ею приема, употребляют слово «хорошо», связывая его (устанавливая условный рефлекс) с ласковым поглаживанием или игрой с собакой и с поощряющей (ласковой) интонацией.

Для приостановки всех нежелательных действий собаки, встречающихся при дрессировке, является команда «фу», связанная с угрожающей интонацией и отдергивающим рывком поводка (реально ощутимой неприятностью); последняя ассоциация (связь) служит для приостановки всех нежелательных действий (основываясь на том, что резкий окрик «фу» в памяти собаки является сигналом грядущей неприятности – рывка).

Необходимо указать, что у молодых дрессировщиков воспитывается привычка частого употребления «фу». Это губительная для дела привычка, ибо при таком положении окрик «фу» теряет свое значение. Дабы «фу» имело безотказную силу, **необходимо редкое применение его**, сопровождаемое резкой интонацией. В целом ряде мелких случаев вместо «фу» нужно давать ту или иную основную команду с соответствующей интонацией.

Под лозунгом **берегите «фу»** для более нужных моментов должно строиться запрещение.

Отвлекающие возбуждения. Для дрессировки военных собак этот фактор обучения имеет особенно важное значение. Под отвлечениями внешнего мира мы понимаем те возбуждения, которые идут от окружающего внешнего мира и действуют на собаку сильнее, чем возбуждения, даваемые дрессировщиком.

Такие более сильные отвлечения естественно затормаживают влияние дрессировщика, и собака выходит из его подчинения. В обстановке военных действий взрывы снарядов, прожектора, пулеметы, общее движение, – все это является более сильным фактором, влияющим на собаку и отвлекающим ее от работы. Естественно, дрессировщик военной собаки должен как-то систематически воспитать в собаке и развить в ней, с одной стороны, невнимательность к окружающей среде с ее влияниями, а с другой, развить дисциплину к обязательному исполнению приказаний дрессировщика.

Это обучение строится по следующим основным принципам: в период обучения влияние дрессировщика должно быть сильнее, нежели влияние внешнего мира, помня, что **более сильное затормаживает более слабое влияние.**

В связи с этим первые шаги развития дисциплины у молодой собаки строятся в уединенном, тихом месте; как скоро общая дисциплина будет воспитана и связь дрессировщика с собакой будет установлена, переходят к работе среди отвлечений общего характера, например, при близости людей и собак, при шуме поезда и т.п. и, наконец, переходят к работе среди отвлечений внешнего мира, приближающихся по своему характеру к реальной работе военных собак (искусственно создавая их). Отвлечения также могут быть и физиологического (голод, холод) характера.

Кратко упомянем, что отвлечения бывают двух основных видов: 1) **по невнимательности**, 2) **по страху.**

Невнимательность можно объяснить усиленной работой ориентировочного инстинкта и недостаточной силой действия основного раздражителя, а страх – оборонительным

инстинктом. В первом случае дрессировщик должен подействовать соответствующей угрожающей интонацией, возвращая этим собаку к действительности (тормозя ориентировочный инстинкт – оборонительным), во втором случае прежде всего необходимо успокоить собаку лаской и игрой, а затем, в последующие дни, специально посвятить несколько уроков для искоренения у собаки боязни к данному отвлечению; лучшим способом я рекомендую вызвать у собаки какой-либо из инстинктов, например, агрессивные инстинкты (гнев), и, когда собака будет достаточно разгорячена, начать вводить тот вид отвлечения, который ранее вызывал страх (обычно разгоряченная собака не замечает его вовсе или во всяком случае реагирует на него менее резко).

Принуждения. Бесспорно, самым важным фактором обучения является прежде всего принуждение. Этот элемент обучения требует глубокого анализа.

Что мы должны прежде всего понимать под словом принуждение – общий принцип его как для человека, так и для животного один и тот же. Принуждение есть заставляющий фактор к выполнению того или иного нежелательного действия или тормоз (фактор), мешающий идти по пути влечения.

Виды принудительных действий различны, – для одних людей достаточно тона приказа, чтобы это уже явилось необходимостью исполнения, для других, менее культурных людей, с меньшими границами самосознания, принуждением является угроза и, наконец, для некоторых людей требуются принудительные меры физического воздействия (как, например, взятие под стражу).

В основу всех видов принуждения положено следующее: я должен исполнить неприятное для меня действие, так как если я не исполню, меня ждет большая неприятность. Следовательно само по себе «принуждение» является возбудителем оборонительных реакций.

Мы говорим, что есть разные виды принуждений и это так, – здесь нужно проследить один закон: чем шире мышление у данного индивида, тем более слабые формы принудительных действий должны быть применены (типичным видом принуждения является наш кодекс с границами налагаемых взысканий или дисциплинарный устав), и это понятно, так как «чем шире мышление», тем самым у данного субъекта более выработаны тормозные (соответствующие условные рефлексy), тем лучше он «сам» управляется с влечениями и инстинктами.

Но осветим этот вопрос несколько шире. Наложённая рука на мое плечо и заставляющая меня сесть есть также фактор принудительного воздействия, как равно и письмо, категорически приглашающее меня явиться в определенное место.

Для чего нужны принудительные действия, что заставляет применять их? На этот вопрос мы ответим так – не все действия приятны, и отсутствие принудительного влияния, естественно, не заставит нас выполнить неприятное для нас действие (мы не говорим здесь о высоком культурном развитии и о широком самосознании). Точно те же принципы, только в более яркой степени, более резко выраженные и в более естественном виде, мы встречаем и у собак.

Не все приемы приятны в своем исполнении для собаки, в некоторых случаях дрессировщик встречается и с проявлением злой воли собаки, не желающей выполнить то или иное неприятное для нее действие, – здесь-то и должен быть применен вид принудительного воздействия.

Само по себе принудительное воздействие при дрессировке имеет две роли. В одном случае оно является способом обучения (непосредственным возбуждением), когда собака, не зная приема, при посредстве принудительного влияния выполняет прием. В другом случае принудительное действие является способом воздействия, употребляемого в том случае, когда собака знает, но не хочет выполнить уже известный ей прием (заторможенная агрессивность).

В большей части приемов непосредственным возбуждением, т.е. фактором, вызывающим позыв к исполнению, является влияние на врожденные инстинкты, и проявление их так или иначе связывают с командой, это – один вид обучения. Так, например, обучают собаку бросаться за убегающим в разработках конвойной службы, влияя путем возбуждения инстинкта преследования убегающего.

Но не все приемы строятся так. Так, например, нахождение у ноги при обучении хождению рядом никоим образом не может быть достигнуто путем действия врожденного инстинкта (наоборот, зовущего собаку к свободе), здесь непосредственное возбуждение должно иметь какой-то другой – заставляющий фактор, а именно – действия поводка, принудительно удерживающие собаку у ноги. Так, обучая собаку посадке, лучшим способом мы назовем такой, при котором дрессировщик, легко надавливая на круп собаки, заставляет ее сесть, связывая этот процесс с командой и повторными упражнениями, укрепляя связь (условный рефлекс).

Итак, мы видим, что принуждения бывают двух видов: 1) как способ обучения, 2) как способ воздействия.

Подчинение принудительным влияниям является пассивно-оборонительными реакциями (оборонительными инстинктами, возбудителями которых являются принуждения); в таких случаях последний инстинкт берет верх над другими.

В тех случаях, когда необходимо применить принуждение, как заставляющий фактор, уступок быть не может, иначе авторитет дрессировщика будет потерян.

Какие действия для собаки будут носить принудительный характер? Прежде всего мы назовем влияние поводка, строгий ошейник, хлыст и угрожающие интонации, **замещающие впоследствии все перечисленные выше виды** (после того, как угрожающая интонация, связанная с сильной физической неприятностью, воспитает условный рефлекс на угрожающую интонацию).

Применение хлыста, этой **большой неприятности** для собаки, должно быть связано с моментом отказа от работы, с моментом невыполнения приема, чтобы связать одновременно оба элемента, т.е. неисполнение собакой приема и сильное принудительное средство – хлыст (исключительно в том случае, если собака хорошо «знает» прием, но «не хочет» его выполнить).

Применяя хлыст, мы понимаем это не как «наказание» собак в полном смысле этого слова, не как месть за что-то содеянное. Хлыст в руках опытного научно-подготовленного дрессировщика есть только сильное принудительное средство, фактор, вызывающий исполнение, и ничего больше.

Собака не исполняет. Звучит угрожающая интонация. Собака все же не выполняет, ибо этот номер неприятен для нее. Снова звучит угрожающая интонация – и, если это не вызовет исполнения, собака получает большую неприятность в виде резкого ощущения хлыста или рывка ошейника. Получение такого ощущения этой сильной неприятности быстро «ассоциируется» у собаки с угрожающими интонациями и последняя в ее «сознании» становится преддверием грядущей неприятности и вестником ее. Другими словами, здесь воспитан условный рефлекс, где само действие (удар или рывок) связано с его условным обозначением (угрожающие интонации).

При таком построении оборонительная реакция (боязнь второго удара) вызовет исполнение приема (страх будущего затормозил «нежелание»).

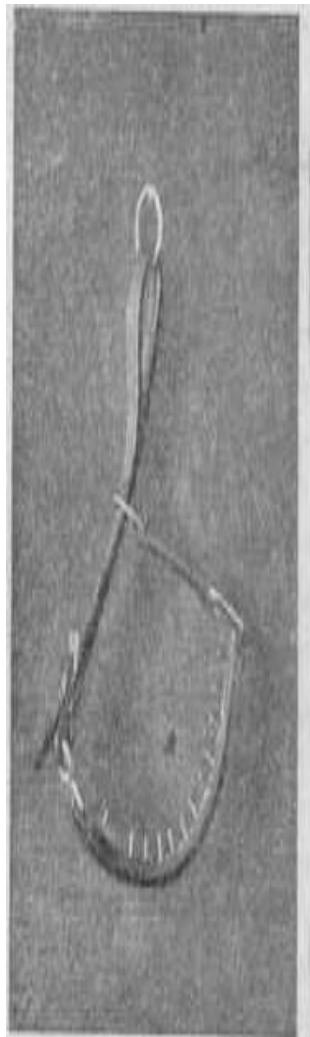

Рис. 8. Парфорс. Затяжной ошейник, он же благодаря поворотному механизму и «строгий» ошейник, играет роль сильно действующей «неприятности». В опытных руках дрессировщика, регулирующих силу принуждения, — полезен. В неопытных руках вреден, так как своим действием может запугать собаку.

Рис. 8. Парфорс. Затяжной ошейник, он же благодаря поворотному механизму и «строгий! Ошейник, играет роль сильно действующей «неприятности». В опытных руках дрессировщика, регулирующих силу принуждения, — полезен. В неопытных руках вреден, так как своим действием может запугать собаку.

Но вот прием исполнен и собака немедленно чувствует доброту — она получает ласку, лакомый кусочек. При ряде повторений такого контраста действий ласки и угрозы собака быстро усваивает, что исполнение приема влечет получение приятного, а неисполнение неразрывно связано с неприятным. Вот основной принцип принудительных действий.

Конечно, можно и не применять таких сильных факторов принуждения, как, например, удар хлыста (мы не представляем себе так называемое «битье хлыстом», когда нужно только получение резкой, короткой неприятности).

Можно ограничиться и значительно более слабыми действиями, но зачем работать полумерами, если принцип их и более сильных мер один и тот же, говорящий: «Всякое неисполнение, благодаря злой воле собаки, влечет получение неприятного ощущения». И если мы, применяя полумеры, должны будем потерять 20–25 упражнений на обучение приему, то, работая над более сильным контрастом угрозы и ласки, мы воспитаем тот же прием значительно раньше и, безусловно, прочнее закрепим связь обязательности выполнения.

Если применение принуждения будет поставлено правильно, то дрессировка будет чрезвычайно легка, и **собака никогда не будет запуганной** при правильном чередовании угрозы и принуждения (при отказе от работы) и ласки и поощрения (при исполнении ее).

Здесь нужно указать, что сила даваемых принуждений должна соответствовать характеру данной собаки. Естественно, для собак недостаточно злобных и смелых сильные принуждения могут вызвать страх. Избежать это можно, только хорошо продумывая свои действия и давая принудительные действия во-время и в меру.

Наконец, можно учить и без принуждения, и собака в конце концов, бесспорно, будет обучена приему, но «знать» еще не значит «исполнять» его. Что может являться заставляющим фактором, кроме инстинкта и принуждения? Ведь нельзя же говорить о чувстве долга и других душевных эмоциях у собаки, так грубо очеловечивая психику животного.

Применение сильных принуждений имеет большое значение и в тех случаях, когда дрессировщику приходится заглушать некоторые из врожденных инстинктов (например, инстинкт гнева). В этих случаях сильные принуждения, выставляемые в противовес разбушевавшимся инстинктам, почти не влияют на собаку.

В период дрессировки всегда полезно давать собаке делать ошибки, создавая этим искусственно обстановку для развития полезного контраста ласки за выполнение и угрозы, при отказе.

Таким образом, по вопросам о принуждении можно сделать следующие выводы:

1) Принуждение делится на два вида: а) как способ обучения, б) как способ воздействия.

В первом случае принуждение играет роль непосредственного возбудителя и проявляется в чрезвычайно слабой форме. Во втором случае принуждение играет роль заставляющего фактора и вызывает обязательность исполнения.

2) Сила даваемого принуждения должна соответствовать характеру собаки.

3) Целесообразное применение принуждения называется таким, которое воспитывает у собаки понятие «я должна выполнить неприятное действие, так как иначе меня ждет еще большая неприятность». (На самом деле работает один оборонительный рефлекс.)

4) Действие принуждения всегда должно быть связано с лаской при исполнении требуемого действия.

5) Факт принудительного действия должен быть всегда связан с угрожающей интонацией, **дабы воспитать условный рефлекс обязательности исполнения на одну интонацию.**

6) Факт принуждения должен быть связан с моментом неисполнения.

7) Принуждение никогда не должно быть рассматриваемо как «наказание», как месть за содеянный поступок.

8) Мы признаем необходимость в целом ряде случаев дрессировки, когда собака знает, но не желает исполнять то или иное действие, потому что оно неприятно для нее, дать понять собаке, действуя повышенной, угрожающей интонацией, что в случае неисполнения этого неприятного для нее действия ей грозит еще большая неприятность (основная формула всякого принудительного действия).

9) Для того, чтобы собака впоследствии знала, что повышенная интонация есть ступень, есть вестник к грядущей неприятности, необходимо воспитание условного рефлекса, т.е. связи самого факта неприятности (реально ощутимого факта) с повышенной интонацией. Для этого-то и служат строгий ошейник и хлыст, создавая требуемую, реально ощутимую неприятность.

Схема дрессировки

Мы знаем, что разработка условного рефлекса (приема) состоит из двух элементов: 1) **самого факта действия** (вызванного непосредственным возбудителем) и 2) **его условного обозначения** (замещающего возбуждения); одновременными действиями обоих возбуждений и воспитывается желаемый условный рефлекс (разрабатывается прием).

СХЕМА ДРЕССИРОВКИ.

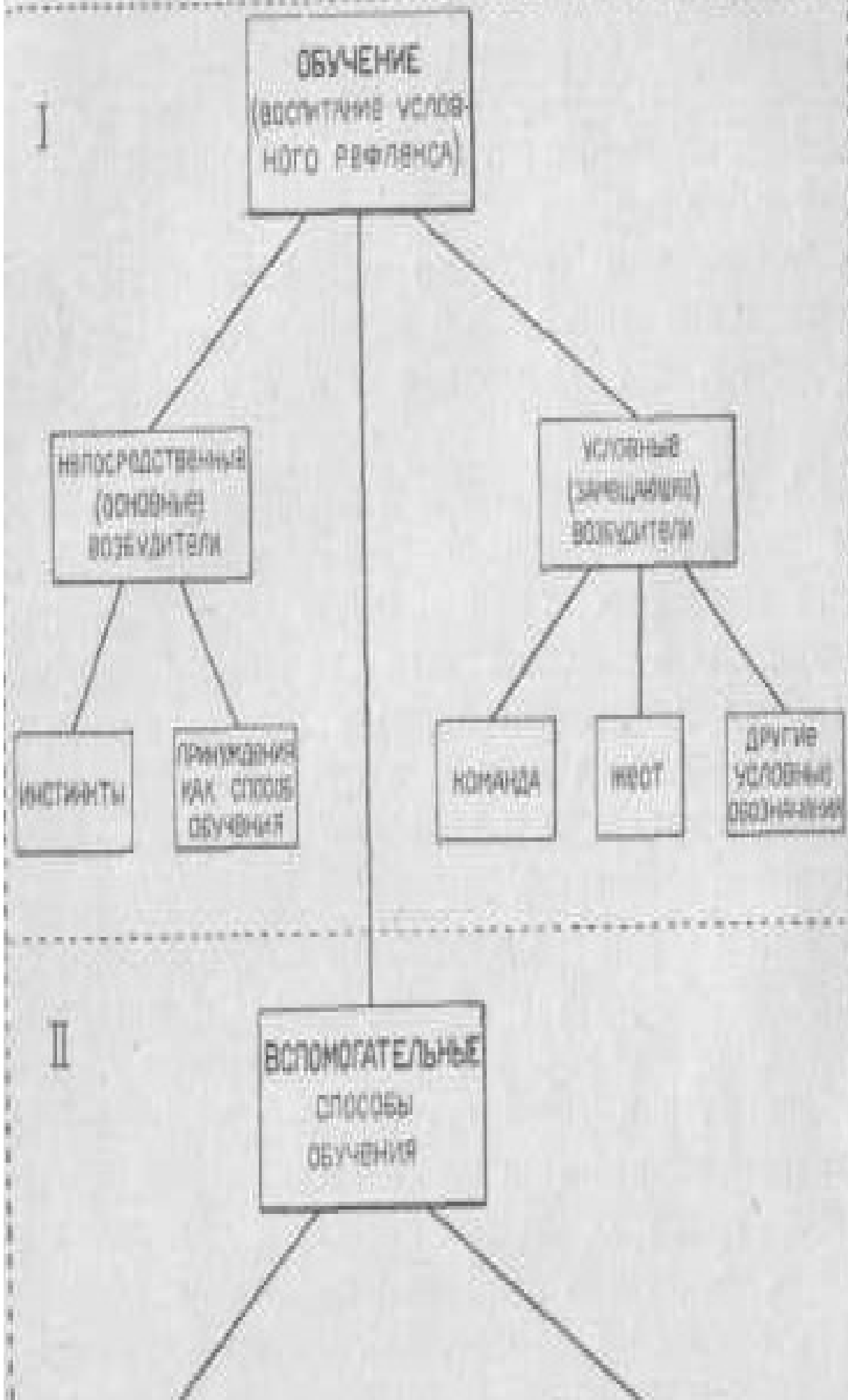

Рис. 9.

- I. Воспитание основного условного рефлекса (примитивное знание приема).
- II. Шлифовка и закрепление приема (дифференцировка условного рефлекса); эта часть дрессировки значительно важнее, труднее первой части. Здесь нужна особая чуткость, знания, практические навыки дрессировщика и установка правильных взаимоотношений. Здесь вырабатывается дифференцировка, безотказность выполнения приема.

К непосредственным возбуждениям мы относим: 1) влияние врожденных инстинктов или 2) принуждение как способ обучения.

Одним из этих видов мы заставляем собаку выполнить желаемое действие (или его примитив, подвергающийся дальнейшей шлифовке).

К замещающим (условным) возбуждениям мы относим так называемые условные обозначения приема. Они обычно бывают следующие: 1) команда, 2) жест и другие условные обозначения.

Дабы ускорить воспитание условного рефлекса, дрессировка нуждается во вспомогательных действиях, воспитывающих безотказность и шлифующих выполнение приема. Вспомогательные действия делятся на усиленные принуждения (т.е. возбудителей оборонительных реакций) и поощрения, создавая взаимодействиями их контрастные понятия о грядущей неприятности за неисполнение и, наоборот, приятного ощущения за исполнение.

В данном случае вспомогательные элементы принуждения делятся в свою очередь на два вида: 1) принудительное действие, применяемое как мера воздействия, связанное с угрожающей интонацией (применяется в тех случаях, когда собака знает, но не хочет исполнять прием), и 2) принуждение, действующее как тормоз (для выработки дифференцировки и заглушения вообще нежелательных действий собаки).

В противовес им мы употребляем **вспомогательный элемент поощрения**, который действует так: 1) закрепитель приема и восстановитель утерянной привязанности (благодаря примененному принуждению), 2) как награда за исполнение, а следовательно, и побудитель к дальнейшему исполнению. Обычно употребляемыми видами поощрения являются лакомство и ласка, связываемые с поощрительными интонациями.

Тактическое распределение приемов обучения

Программы обучения военных собак. Типичными видами работ военных собак являются следующие: 1) служба связи, вьючная и повозочная служба, 2) служба охраны и разведка, 3) караульная и конвойная служба, 4) военно-санитарная служба.

Применение собак для военных целей в западных государствах сводится также применительно к указанным выше работам. Было бы ошибочно думать, что одну и ту же собаку нужно и можно обучать всем перечисленным работам; этот взгляд в корне неправилен, ибо основные принципы указанных приемов слишком разны. Так, служба охраны, разведка, караульная и конвойная службы, как я уже говорил, основаны на развитии у собаки принципа недоброжелательности к постороннему человеку, наоборот, служба военно-санитарная, связи, вьючная и повозочная основываются на доброжелательном отношении к людям.

Доброжелательность и недоброжелательность нужно рассматривать как высоко тонизированные защитные инстинкты.

В первой группе работ собака должна знать и верить только своему дрессировщику, чувствуя в каждом другом человеке врага; вторая группа работ военных собак противоположна первой. И только очеловечивая психику собаки, можно допустить мысль о дрессировке одной и той же собаки по всем перечисленным видам работ.

Попутно с этим возникает вопрос, по какой же из специальностей направить попавшую в руки дрессировщика собаку, на какую работу начать дрессировать ее? Вот здесь-то и должна сыграть роль наблюдательность дрессировщика при прохождении собакой первого отдела программы.

Разработанные мною программы обучения военных собак делятся на две основные группы приемов. Первая группа представляет собою воспитательно-дисциплинарный цикл – здесь собран весь комплекс простых приемов общевоспитательного и дисциплинарного характера. Он состоит, примерно, из следующих отдельных приемов:

- 1) приучение к кличке, поводку и ошейнику,
- 2) приучение к ободряющим и угрожающим интонациям,
- 3) хождение рядом на поводке и без поводка,
- 4) свободное состояние собаки,
- 5) посадка,
- 6) укладка,
- 7) подход,
- 8) воспитание общей выдержки,
- 9) прыжки через различные препятствия,
- 10) аппортировка (схватывание, носка и подача аппорта),
- 11) ускорение темпа действия и замедление,
- 12) ползание,
- 13) приучение к выстрелам,
- 14) призыв к внимательности по свистку,
- 15) приучение к плаванию,
- 16) приучение к реальной обстановке дневного и ночного боя,
- 17) подача голоса (для караульных собак).

Все указанные выше приемы служат, прежде всего, для выработки общей дисциплины собаки, устанавливают твердые взаимоотношения собаки к дрессировщику, а потому и носят характер воспитательных приемов. Здесь, в первой стадии обучения, таятся невидимые нити сближения человека и собаки и идет установка их взаимоотношений. Кроме того, эта же группа воспитывает смелость собаки, ставя ее в плоскость реальной обстановки боя, приучая ее к работе в этих условиях. Что касается прыжков через барьер и плавания, то таковые приемы имеют еще и значение гимнастических упражнений, улучшая общее физическое состояние собаки.

Вот здесь-то, проходя эту группу приемов, чуткий дрессировщик и должен увидеть, на какую из специальностей он должен направлять собаку в дальнейшей работе.

Собака с явно выраженными инстинктами злобы, с твердым и решительным характером безусловно скорее всего будет пригодна к работе по службе охранения и разведки. Чрезмерно злобные собаки, с широко выявленными инстинктами, лучше всего могут быть применены к караульной и конвойной службам; службу охранения и караульную (тыловую) также нельзя поручить одной и той же собаке, ибо в первом случае собака не должна лаять, а во втором проявление лая поощряется и даже искусственно воспитывается. Собаки жизнерадостные, быстро подвижные и не имеющие явно выраженной злобы обычно могут быть применимы для службы связи. Что же касается повозочной службы, то здесь рекомендуется брать особенно сильных и массивных собак, чего не рекомендуется делать для собак службы связи, так как для массивных и сильных собак обычно трудны длинные и быстрые пробеги между дальними постами.

После того как специальность собаки в зависимости от ее характера и общего состояния будет определена (а она уже определяется обычно в конце первого месяца обучения), переходят к практическим проработкам специальных приемов, каковые в свою очередь делятся на четыре основные группы:

- 1) Первая специальная группа (сложные приемы).

Служба связи без боя и во время боя, по фронту и в тыл на видимый и на невидимый пункт.

Вьючная служба и размотка телефонного кабеля (при всех видах работы собаки по связи).

Повозочная служба (при всех видах работы собаки по связи и работа в походе).

2) Вторая специальная группа (сложные приемы).

Служба охранения: развитие сторожевых инстинктов и обучение оповещению о тревоге.

Разведывательная служба, развитие природных инстинктов, настораживание и обучение оповещению о тревоге.

3) Третья специальная группа (сложные приемы).

Военно-санитарная служба: приучение к обыску местности в определенном районе по зигзагу, нахождение раненого, оказание помощи аптечкой и работа с бринзелем (оповещение санитара о найденном раненом).

4) Четвертая специальная группа (сложные приемы).

Караульная служба (тыловая): развитие сторожевых инстинктов, воспитание злобы и облаивания. Конвойная служба – конвоирование пленных и задержание их при попытке к побегу.

Прохождением цикла специальных сложных приемов и заканчивается обучение собаки, оставляя необходимость периодической тренировки ее для поддержания в собаке способности к работе путем различно поставленных условий задач, приближая их к обстановке реальной работы.

Перед тем как начать практически прорабатывать тот или иной прием, дрессировщик должен подумать о том, какой заставляющий фактор должен быть в данном случае им применен, дабы у собаки был вызван соответствующий позыв к выполнению задания, другими словами, каким возбудителем нужно воспользоваться, чтобы вызвать соответствующий позыв к действию собаки.

Безусловно, главную роль здесь должны сыграть врожденные инстинкты. Так, например, пользуясь сторожевыми инстинктами, строятся приемы службы охранения и караульной службы. Шлифовкой инстинкта преследования убегающей строятся приемы конвойной службы. Пользуясь инстинктами стремления к удовлетворенности (пищевые инстинкты), строится обучение службе связи, которое затем уже механизмуется путем целого ряда повторных проработок.

С другой стороны, не всем приемам можно обучать, пользуясь врожденными инстинктами собаки. Приемы воспитательно-дисциплинарного характера построены на принципе принудительных действий дрессировщика, ибо, воспитывая дисциплину, необходимо собаку подчинить воле дрессировщика, другими словами, перебороть в некоторых случаях ее инстинкты, кои нежелательны в разработке данного приема. Так, например, собака по своему характеру при обучении хождению рядом не может быть по самой природе своей дисциплинированной и слепо следовать рядом с ногой дрессировщика. Ее инстинкты влекут ее к свободному бегу. В таком случае разработка приема сводится к заглушению этих инстинктов путем действий принудительного характера, в частности поводком, удерживающим собаку у ног дрессировщика с соответствующей командой.

Физиология знает одну основную формулу о заглушении инстинктов и рефлексов. Инстинкт-рефлекс может быть побежден (заторможен, заглушен) только другим рефлексом или инстинктом.

Указанные выше меры принудительного характера (парфорсы, рывки поводком) есть не что иное, как **возбудители оборонительных рефлексов**. В такой плоскости и надо смотреть на них.

В указанном примере «хождение рядом» инстинкты свободы побеждены искусственно вызванными оборонительными реакциями, а следовательно, не «сознание» руководит собакой, которая выбирает из двух зол меньшее, а идет **типичный физиологический**

процесс: более опасный раздражитель, который в данный момент более угрожает организму, вызывая соответствующий инстинкт, заглушает другой, прежде действующий инстинкт (биологический закон «борьба за существование»).

Типичным примером может служить проработка приема аппортировки (схватывание предмета). По своему существу данный прием является простым, приучая собаку по команде «аппорт» схватывать тот или иной предмет. В дальнейшем этот прием входит составным элементом в сложный прием военно-санитарной службы. Дабы приучить собаку по команде «аппорт» схватывать предмет, можно идти двумя путями. Первый основан на развитии врожденного инстинкта схватывания всякого движущегося предмета. В таком случае дрессировщик, возбуждая внимание собаки мелькающим в воздухе аппортом (держа его в руке), пользуется инстинктивным позывом собаки к схватыванию аппорта и связывает этот момент с командой, закрепляя связь целым рядом повторных действий. Но у некоторых собак этот подход не вызывает желаемого действия и собака остается безучастной к мелькающему предмету – инстинкт не проявляется. Тогда для обучения имеется второй путь – действие принудительного характера. Дрессировщик разнимает пасть собаки левой рукой (принуждение) и в тот момент, когда под влиянием принудительного действия пасть раскрывается, правой рукой легко вкладывает аппорт, связывая это с командой «аппорт». Путем ряда повторных действий связь команды с действием также устанавливается, и собака, чтобы избежать неприятного действия (разжимание пасти, путем принудительного надавливания) начнет сама брать аппорт, услыша только одну команду.

Таким образом, мы можем грубо разделить заставляющие факторы (первоначальное возбуждение) к выполнению требуемых действий на два вида: 1) **действия врожденных инстинктов** и 2) **действия принудительного характера**.

Соответственно этому мы и разделим всю указанную выше программу на:

1) Обучение, при котором первоначальным возбуждением являются действия принудительного характера:

хождение рядом,

посадка,

лежание,

общая выдержка,

аппортировка (аппортировка может быть воспитана как путем принудительных действий, так и путем развития врожденных инстинктов),

ползание и

повозочная служба (приучение к сбруе и повозке).

2) **Обучение, при котором первоначальным возбуждением являются действия врожденных инстинктов** (здесь мы не говорим о принуждении как о заставляющем факторе, т.е. когда собака знает, но не хочет выполнить требуемого действия; в таком случае принуждение может быть применено почти во всех приемах. Здесь мы берем за основу принуждение как способ обучения, а не как способ воздействия).

Простые приемы:

свободное состояние собаки,

подход,

прыжки через различные препятствия,

аппортировка и

приучение к плаванию.

Сложные приемы:

служба охранения,

служба разведки,

служба связи и выючная служба,

военно-санитарная служба,

караульная служба и

конвойная служба.

Простые и сложные приемы. По своему характеру приемы обучения военных собак делятся на простые и сложные.

Первыми называются такие приемы, которые состоят из воспитания только одного условного рефлекса, так, например, обучение «сидеть» – есть простой прием. С другой стороны, службу охранения мы называем сложным приемом, ибо он состоит из ряда звеньев, а именно: 1) развитие инстинкта злобы, 2) настораживание (сторожевые инстинкты), 3) оповещение о тревоге. Поэтому мы можем сказать, что сложный прием является комплексом простых приемов, которые, входя в него отдельными звеньями, являются по своему характеру составными элементами. В массе своей приемы воспитательно-дисциплинарного цикла являются по существу простыми приемами, а проработка специального цикла – сложными приемами.

Поэтому, учитывая то обстоятельство, что приемы воспитательно-дисциплинарного цикла в большинстве случаев так или иначе войдут в разработку сложных приемов, обучение и начинают, обычно, с проработки простых приемов, воспитывая ими и дисциплинируя собаку, а также и определяя ее наклонности к дальнейшим видам специальной работы.

Но здесь нужно предостеречь молодых дрессировщиков от одного неправильного шага: ошибочно, если дрессировщик переходит к работе с собакой сложных приемов только после того, как собака окончательно усвоит и будет отшлифована на работе всех по программе простых приемов – это обстоятельство чрезвычайно задерживает переход к сложным приемам. Да этого и не нужно. Я рекомендую только первые 2–3 недели воздержаться от ввода сложных приемов, пока собака будет обучаться 4–5 основным приемам общего послушания и пока не определится ее специальность, а затем рекомендую начать вводить основные работы сложных приемов специального цикла, попутно шлифуя пройденные простые приемы, закрепляя общую дисциплину.

Примерный план тактического распределения работы, рассчитанный на 3-месячную подготовку собаки по службе сторожевого охранения (при работе с бринзелем), рисуется так:

Примерный план. 1 неделя – приучение к кличке, поводку и ошейнику, ободряющие и угрожающие интонации, хождение рядом, сидеть, лежать, свободное состояние собаки, подход.

2 неделя – то же, воспитание выдержки и развитие общей дисциплины.

3 неделя – то же и аппортировка. Повышение требования к развитию дисциплины.

4 неделя – то же и приучение к дальним выстрелам, призыв внимательности по свистку, развитие злобы на постороннего человека.

5 неделя – развитие сторожевых инстинктов (отсутствие отвлечений).

6 неделя – то же и переход от аппорта к бринзелю (спец. вид аппорта), схватывание которого служит оповещением.

7 неделя – то же и переход развития сторожевых инстинктов от зрительного возбудителя к слуховому.

8 неделя – то же и удлинение времени настораживания.

9 неделя – общий комплекс работы охранения и шлифовка простых приемов воспитательного характера.

10 неделя – работа ночью по службе охранения.

11 неделя – ввод реальных условий службы охранения.

12 неделя – шлифовка общего комплекса работы в ночное время.

Примерный анализ сложного приема. Когда перед дрессировщиком встает вопрос перехода к обучению собаки сложному приему специального цикла, он должен основательно продумать и проработать тактическую постановку всего приема применительно к характеру, наклонности и степени подготовленности своей собаки.

Представим себе примером проработку приема службы военно-санитарной собаки.

Задание определяется так: собака должна путем обыска местности определенными зигзагообразными пробегами, на определенном участке, найти раненого и, подойдя к нему, лечь около него, сделав выдержку около 1/2 минуты (дабы раненый, если он в сознании, мог

воспользоваться санитарной аптекой, находящейся на собаке), затем, после полуминутной выдержки, собака должна вернуться к санитару, оповестить его о нахождении раненого и указать дорогу к нему.

Постановка обучения собаки должна быть тактически проработана по следующему порядку:

- 1) воспитание должного доверчивого подхода к лежащим и сидящим людям,
- 2) воспитание заинтересованности в нахождении человека, т.е. развитие позыва на поиск,
- 3) шлифовка поиска на определенный участок и по определенным зигзагообразным пробегам,
- 4) шлифовка ориентировки собаки зрением, слухом и чутьем для нахождения раненого, если он находится между зигзагами пробега,
- 5) воспитание подхода к раненому, укладка около него и выдержка,
- 6) возвращение к санитару и оповещение его путем приноса бринзеля,
- 7) возвращение к раненому, указывая дорогу санитару.

Примечание. Работа военно-санитарной собаки имеет свою эволюцию, главным образом, в вопросе оповещения о найденном. Ранее практиковалось принесение фуражки, служившее сигналом того, что раненый найден, но от этого способа пришлось отказаться, так как фуражки около раненого может и не оказаться. Кроме того, раненый мог быть ранен в голову, на которой был одет и застегнут шлем, а стаскивание его могло бы причинить страдание. Тогда было введено, что возвращающаяся собака лаем извещала о найденном, но и от этого способа пришлось отказаться, так как между возбуждением, т.е. позывом к лаю (момента нахождения) и разрядом возбуждения (лаем при возвращении) проходило некоторое время и за этот период полученное возбуждение (позыв к лаю при нахождении) естественно гасло, вследствие чего и разряд возбуждения (лай при возвращении) мог и не получиться. В настоящее время установлено следующее: поиск производится по зигзагу (которым определяется верность поиска, ибо, бегая произвольно, некоторый район мог остаться и не обысканным). У найденного человека собака ложится (если раненый в сознании, то он пользуется санитарной сумкой), если он без сознания, то, пролежав около него до 1/2 минуты, собака самостоятельно берет в пасть привязанный к ее ошейнику бринзель (маленький аппорт) и, неся его, возвращается к санитару. Этот принос бринзеля означает, что раненый найден; после такого анонса (извещения) собака ведет санитаря к найденному. При таком положении от момента нахождения до момента оповещения собака находится «в служебном» состоянии, т.е. в состоянии воспитанной дисциплины, и оповещение всегда удается.

Говоря кратко о примере построения приемов охранения, приходится указать следующие основные принципы. Тысячелетия собака была сторожем и сторожевые инстинкты присущи ей. Принципу настораживания нет необходимости обучать собаку, ибо он заложен в ней, его нужно только умело вызвать и отшлифовать.

Ночь, темнота и тишина делают чувства собаки более обостренными и инстинкты проявляются ярче. Этим вспомогательным положением и должен воспользоваться дрессировщик, строя свое обучение на системе последовательной усложненности работы, на использовании целого ряда возбудителей, идущих от внешнего мира; и коль скоро собака начнет реагировать на минимальные по силе возбудители, цель будет достигнута. Остается только обратить внимание на соответствующую шлифовку анонса, т.е. извещения о тревоге, вызванной этими минимальными возбудителями (в отделе техники мы несколько подробнее коснемся построения приема).

Из всех видов работы военных собак я считаю самой трудной и самой сложной работу по связи – не ту простую установку связи между двумя видимыми постами и не самый процесс, заставляющий собаку итти на пост, а работу по связи между двумя-тремя

невидимыми постами при расстоянии 1–1,5 километра, связи, протекающей в реальной обстановке фронта.

Дрессировщики и их ошибки

Ошибки по своему характеру делятся на два вида: 1) **ошибки тактического характера** и 2) **ошибки технического характера**. К первым мы отнесем те виды ошибок, которые создаются путем недостаточно внимательного тактического построения приема, вызывающего «очеловечивание» психики собаки. Очень часто мы видим, как молодой дрессировщик, желая «наказать» провинившуюся собаку, подзывает ее, командуя «ко мне», а затем наказывает ее. Здесь порча собаки неминуема – два-три таких действия и у собаки устанавливается прочная связь, что звук «ко мне» означает грядущую неприятность. Собака, естественно, начинает боязливо и медленно подходить к дрессировщику, и сам подход к дрессировщику по его команде становится для собаки нежелательным действием, ибо у нее прочно воспитался новый условный рефлекс, что звук «ко мне» равносителен болевому принуждению.

В общем к ошибкам первой группы можно отнести все те действия, при которых дрессировщиками не были учтены границы «психической» деятельности собаки (возможности установления условных связей), в результате чего действия дрессировщика оставались непонятными для собаки. Такое положение вещей легко и скоро может в корне разрушить установившиеся взаимоотношения собаки и дрессировщика. Поскольку дрессировщик остался непонятен собаке, постольку и отказ собаки в выполнении явился непонятным для дрессировщика (причинами невыполнения приема могут быть: причины обще-физиологического характера (голод, течка и т.д.) и ослабление или угасание условного рефлекса).

Самый факт невыполнения, безусловно, повышает нервность дрессировщика, который, видя в невыполнении приема только злую волю (нежелание) собаки, может начать применять угрожающие интонации, требующие исполнения, а возможно и ряд принудительных действий; в таком случае собака, не понимая в чем дело и видя угрожающие тона, теряется, а при ощущении принудительных действий (получаемых, по ее психологии, по непонятным для нее причинам) делается запуганной, и авторитет данного дрессировщика остается на долгое время потерянным для этой собаки.

К этой же группе ошибок я отношу и так называемые «нежелательные связи» или **нежелательные условные рефлексы**. Неопытный дрессировщик часто подходит к проработке приема с точки зрения своего мирозерцания и строит прием обучения так, как он строил бы его для человека. Такой подход, а также недостаточно продуманные действия при обучении приему и создают «нежелательные связи».

Так, например, в работе санитарной собаки, занимаясь часто в одном и том же направлении, оставляя раненого на одном и том же месте, дрессировщик не замечает, что собака, **привыкая** находить человека в определенном месте, **при работе не производит действительного поиска, а прямо идет к знакомому месту**. Так, при работе службы связи, посылая во время практических занятий собаку всегда по дороге, **установится нежелательная связь пользования направлениями дороги** как постоянным рубежом.

Приняв все это во внимание, начинающему дрессировщику нужно особенно предусмотрительно относиться к каждому заданию, к каждому практическому уроку, продумывая его построение от начала и до конца и учтя все возможные ошибки, кои могут встретиться в его работе.

Ко второй группе ошибок я отношу **ошибки технического характера**. Сюда можно отнести следующие разновидности:

1) нерешительность тона дрессировщика,

- 2) неумелое и однообразное распределение приемов на уроке, вызывающее скуку и вялость у собаки,
- 3) отсутствие навыка в деле дачи поощрений за исполнение и воздействий при неисполнении приема,
- 4) неправильное техническое построение приема.

Дрессировщику в целях предохранения себя от ошибок, необходимо принять во внимание следующие основные моменты:

1) Основным моментом для выработки условного рефлекса есть деятельное состояние нервной системы. Сонливость, упадок духа и подавленность тормозят воспитание условных рефлексов.

2) В некоторых случаях необходимо применить «активирование» (оживление) рефлекса путем введения экстрараздражителей, а также следить в нужных случаях за сменой раздражителей.

Кроме того, для успешной дрессировки необходимо, чтобы нервная система дрессировщика была в «деятельном состоянии» (не быть утомленным), иметь постоянный интерес к проводимой работе, или в данный момент занятий иметь стойкий интерес к собаке.

Я недавно видел молодого дрессировщика, который, желая, чтобы собака бросила держащий в пасти аппорт, командовал: «**Брось аппорт**». С человеческой точки зрения здесь незаметно никакой ошибки, но остановимся на этом моменте несколько подробнее. Собаку учили брать аппорт по команде «**аппорт**». На звук «аппорт» воспитался условный рефлекс схватывания предмета, звук «аппорт» в памяти собаки не вызывал представления предмета, а вызывал процесс схватывания, т.е. самое действие, другими словами, звук «аппорт» для собаки имел значение «держи».

И вот, вообразите себе растерянность собаки, когда ей командуют такое понятное для человека: «**брось аппорт**» и такое непонятное «**брось – держи**» для собаки. Конечно, приведенный пример можно назвать технической мелочью, но она очень характерна, определяя необходимость постоянного напряжения мысли дрессировщика, дабы действия его были всегда понятны собаке.

Возьмем другой пример. Представьте себе, что дрессировщик, обучая собаку защитной и конвойной службе, решает «уточнить» свою дрессировку и вводит специальное упражнение, при котором убегающий стреляет, а собака бросается и задерживает его. При частых повторениях таких упражнений один звук выстрела или один вид револьвера уже является возбудителем рефлекса злобы, и собака с пеною и лаем бросается на мнимого преступника. Это обычно хвалят, вернее, хвалили раньше, и этим поощряют собаку. Иногда изобретательные дрессировщики доходят до того, что приучают собаку, услышавшую где-то выстрел, бросаться и находить мнимого преступника и обезоруживать его. Такие упражнения очень эффективны для демонстраций и совершенно непригодны для реальной работы. Результат таких «шлифовок» печальный, ибо роль собаки явно «очеловечена». Были случаи когда убегающий преступник не стрелял, а стреляли по убегающему, и собака, услышав «выстрел» (более сильное и знакомое возбуждение) прекращала преследование, бросалась на стрелявшего и... обезоруживала его.

Эти криминалы, к сожалению, имели место. Объяснение их очень и очень просто. Собаку не приучали быть индифферентной (безразличной) к выстрелам, а всегда приучали ее бросаться на стреляющего, не учтя «психических» границ собаки.

Человек различит на кого нужно бросаться и задержать, собаке же этого не дано – в ее присутствии и при такой дрессировке выстрел является всегда возбудителем рефлекса злобы на стрелявшего.

Как я уже сказал, таких грубейших ошибок тысячи, начиная от мелких в роде первого примера, указанного мною, до более крупных, в корне портящих собаку и начатую дрессировку, таких эффективных для демонстраций и таких губительных для реальной работы.

Пусть не обижаются десятки дрессировщиков на своих собак, «плохо поддающихся дрессировке».

Чередование приемов на практических занятиях в одном и том же порядке, требования многократных повторений исполнения какого-либо из приемов являются также технической ошибкой.

Мы уже говорили, что лучший принцип обучения – это поддержание постоянной заинтересованности собаки в работе. Как лучшим девизом обучения детей является «наука в игре», так дрессировщик должен бояться быть скучным для молодой собаки. Мне часто приходилось видеть, как дрессировщик, занимаясь обучением того же аппорта, очевидно, желая, чтобы собака лучше усвоила прием, бесконечное число раз заставляет собаку брать аппорт и с каждым новым разом видно, как требования дрессировщика становятся все более резкими и более настойчивыми. Дрессировщику непонятно, чем объяснить, что собака, бравшая хорошо аппорт полчаса тому назад, отказывается брать его теперь. Но ответ прост. Все полчаса он занимался этим приемом и успел за это время достаточно опротиветь собаке. Естественно, что после этого занятия собака возненавидит этот прием и станет избегать его, будучи вначале заинтересована в исполнении приема. И это мы отнесем всецело к техническим ошибкам дрессировщика, назвав такое явление «передрессировкой собаки».

Также к ошибкам можно отнести и неправильное определение специальности данной собаки. Мы уже говорили о том, что нельзя военно-санитарную собаку одновременно обучать и службе охраны, ибо основные принципы этих служб слишком различны. Но мне приходилось наблюдать, когда собака назначается на тот или иной вид работы только потому, что эта служба особенно нравится дрессировщику. **Здесь нужно вообразить, сколько напрасных трудов может быть затрачено, если мы добродушную, ласковую собаку определим на службу охраны и разведки, или еще хуже – на караульную службу, а злобную и недоверчивую к людям собаку назначим для прохождения военно-санитарной службы.**

Взаимоотношения дрессировщика и собаки

Мы знаем, что взаимоотношения дрессировщика и собаки остаются только в виде искусственного воспитания условных рефлексов и их умелого комбинирования. Психические границы собаки не могут установить работу на «отвлеченных» понятиях, кои легко устанавливает человек, пользуясь сложными условными рефлексами 10 и 12 порядка. Собаке нельзя сказать: «приди ко мне завтра вечером часам к восьми», но ей можно сказать: «ко мне» и она поймет это, имея условный рефлекс на звук «ко мне». Собака не может мыслить о «китайских событиях», она может знать и сочетать лишь известные впечатления только о тех действиях и предметах, каковые были реально ощутимы на ее жизненном пути. Собака может знать, что после «А» следует «Б», но если между ними будет вставлено действие «В», косвенно касающееся и «А» и «Б», оно будет непонятно собаке. Поскольку это так, постольку и взаимоотношения дрессировщика и собаки должны иметь свою структуру и должны быть строго определены.

Прежде всего коснемся бегло характеров. Собаки так же, как и человек, обладают разным укладом своего характера, разной степенью возбудимости нервной системы. Здесь нужно указать, что характер дрессировщика часто передается собаке за период дрессировки и совместной работы, особенно если собака попала к дрессировщику молодым щенком, когда характер ее был еще не уравновешен и легко поддавался изменениям. Приходилось нередко наблюдать как флегматичность характера дрессировщика убивает жизнерадостность у собаки. Вот почему дрессировщик должен быть всегда весел и жизнерадостен, в меру спокоен и решителен в нужный момент.

В основном принципе взаимоотношений должна преобладать доброта.

«Товарищеской» игрой устанавливается первое доверие собаки к дрессировщику.

Мягкое, спокойное и ровное обращение с собакой служит первыми шагами к сближению. Отчетливая манера дачи приказаний должна быть также отнесена к положительной стороне установки взаимоотношений. Но вот, в процессе дрессировки, начинают выявляться во взаимоотношениях некоторые шероховатости. Собака пробует проявить свою волю в плоскости нежелательного для нас отказа от работы, и взаимоотношения резко меняются. Со стороны дрессировщика уже звучат стальные интонации приказания, неумолимо зовущие к исполнению, собака колеблется и пытается бороться, но сейчас же звучат решительные тона угрозы, и когда прием все же выполнен, слышны снова мягкие и ласковые тона дрессировщика – вот основной принцип взаимоотношений, он и должен служить основным стержнем в дрессировке.

В решительный момент уступки быть не может, ибо авторитет дрессировщика будет немедленно потерян.

Здесь нужно указать то, что дрессировщик постоянно должен следить за своими интонациями, ибо правильное чередование ласковых тонов при исполнении и тонов угрожающих при отказе имеет чрезвычайно большое значение для собаки.

Я укажу еще о двух факторах правильных взаимоотношений. Это – о терпении и систематичности в работе. Человеку все же ближе свойственная ему психология и, дабы он строил подходы к приемам, принимая во внимание психологию собаки, он должен напрягать свое мышление, подводя его под мирозерцание собаки.

Чужая психология все же чужда человеку, и вот здесь-то, при всех неправильных действиях собаки, требуется напряжение терпения дрессировщика, дабы каким-либо резким проявлением своего недовольства не вызвать нежелательной реакции у собаки.

Говорить о систематичности в работе не приходится. Бессистемное построение приемов, естественно, является нарушителем взаимоотношений человека и собаки.

Заканчивая этот вопрос, необходимо указать об исправлении испорченных собак, каковое явление обычно является результатом неправильных взаимоотношений. Мы не будем касаться техники исправления, а укажем лишь основные принципы.

Прежде всего, дрессировщик должен проанализировать неправильные действия собаки и **выявить причины испорченности** собаки; как скоро эти причины станут известными, дрессировщик должен решить – сам ли он будет исправлять собаку, или должен передать ее другому лицу (в тех случаях, когда собака потеряла доверие к дрессировщику, необходимо передать собаку). Затем следует тактическое построение подходов на исправление собаки, беря в основу следующее положение: **вначале дают собаке забыть прежние неправильные подходы, увлекая ее игрой.** Затем, как скоро собака снова станет жизнерадостной, переходят к обучению, применяя нормальные технические подходы, несколько обходя те моменты, которые послужили причиной испорченности собаки, делая их, по возможности, почти незаметными для собаки. Постепенно тона дрессировщика становятся все более и более решительными, переходя в дальнейшем к нормальному ходу обычной дрессировки.

Вопросы воспитания молодняка

Внимание дрессировщика особенно остро должно быть обращено, прежде всего, на вопросы воспитания молодняка. Это вызывается, главным образом, тем, что зачастую мы имеем и передаем в дрессировку собак со слабо развитыми качествами как характера, так и физического состояния, учитывая, что нормальный экземпляр, передаваемый в дрессировку, должен кроме правильного экстерьера и нормального физического состояния обладать подвижностью, жизнерадостностью, легкой возбудимостью, злобой (для некоторых видов работы) и общей активностью, что бесспорно может быть в большинстве случаев привито соответствующим воспитанием. Вот почему нужно особенно внимательно подойти к этому вопросу.

Больше того, я считаю, что **способности собаки в служебной работе состоят из 60% правильного воспитания и 40% правильной последующей дрессировки**; мне не раз приходилось видеть раздаваемый на руки дрессировщикам или курсантам молодняк, явно несоответствующий своему назначению. Пассивные, флегматики трусы с подогнутыми хвостами не говоря уже о ярко выраженном рахите (стихийном бедствии наших питомников) – нередкое явление и, конечно, говорить о продуктивности работы с такими собаками не приходится. Разной силы и разного характера даваемые возбудители не вызывают нужной реакции, нужного ответа у таких собак, вызывая этим нервность дрессировщика и потерю веры в собаку.

Где искать причину такого явления – это другой вопрос и мы вернемся к нему в конце этой темы, а пока несколько остановимся на вопросах воспитания, стараясь вылить их в более конкретный научно-обоснованный материал.

Разберем основной вопрос, что такое воспитание.

Наука говорит, что воспитание есть преднамеренное, организованное, длительное воздействие на развитие данного организма (П. Яблонский).

Другими словами, беря за цель создание работоспособной служебной собаки, мы должны искусственно, глубоко продумав, организовать ряд, цепь таких внешних воздействий на щенка, дабы они влияли определенным образом в желательном направлении на воспитываемый молодой организм. Учитывая, что организм молодого щенка является очень хрупким инструментом, вытекает особенная трудность в исполнении «преднамеренного организованного, длительного воздействия».

К молодому щенку постепенно, вначале более медленно, а затем более быстро приходят все новые и новые знания (комплексы условных рефлексов). Эти знания приходят из окружающей среды, из жизненных явлений. Мозг щенка обычно не устанавливает прочной связи между различными явлениями («причинность»). В какую же форму должно вылиться наше искусственно создаваемое воспитание щенка?

Основным принципом воспитания является искусственное создание окружающей среды, (жизненных условий), в которой прочно образуются полезные и нужные для дальнейшей работы условные рефлексы, и комплексы их, а также тормозятся, вернее угасают вовсе, вредные условные рефлексы, а в некоторых случаях и инстинкты (сложные, безусловные рефлексы).

Так, например, было бы ошибочно на несколько трусливого щенка, развивая его злость, производить сильное нападение, явно наступая на него; такое явление может вызвать еще большую трусость; с другой стороны, полезно в такие моменты воспитать у щенка впечатление победы, выражающееся в выхватывании (вернее «отдачи») палки из рук лица, возбуждающего собаку, а также инсценировать бегство этого лица под влиянием, якобы, испуга, дабы вызвать у щенка инстинктивное преследование. По тем же причинам необходимо у щенка все время уравнивать впечатления угрозы с впечатлением ласки (в нужных случаях), дабы не воспитать нежелательной недоверчивости к самому дрессировщику.

Итак, умелыми торможениями и умелыми дачами полезных, условных рефлексов создаются условия воспитания.

Вот почему делом воспитания должно вестись лицо, научно подготовленное к этому трудному и крайне ответственному делу.

Перевоспитывать взрослую собаку – неблагоприятная роль, и я бы сказал, в большинстве случаев, невозможная. Изменить характер и учитывать вредные условные рефлексы можно сравнительно легко у **молодых экземпляров** и почти невозможно в тех случаях, когда они твердо закреплены годами. Вспомните, как трудно обучать стариков сравнительно с молодежью. Вспомните, как крепки у стариков комплексы рефлексов «церкви и веры». **Гибкость мозга «впитывающего» новые понятия и выбрасывающего ненужное, хороша тогда, когда молод мозг и весь организм.**

Итак, **воспитывает окружающая среда**, сама жизнь с ее условиями, но нельзя допускать влияния окружающей среды, **носящей случайный неорганизованный характер**. Такая неорганизованная среда вызывает опасные привычки (закрепленные условные рефлексы). Мы **хорошо видим, как неорганизованная среда (например, домашнее воспитание служебных собак у любителей) часто разрушает полезные рефлексы. Широко допускаемое поглаживание и ласки щенка всеми проходящими на квартиру хозяина воспитывают у растущей собаки широкое доверие к посторонним, что в корне разрушает идею построения дрессировки сторожевой и розыскной собаки.**

Воспитание щенка должно протекать в строго организованной среде, не допускающей, как я уже говорил, угасания полезных рефлексов, а наоборот, организованной в сторону широкого развития их.

Необходимо помнить, что большая часть полезных навыков (полезные условные рефлексы) **приходят со стороны жизненного опыта (окружающей среды), а не школы, (дрессировки)**. Последняя дает только наименьшую часть желаемых комплексов условных рефлексов.

Около какой же отправной точки мы будем координировать все наши отдельные явления, необходимые для воспитания?

Бесспорно, основной отправной точкой, **базисом воспитания является борьба за существование** – фактор, заставляющий все живое жить и бороться. Только вокруг этого базиса со всеми его разветвлениями координируются все ответные реакции (безусловные рефлексы и инстинкты) молодого организма на те или иные явления окружающей среды.

Но было бы ошибочно думать, что, зная указанные выше основные точки воспитания, – мы знаем все, – **это далеко не так**. Нужно тактически углубить проработку этого вопроса.

Мы нередко слышали формулу: «наука в игре». Талантливый Фребель в свое время строил процессы воспитания ребенка на этом принципе, вводя те или иные целесообразные игры, развивающие полезное и тормозящие ненужное; но сказать мало, здесь можно выразить, что игра «развращает» щенка и действует так же, как развращающе действует и постоянная ласка.

Попытаемся объяснить все же желательность, я бы сказал, необходимость этих мероприятий.

У щенков нет длительных очагов возбуждений, т.е. того, что мы называем «внимание», мы это прекрасно видим на ребенке. В этом возрасте щенок так же, как и ребенок, находится в стадии искания все новых и новых раздражителей, его внимание долго не останавливается на одном предмете или действии. Вот почему воспитатель должен строить свои действия путем постоянной смены очагов возбуждения, путем поддержания постоянной заинтересованности, помня, что только заинтересованность вызывает стремление к удовлетворенности.

Как известно, лучшим возбудителем заинтересованности является игра, легкая увлекательная игра. При таких условиях стремление к цели ясно и понятно, а сильные возбудители неудержимо влекут к победе. Было бы ошибочно думать, что мы рекомендуем основывать нашу дрессировку на одном принципе игры. Придет время и в голосе воспитателя начнут звучать нотки угрозы, в свое время окрепнут тона приказания, и выполнение станет необходимостью, но воспитательная работа первого времени требует увлекательной смены впечатлений, необходимой для поддержания постоянной заинтересованности, а следовательно и естественного стремления к удовлетворенности. Так незаметно, играя, постигает щенок аппортировку (воспитывая «любовь» к аппорту, что крайне необходимо для дальнейшей работы по целому ряду специальных приемов), барьер, преследование убегающего и т.п. приемы, первоначальным возбудителем которых является инстинкт.

Постараемся же окончательно сформулировать наше понятие о воспитании.

Мы знаем, что вся жизнь есть те или иные комплексы реакций на окружающую среду. Беспричинных действий в природе не бывает, для каждого разряда есть свой раздражитель или возбудитель, вызывающий этот разряд.

Случая нет. Воспитание – это есть искусственная дача таких возбудителей, которые вызывают полезные для нас реакции, воспитывая таким способом новые полезные условные рефлексy.

Плохо воспитанный щенок не может быть продуктом «неизвестности», «случайности», или условия воспитания были неподходящими или люди не умели создать нужных условий.

Фактически все воспитание сводится к развитию комплексов, **привычек и «закоренелости»** этих привычек (невозможность старикам привить новые идеи, старые «традиции» дворянства, старые понятия о «чести», консерватизм, – все это не что иное, как результаты воспитания, результаты крепкого искусственного внедрения привычек, полезных той окружающей среде, того класса, к которому принадлежал воспитываемый ребенок).

Итак, с одной стороны, организация и закрепление этих привычек у щенка, а с другой – приспособляемость организма к окружающей среде (приспособляемость к обстоятельствам) составляет воспитание молодой собаки. Постепенно, путем многократных повторений, полученные привычки (условные рефлексy) у щенка механизуются в бессознательные комплексы.

Роль воспитателя сводится к следующему:

1) Уяснению какими качествами, смотря по роду предполагаемой работы, и какими привычками должна обладать данная молодая собака.

2) Выяснению, какие желательные привычки имеются или начинают организовываться у данной собаки, и попутно какими нежелательными для дальнейшей работы привычками она обладает.

3) Определению, какие возбудители, в какой мере и силе нужно давать данной собаке, чтобы вызвать организацию (организацию воспитания условного рефлексy) или повторение уже организованных привычек (без закрепления), а также затормозить (вернее угасить) вредные для нас привычки.

4) Определению, какими мерами нужно поддерживать постоянную заинтересованность собаки в работе, дабы иметь у щенка постоянное стремление к удовлетворенности.

Указанные выше четыре пункта являются основными для воспитателя-дрессировщика. Только продуманно тактически и технически может строиться воспитание щенка.

Примечание. На том же принципе «воспитания полезного и заторможения вредного» строится, по существу, и исправление испорченных собак.

Перейдем теперь к более конкретным указаниям по интересующему нас вопросу.

Несколько ранее мы говорили, что воспитание щенка преследует цель постепенной подготовки организма молодой собаки к последующей дрессировке и работе.

Таковая подготовка организма протекает **в двух направлениях**. Первое – это физическая подготовка, стремящаяся к развитию и совершенствованию физических признаков, а именно, крепости костяка, развитию выносливости и общей физической закалке организма; вторым фактором будет **психофизиологическое воспитание**, заключающееся в развитии и укреплении полезных психических качеств и придание молодой собаке соответствующей желаемой установки характера на злобу или добродушие (смотря по цели назначения) на более сильную возбудимость, на развитие смелости и т.п. психофизиологические качества.

Периодом воспитания может быть назван период времени от рождения до 8-месячного возраста (обычного возраста, в который собака передается в работу). Но опытная рука собаковода должна озаботиться о воспитании щенка еще в тот период, когда он находится в утробе матери. Еще при подборе производителей делается первая наметка будущей собаки. Возраст производителей, слабость их конституции, характера, – все должно быть учтено

собаководом, строящим свой подбор на принципе уравнивания отрицательных признаков одного производителя положительными признаками другого. Точно так же вязка сук в зимнюю течку является предусмотрительной заботливостью, дабы время отнятия щенков от суки совпало с весенним периодом или началом лета, что даст возможность большего пребывания помета на солнце и воздухе, облегчая этим закалку организма и общее воспитание.

Мы не будем здесь подробно касаться об уходе за беременной сукой, заботах об удалении глистов из ее кишечника, оберегая этим будущий помет, о выгуливании и усилении двигательной работы суки, а также о самом процессе щенения, отсылая читателя по этим вопросам к специальным руководствам или к отдельным главам этой книги. Мы коснемся здесь самых процессов воспитания.

Прежде всего, родившийся щенок попадает в новую окружающую среду – первые шаги организма будут на плоскости приспособляемости к пище, самого процесса питания; в последующий период смена различного питания будет также безусловно оказывать свое влияние на поведение щенка, и грызня кости будет окружена совершенно другими процессами нежели питание манной кашей (около кости может быть построен целый цикл упражнений, развивающий и злость и поиск и быстрый темп движений щенка).

Прикармливание щенят обычно начинается с 3-недельного возраста, доведя до полного отнятия к 7-й неделе, но в некоторых случаях возможно и несколько раньше отнятие щенков.

Цель прикармливания – это приучение (тренировка) организма к новому виду пищи, поэтому, учитывая постепенное развитие работы кишечника, нужно начинать с дачи кипяченого молока (2–3 ложки в день), переводя затем щенка на жидкую манную кашу. Следующим этапом будет рис, вначале вареный на молоке, а затем и на мясном бульоне. С 2,5-месячного возраста возможна дача рубленого мяса и кости. Отъемыши кормятся обычно по 6 раз в сутки, не давая им, в целях наиболее правильного обмена веществ, перекармливаться, теряя при этом способность движения (от 4 месяцев щенки кормятся три раза и от 6 месяцев – два раза в день) (При переменах пищи возможны поносы; дача 2 раза в день, вместо каши, желудевого кофе служит средством для прекращения поноса.)

Никогда не следует, отняв щенка от суки, через некоторое время (1–2 дня), снова подпускать к ней, так как молоко имеет способность быстро портиться.

С 6-месячного возраста щенки переводятся, обычно, на нормы взрослых собак.

Естественные условия размещения щенят играют чрезвычайно большую роль, способствуя закалке организма, в силу чего особенно рекомендуется в летнее время помещать молодые пометы в особых дворочках, выгулах с навесом, защищающим их от солнца, дождя и ветра. Под такой навес нужно ставить подставку, покрываемую разбросанной соломой.

Ежедневное пребывание на воздухе подготовит организмы к осени и зиме, а возможно и облегчит прохождение чумы. Подстилка у суки с пометом и у щенят-отъемышей должна сменяться ежедневно, а при необходимости и 2 раза в день, так как кожа щенят очень нежна и восприимчива к заболеваниям (экзема).

При появлении на щенятах вшей или блох их следует вычесывать, протирая шерсть в первом случае 10% спиртовым раствором перувиамского бальзама, а во втором случае – 2% раствором креолина.

Мытье щенят допускается только с 4-месячного возраста, до этого времени следует ограничиться чисткой гребнем (не металлическим) и щеткой, протирая в случае надобности 50% раствором спирта.

Для предупреждения рахита (английская болезнь, слабость костяка, – результат неправильного обмена веществ, у нас в СССР в питомниках эта болезнь носит массовый характер, отражаясь на нашем молодняке, делая его слабым) щенной суке со второй половины беременности до отнятия щенят следует давать фосфорнокислую известь или

костную муку (хорошую достать трудно). После отнятия щенят от матери эти средства даются при каждом кормлении самим щенятам.

В основу психофизиологического воспитания щенка должно быть положено развитие общей активности, злобы, недоверчивости к чужим (если это нужно), жизнерадостности, а также развитие широкого использования врожденных инстинктов, полезных для будущей служебной работы.

Кроме того, воспитанием щенка предусматривается развитие нормального роста и работы органов чувств.

Совершенно не рекомендуется держать щенков разных возрастов вместе. Обычно более сильные щенки «обижают» более слабых во время игры, отталкивая их во время еды, съедая весь корм, и «обижают» слабых при других моментах их совместной жизни.

В результате часть щенков вырастает пугливыми и слабыми по своему физическому состоянию. Лучше всего иметь отдельные дворики, пуская в них только однопометников.

Точно так же нежелательно оставлять щенка одного, что лишает его массы движений, вызываемых обычно совместной игрой.

Необходимо вести все время тщательное наблюдение не только за испражнениями, но и за тем, чтобы щенки **не перекармливались** (обычное явление у молодых щенков), ибо перекорм вызывает сонливость, общую вялость и неподвижность. Необходимо помнить, что игра и движения способствуют развитию гибкости, быстроты, общей активности и заинтересованности в работе, а также служат для укрепления костяка.

Лицу, наблюдающему за воспитанием щенков, необходимо постоянное общение с ними, дабы последние усвоили как интонации человека, так и необходимые навыки, вытекающие из общения человека с собакой. 5–6 часов совместного ежедневного пребывания, сопровождаемого общими прогулками, травлей, игрой будут целесообразными действиями, постоянное наблюдение человека, **не давая щенкам разлениваться**, во-время увлекая его в разнообразные упражнения, пойдут на пользу развивающемуся щенку, подготавливая характер и навыки будущей служебной собаки. Необходимо заметить, что в первые недели жизни щенки много спят, потом постепенно количество времени для сна уменьшается и доходит до нормы; это явление – чисто физиологического характера и препятствовать этому не следует.

Постепенно у щенка образуются условные рефлексы, воспитанные из явлений окружающей среды. Вначале идут группы рефлексов, так или иначе связанных с пищей, ибо пища в первое время является главной отправной точкой, координируя вокруг себя остальные «надстройки».

Этим должен воспользоваться воспитатель, развивая (для военно-сторожевых, розыскных и пограничных собак) недоверчивость к людям, злость и сторожевые инстинкты путем отнятия корма и кости. У щенка воспитывается «понятие» о том, что чужой человек и есть его личный враг, его приближение вызывает неприятность и настороженность. Такая установка вызывает у щенка защитную реакцию, хозяин же, наоборот, хороший и добрый (примитив комплекса условных рефлексов, необходимых для сторожевой собаки). Такие примитивные установки у щенка необходимы, но и здесь воспитатель должен учесть и то, что при постоянном отнятии корма и кости, т.е. при потере их, щенок явится «пострадавшим», у этого щенка разовьется крайняя нервность. В силу этих соображений упражнения такого рода должны заканчиваться «победой» щенка, получающего удовлетворение, необходимое для разряда нервного напряжения. У молодых щенков полезно развивать «хватку» путем дразнения их тряпкой (не запугивая). Такое упражнение развивает крепость челюстей, энергичную хватку, необходимую активность. В этих же целях хорошо в питомниках на гибких палках привешивать такие тряпки для игры щенков.

Для будущих «собак связи» полезно развивать темп бега путем выпуска из клеток на чашку с едой, находящуюся на расстоянии 50–75 шагов, а также пробегами на зов хозяина.

Для воспитания собак, работающих «на человека» (сторожевых, розыскных, пограничных), вводятся соответствующие возбудители на дразнение, бегство и т.п. При всех

упражнениях такого рода необходимо помнить, что **всякое наступательное движение, особенно резкое наступление в большинстве случаев вызывает отступление (инстинкт страха), и, наоборот, всякое отступление вызывает нужное для нас инстинктивное преследование.** К этому нужно отнести особенно осторожно: один удар щенка при активном наступлении может воспитать нежелательный рефлекс (страх), который тормозится с большим трудом.

Осторожное «таинственно» наступающее действие обычно вызывает первый бросок собаки, в это же мгновение нужно, сделав «испуганный вид», начать отступление – это вызовет второй бросок щенка вперед. Упражняясь таким образом несколько раз и видя, что инстинкт преследования заработал безотказно, можно усложнить это действие тряпкой или палкой (осторожно) с целью воспитания стремления отнятия тряпки или палки и не боязни ударов.

Лучшим способом воспитания у собаки стремления к отнятию тряпки является легкая попытка со стороны дрессировщика вытягивания из пасти собаки этой тряпки после первого момента схватывания.

Упражнения такого рода необходимо ставить так, чтобы молодой щенок вначале был бы заинтересован в том или ином виде борьбы (предложенный ему или в виде игры или в виде возбудителя его защитных инстинктов) и в конце концов выходил бы «победителем» (отнятие кости, тряпки, преследование и хватка убегающего и т.д.), получая за это ласку (поощрение) от лица, ухаживающего за ним.

В целях развития сторожевых инстинктов возможна посадка щенка (5–7 мес.) на цепь в будку, поблизости от караульной собаки, обычно в таком случае сторожевые инстинкты выявляются довольно быстро.

Резкое выявление внешнего мира, являясь для щенка новостью, действует или отвлекающе или запугивающе, смотря по силе своего воздействия, поэтому необходимо систематическое ознакомление щенка с этими явлениями.

Приблизительно с 3-месячного возраста вводятся, путем регулярных прогулок вне территории питомника, ознакомления с факторами отвлечения – вначале эта прогулка производится среди людей, других животных, среди движения улиц, среди собрания людей, у вокзалов, у ряда других мест, имеющих способность создавать сильные и новые впечатления. Ввод отвлечений должен идти в последовательности от более слабого к более сильному, сюда же вводится и приучение к выстрелам.

В возрасте 3-х месяцев можно воспитывать приучение щенка к барьеру (до 1 метра) без каких бы то ни было принудительных влияний, а также делать пробы на чутье путем поиска спрятанных костей, спрятавшегося хозяина и т.д.

В этом же возрасте необходимо начать воспитание любви к аппорту и заинтересованности в процессе аппортировки, помня, что именно любовь и заинтересованность к аппорту является вспомогательным фактором для целого ряда специальных работ (все виды поисков, работа с бринзелем военных собак и т.д.).

С 5-месячного возраста возможен переход на упражнения по охране вещей, а также на работу по преследованию и задержанию, усиливая этим злобу, недоверчивость к чужим и хватку.

В этих видах упражнений особенно важно воспитать у собаки уверенность в победе, путем искусственно создаваемых положений. С этого же возраста должны вводиться и более твердые дисциплинирующие начала (причем переход от игры к дисциплине делается легко и незаметно).

За весь период воспитания собак, предназначенных к работе на человека, мы должны стремиться к закреплению комплекса условных рефлексов, которые можно формулировать так: **«хозяин есть справедливый человек, друг и защитник; все остальные люди есть враги».**

За весь период воспитания необходимо особенно внимательно следить за интонациями поощрения и запрещения, помня, что от правильной установки на интонации зависит легкость будущей дрессировки.

Говоря по вопросу о характерах щенков, необходимо указать, что таковые меняются, ибо они в этом возрасте еще «неуравновешенны».

Небольшое количество кальция в организме способствует нервности и более сильной раздражительности. Большое количество кальция вызывает то, что мы называем «флегматичностью».

Нужно учесть, что постоянное торможение у щенка желаний (а их много в этом возрасте) делает его нервным.

Поэтому при вводе дисциплинирующих начал не нужно «перегибать палку», делая переход от игры к принудительным воздействиям незаметно. **В этот период особенно нужно стремиться к яркости в даче контрастных понятий «можно и нельзя», т.е. в даче поощрений и запрещений, помня, что только яркость этих впечатлений и регулярная повторяемость их делают установку достаточно твердой.**

В целях воспитания у подрастающих щенков гибкости в движениях и смелости полезны следующие упражнения. На дворе питомника между двумя стенами строится сплошной (по длине пространства между стенами) барьер из вынимающихся досок и лестница с параллельными широкими ступенями, у нижних ступеней, пространство между ступенями закрыто, а у верхних (после 4-й) открыто; лестница представляет собой ступени во всю длину пространства между стенами, их всего 8–10 с площадкой наверху и таким же спуском. Щенки, воспитываемые в массе, быстро привыкают к человеку, ухаживающему за ними. Выводя их гулять, дрессировщик-воспитатель, заведя их в этот огороженный со всех сторон дворик, играя, убегает от щенков на лестницу и зовет их; **не имея другой возможности подбежать к «хозяину», кроме как через лестницу, щенки карабкаются и обычно быстро осваиваются с лестницей;** с каждым днем они быстрее и быстрее преодолевают препятствия (то же и с барьером), не боясь их; такой вид упражнения приучает щенков к барьеру и лестнице совершенно естественным путем. К аппортировке щенки приучаются легко на нетяжелых и мягких аппортах и, наконец, на аппортировке на длинной бечевке, рывки за которую постоянно «оживляют» аппорт.

Кроме находчивости, смелости и быстроты в движениях такие упражнения способствуют общему развитию организма, а главное костяка. Совершенно незаметно щенки привыкают к команде «барьер» и «лестница». С таким же успехом можно рекомендовать: 1) приучение к поиску спрятанного «хозяина» в частом кустарнике, по команде «ищи», 2) развитию злости и хватки на команду «фасс» путем дразнения щенков тряпками, а еще лучше ветками с оставшимися листьями на конце. В таком случае вначале к основной хватке приучает сам «хозяин»; чрезвычайно полезны далекие прогулки (2–3 версты), связанные с купаньем. Щенки делаются выносливыми, приобретая подвижность и теряя сонливость. Совершенно незаметно воспитывается команда «ко мне» при подзывах щенков.

Здесь, однако, нужно упомянуть, что **массовые упражнения (всех щенков) не достаточны.** Хорошо развитая злость и активность при действии массы обычно теряется при индивидуальных упражнениях. В силу этих соображений необходимо **постепенно уменьшать количество одновременно работающих щенков,** незаметно сокращая их количество в 10–6–4–2 и, наконец, одного щенка (переход на индивидуальную дрессировку).

Нужно сказать, что все эти упражнения обычно воспитывают нужные приемы легко, увлекая щенков игрой, а главное – под влиянием общей массовой работы.

Говоря о воспитании, мы довольствовались здесь лишь данными общего характера, делая целевую установку, давая базисные определения, конечно, в зависимости от того или иного предполагаемого рода службы будущей служебной собаки, воспитатель будет конкретизировать наши данные, составив соответствующий план воспитания. В этот план должно входить:

- 1) Наблюдение за физическим состоянием щенка.

- 2) Чистка щенка.
- 3) Наблюдение за испражнениями.
- 4) Обязательное присутствие при кормлении.
- 5) Нахождение не менее 4–6 часов при щенке и ведение игр и упражнений, соответствующих возрасту и будущей работе.
- 6) Наблюдение за взаимоотношениями с другими щенками.

В заключение приходится сказать несколько слов о воспитании молодняка в питомниках.

В подавляющем большинстве **этот вопрос далеко не благополучен**: рахитики, низкорослые, физически слабые экземпляры – нередкое явление; еще хуже обстоит дело, когда в строй попадают трусливые, пассивные флегматики с подогнутыми хвостиками, ярко отличающиеся проявлениями своего характера и поведением от вывозных собак. Передача таких собак в строй вызывает вполне естественную нервность у дрессировщиков, тормозя этим работу; еще хуже обстоит дело, если таковые собаки попадают на периферию, где они начинают играть роль «производителей».

Чем же можно объяснить эти явления? Недостатки штата, неумение работать, скверные условия содержания, большое количество молодняка с небольшими общими ресурсами данного питомника и, наконец, **полное отсутствие научно-обоснованных методов воспитания**, – вот основные причины указанных выше ненормальных явлений. Нередки случаи, когда за несколькими пометами молодняка в количестве 15–20 экземпляров «ухаживает» один человек, почти не знающий этого дела, не говоря уже о знании основных научных данных по воспитанию.

Малая подвижность, перекармливание, нахождение вместе разнопометников, запугивающие упражнения, а то и отсутствие каких бы то ни было упражнений, – вот основные факторы неблагополучия.

С каждым годом мы начинаем понимать наши ошибки, постепенно исправляя их, но пока приходится все же сказать, что вопросу воспитания, именно рационального воспитания, мы уделяем слишком мало внимания, тратя его, главным образом, на вопросы дрессировки и забывая, что слабое и плохое, воспитание собаки есть основной тормоз в последующей дрессировке и что в обучении собаки 60% должно быть отнесено к воспитанию и только 40% должно быть отдано дрессировке.

В данное время, я считаю, что перед нашим собаководством стоят следующие вопросы:

- 1) упорядочение дела воспитания молодняка в питомниках, всесторонне обследовав его, со вводом научно-обоснованных методов воспитания, создав для этого соответствующую обстановку в плоскостях штатного порядка и содержания, или

- 2) отказаться от массовых разведения и выращивания молодняка в питомниках, перекинув вопросы разведения и выращивания в руки любителей (соответственно усилив число любителей-собаководов), приобретая затем здоровый молодняк в возрасте 3,5–4 месяцев для соответствующего воспитания (со специальным уклоном) в питомнике.

Последнее предложение удобно тем, что питомник будет выбирать только **здорового, физически и психически развитого щенка** с необходимыми качествами, выявляемыми путем проверки при покупке, придавая необходимый специальный уклон уже в питомнике, что сделать сравнительно легко, при покупке щенка 3,5–4 месяцев.

Разное

За последнее время в целом ряде лабораторий Союза ведутся опыты на слух, зрение, обоняние, осязание и вкус собаки. Помимо значения исключительной важности для науки, эти опыты для кинолога имеют также далеко немаловажное значение. Размеры книги позволяют лишь кратко ознакомить читателя с результатом части этих опытов.

Опыты на звук: установлено, что собака отличает музыкальные тона. Воспитанный пищевой рефлекс на «до» не проявляется при тоне «ре». Другими словами получается строгое дифференцирование двух раздражителей («собака различает тона»).

Далее установлено, что собака «различает» разницу в тонах до 1/8 тона, что для человека недоступно. (Опыты Бурмакина «Процесс обобщения условных звуковых рефлексов у собак», стр. 199.)

Путем тех же опытов установлено, что собака может ориентироваться среди таких звуков, которые не воспринимаются органами слуха человека; больше того, удавалось добиться полной дифференцировки рефлекса у собаки на неслышанные для человека звуки.

Все это говорит о хорошо развитом слуховом аппарате у собаки и должно быть принято во внимание дрессировщиками при даче интонаций и при целом ряде практических работ специального характера (например, сторожевое охранение).

Опыты на обоняние: эта область особенно сильно развита у собак. Всякие дифференцировки на обоняние устанавливаются достаточно быстро; запахи, связанные с едой, вызывают слюнный рефлекс, после 2–3 раз, а в некоторых случаях и после одного раза работы следовых работ с выборкой вещей и человека со следа, подтверждают о чрезвычайно тонко развитом чутье собаки.

Опыты на зрение: в этой области результаты опытов принимают несколько интересную форму. Установлено, что форма предметов, скорость движения, направление и степень освещения прекрасно улавливаются зрительным аппаратом собаки.

Распознавание разницы в степени освещения предмета у собаки стоит выше, чем та же работа у человека. Но распознавание цвета собаке не дано. Так, например, красный цвет собака не отличает от зеленого цвета.

Предполагается что весь окружающий мир собаке представляется в черных, серых и белых тонах и все распознавание оттенков сводится лишь к распознаванию силы света.

Рис. 10. Порода Ризен-шнауцер.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Основы техники обучения военных собак

Общие сведения

Приступать к изучению техники дрессировки можно только тогда, когда общий курс теории дрессировки будет достаточно усвоен, а главное **осознан** в целом.

Техника дрессировки представляет собой анализ практических разработок, давая серию практических «подходов» к собаке в проработке того или иного приема; так, например, одним из подходов для обучения собаки аппортировке является так называемое «оживление» аппорта, т.е. игра с ним перед глазами собаки, вызывая этим инстинкт схватывания движущегося предмета. Другим подходом является принудительное воздействие путем вкладывания аппорта в пасть.

Третьим подходом является работа с костью (удвоение действия инстинктов: 1) движущийся предмет; 2) кость (пищевой рефлекс)) вместо аппорта, причем собака в силу тех же врожденных инстинктов будет схватывать кость, а дрессировщик, пользуясь этим моментом, станет связывать это действие с командой «аппорт». Таковы, примерно, виды различных технических подходов.

Перечислить их все – нет никакой возможности, ибо им нет числа, они возникают у каждого дрессировщика и зачастую носят индивидуальный характер; один дрессировщик создает более целесообразный подход, другой – менее.

Все подходы имеют свои определенные принципы. Одни из них берут в основу пути **принудительных действий**, другие строятся **на развитии врожденных инстинктов**.

Общий курс теории (методики) дрессировки, являясь основой всего дела обучения военных собак, дает нам объективные понятия о «психике» собаки – общий скелет всей дрессировки вообще.

В основу нашей примерной технической разработки приемов взяты занятия с молодой и здоровой собакой, с нормально развитой как с физической, так и психической стороной индивида, указывая только схематично приемы и их разработки.

К общим указаниям нужно отнести следующее:

Полезно заниматься 2 раза в день, утром и вечером. Нужно помнить, что иногда пятнадцать минут хороших занятий будут полезнее, чем час «скучных» занятий; «приятные» и «неприятные» упражнения нужно чередовать; если интерес к работе у собаки пропадает, то (в начале дрессировки) занятия нужно прекратить, стремясь к тому, чтобы к окончанию занятий собака оставалась с прежней заинтересованностью к достижению результата.

Нельзя распределять приемы всегда в одном и том же порядке, так как по истечении некоторого времени это послужит к образованию ряда нежелательных связей. При вводе принудительных мер, таковые нужно вводить крайне осторожно, постепенно увеличивая их влияние.

Практические занятия с военными собаками делятся на два цикла: 1) **воспитательно-дисциплинарный**, 2) **специальный**. В первом из них приводятся приемы общего послушания, приемы простые по своему построению, основанные на воспитании, главным образом, одного условного рефлекса, обычно 1–2 порядка. При прохождении и закреплении этих приемов выявляется и будущая специальность данной собаки.

К разработкам приемов специального цикла относятся работы над построением сложных приемов, в которые обычно и входят простые приемы, как составные элементы, как отдельные звенья общего комплекса сложных построений.

В настоящей книге мы имеем возможность примерно разработать тактическое и техническое построение одного приема воспитательно-дисциплинарного цикла и одного вида сложного приема. Таковыми более или менее глубокими разработками мы укажем примерный план технического построения простых и сложных приемов – все же остальные приемы будут указаны более или менее схематично.

Размеры книги не позволяют дать технические детали построения каждого приема, это – во-первых, во-вторых, мы уже указывали раньше, всех деталей предусмотреть и нельзя. **То, что пригодно и нужно для одной собаки, совершенно не нужно для другой.** Все зависит от характера и от особенностей этого характера. В силу этих соображений, любая техническая разработка приема носит элементарный характер. **Научно подготовленный дрессировщик, пройдя общий курс теории дрессировки и хорошо его проработав, должен сам в зависимости от индивидуальных особенностей своей собаки, изобретать**

(продумывать) полезные возбудители, вызывающие желаемое ответное действие у собаки.

Впервые публикуемый общий курс теории дрессировки и ставит это своей главной задачей. Все же некоторые обстоятельства заставляют нас дать, хотя и короткие, технические указания построения некоторых приемов.

По целому ряду причин мы лишены возможности дать их все в духе современной терминологии (учения о высшей нервной деятельности). Кроме того, большая часть из них изложена лишь схематично.

Необходимо оговориться, что по некоторым обстоятельствам мы лишены возможности дать в этом издании чрезвычайно сложный анализ **работы по чутью** (следовой работе); очевидно, **обширный** труд по этому вопросу, подготовляемый мною к печати, выйдет отдельным изданием (к печати готовится «Курс практической техники дрессировки»).

Методические указания по обучению и тренировке собак

Как в условиях обучения, так равно при тренировке и применении собаки ряд условий может облегчать или усложнять ее работу.

К таковым условиям относятся:

- 1) Взаимоотношения собаки и дрессировщика.
- 2) Условия окружающей среды.

I. К взаимоотношениям, собаки и дрессировщика может быть отнесено:

- 1) Состояние собаки.
- 2) Взаимоотношения собаки и дрессировщика.

II. К условиям окружающей среды могут быть отнесены:

- 1) Время суток.
- 2) Температура.
- 3) Ветер.
- 4) Почва.
- 5) Характер местности.
- 6) Состояние погоды.
- 7) Отвлечения внешнего мира.
- 8) Сила возбудителя.

Во всех случаях тренировки нужно идти от облегченных условий работы, постепенно усложняя таковую вводом условий, усложняющих работу. При отказе собаки от работы надлежит возвращаться к несколько облегченным условиям.

Необходимо помнить, что в период обучения и тренировки собаки, важнее всего возбудить и сохранить заинтересованность ее в работе, так как только интерес к работе вызывает у собаки активность и упорность в стремлении к достижению результата. В связи с этим, условия, усложняющие работу, вводятся попутно тому, как механизмуется безотказность выполнения приема при более легких условиях работы.

Без такого сопоставления собака легко теряет активность в поиске и общую заинтересованность в работе.

По мере «механизации» выполнения приема, т.е. воспитания у собаки привычки к безотказности выполнения (закрепления условного рефлекса), дрессировщик, вводя дальнейшие условия, затрудняющие работу, должен учитывать их силу воздействия на собаку.

Взаимоотношения собаки и дрессировщика

Дрессировщику необходимо учитывать состояние собаки. Под состоянием собаки надлежит понимать ее физическое и психическое состояние.

Под физическим состоянием подразумевается состояние здоровья собаки.

Психическое состояние определяется поведением собаки, обычно оно обуславливается: 1) потерей возбудимости и, наоборот, 2) развитием чрезмерной возбудимости.

В первом случае собака слабо реагирует на даваемые возбудители, становится вялой, пассивной, теряет злобу, энергию к поиску и вообще к работе; во втором случае, собака, наоборот, находится как бы в состоянии аффекта, чрезмерно жизнерадостна, активна, но не углублена в работу, исполняя ее крайне поверхностно.

Постольку, поскольку тот и другой вид не носит характера закрепленной наследственной передачи, дрессировщик должен установить причины, вызвавшие такое видоизменение характера. Обычно они сводятся для первого вида к следующему:

1) Неумелое и грубое обращение дрессировщика,
2) Несоразмерная с характером собаки дача сильных возбудителей, вызывающих страх у собаки.

3) Влияние погоды.

4) Передрессировка (однообразность урока и большое количество раз повторения приемов).

5) Физическая усталость собаки. Второй вид обычно обуславливается:

1) Наступлением течки (как для кобелей, так и для сук, но в меньшей мере).

2) Чрезмерное «одомашнивание» строевой собаки, отрицательно действующее на нее.

Дрессировщику необходимо при всех указанных явлениях учесть возможную причину их возникновения и немедленно устранить таковую.

Кроме того, все построение условий содержания собаки, плана занятий и порядка ведения их должно быть построено, приняв во внимание меры, предупреждающие возможность вредного влияния на состояние собаки.

Взаимоотношения собаки с проводником:

«Взаимное понимание человека и собаки затруднено двумя основными причинами: 1) отсутствием средства сношения (речи), 2) разной плоскости мышления (разные границы психической работы)» (К. Моост).

В силу этих условий взаимоотношения остаются в виде дрессировки (искусственно устанавливаемой связи) и воспитания собаки (направление характера в желаемую плоскость, путем искусственно создаваемых условий окружающей среды).

Необходимо помнить, что характер дрессировщика, работающего с собакой, влияет и передается последней (особенно щенку).

Флегматичный и пассивный в движениях и интонациях дрессировщик убивает жизнерадостность и заинтересованность собаки в работе.

Дрессировщик должен быть весел, жизнерадостен, в меру спокоен, настойчив и решителен.

В основном принципе взаимоотношений должна господствовать доброта.

Игрой и забавой устанавливается доверие собаки к дрессировщику. Поддержание доверия собаки к дрессировщику есть основа правильных взаимоотношений.

Мягкое, спокойное и ровное обращение с собакой служит первыми шагами к сближению. Отчетливая манера дачи приказа необходима во всех случаях обучения. В те моменты, когда собака пытается проявить злую волю, например, в плоскости отказа от работы (без достаточных причин), взаимоотношения должны резко меняться – со стороны дрессировщика начинают звучать твердые интонации приказа, угрожающие и зовущие к исполнению; при колебании собаки звучит решительный тон угрозы и после момента выполнения приема, снова звучат мягкие и ласковые тона дрессировщика (дача контрастных понятий угрозы и ласки необходима при обучении собаки, ибо границы ее миропонимания очень ограничены).

В решительные моменты уступки быть не должно, ибо влияние дрессировщика на собаку будет немедленно потеряно (но для того, чтобы требовать, нужно знать и продумать, выполнимы ли даваемые задания).

При всех заданиях нужно учитывать психологию (миропонимание) собаки не «очеловечивая» ее психики; последнее и является основой правильных взаимоотношений собаки и человека.

Условия окружающей среды

1) **Время суток.** Лучшим временем суток для работы является раннее утро. Это определяется свежестью атмосферы, свежестью сил собаки и обычным отсутствием отвлечений. Это важно учесть особенно в летний период, когда жара изнуряюще действует на собаку, в связи с чем и надлежит тренировку собаки начинать рано утром или под вечер, постепенно переводя ее в часы, наступления более жаркой погоды.

По мере тренировки собаки можно, естественно, переходить на более затруднительные условия работы, где, в силу уже установившейся твердой связи между дрессировщиком и собакой, последняя должна будет выполнить работу в даваемых условиях. (Собаки акклиматизированные, с приспособленными организмами к переносу жары, ставятся в более затруднительные условия.)

Во всех тех приемах, кои построены на развитии врожденных инстинктов (сторожевые, защитные и т.п.), работа в сумерках и в темноте дает лучшие результаты, ибо чувства собаки с наступлением темноты обостряются, и желаемые результаты наступают при минимальных возбудителях.

2) **Температура.** Как сильная жара, так равно и сильный холод являются сильнейшими отвлечениями физиологического характера, затормаживающими у собаки заинтересованность в работе и стремление к достижению результата.

Это особенно относится к жаре, так как при отсутствии потовых желез собака сравнительно быстро теряет свою выносливость и становится вялой. Поэтому, только путем постепенного закаливания организма, можно привить у собаки безотказность выполнения работы при любой температуре. В связи с этим при обучении нужно начинать от температуры, облегчающей работу собаки, повышая таковую по мере прохождения курса обучения (повышение температуры производится путем регулирования часов занятий).

Необходимо учесть, что при появлении вследствие жары вялости (особенно у упитанных собак) собака совершенно теряет заинтересованность в работе, вследствие чего самый прием начинает носить вид наказания, и собака, теряя активность в работе, выбывает из строя. Несколько предохраняющими мерами к этому послужит дача более сильных возбудителей.

При определении трудоспособности собаки для работы при данной температуре необходимо учесть акклиматизацию ее, т.е. приспособленность организма к работе в данных условиях.

Средними температурами, при которых возможен пуск собаки в работу, надлежит считать следующие:

Для обучающихся собак:

Тепла – 11–15°, холода 10° (при отсутствии ветра)

Для строевых собак:

Тепла – 25°, холода 15–20°.

3) **Ветер.** Одним из сильнейших факторов, усложняющих работу, является ветер (имеет особенное значение при работе собаки «по усилителю»).

Ветры по своему значению должны быть рассматриваемы в двух плоскостях: 1) по направлению, 2) по характеру. Говоря о направлении ветров, необходимо указать, что ветер бывает попутный, встречный, боковой и угловой.

Говоря о характере ветров их нужно подразделить на благоприятный и неблагоприятный. К первому относится южный и западный ветры, ко второму северный и восточный (в зимний период).

Для сохранения следа чрезвычайно важное значение имеет сила ветра, причем, в зависимости от силы ветра, время удержания запаха на следе находится в обратно-пропорциональном отношении.

Худшим направлением ветра для следовой работы является боковой, который отводит молекулы запаха со следа под углом в сторону, что заставляет собаку отклоняться в сторону, резать углы, забегать вперед и делать проскачки. Ориентировка в данном случае для собаки трудна, так как внимание собаки отвлекается рассеивающимися молекулами в воздухе, что и сбивает собаку с правильного направления. При ветре встречном (особенно на коротких следах) молекулы, идя по воздуху, заставляют собаку прибегать к верхнему чутью.

Что же касается попутного ветра, который весь запах, находящийся в воздухе, уносит вперед, оставляя таковой исключительно на следу (почве), то такое направление является наиболее удачным (при легком ветре), заставляющим собаку пользоваться исключительно нижним чутьем.

4) **Почва.** При работе по следу (по усилителю) характер почвы имеет особенно важное значение, как держатель молекул запаха, оставленного на следе. По своему характеру почвы делятся на благоприятные и неблагоприятные.

К первым относятся: 1) влажная, 2) взрыхленная (чернозем), 3) луговая, 4) лесная, 5) глинистая, 6) торфяная, 7) снежный покров.

Ко вторым относятся: 1) сухая дорога, 2) каменистая, 3) песчаная, 4) болотистая (залитая водой).

Благоприятной почвой называется та, которая способствует к удержанию распространяющихся молекул запаха, оставленного на следе.

Пыль и мелкий песок в жаркую погоду при втягивании собакой запаха забивает поры обонятельных путей и притупляет ощущение запаха.

Лучшей почвой можно назвать луговую с проложенным следом по росе, худшей почвой – пыльная дорога днем.

Особенно важно при тренировке и работе учитывать сочетание условий почвы и ветра, принимая во внимание, что при почвах, удерживающих молекулы запаха (благоприятных), влияние температуры и ветра не носят резко доминирующего значения и, наоборот, – при почвах, не удерживающих распространение запаха (неблагоприятных), влияние температуры и ветра чрезвычайно усложняют и затрудняют работу.

5) **Характер местности.** К определениям характера местности относится рельеф, населенность и общее расположение местности.

Ровная местность облегчает работу собаки, сильно пересеченная усложняет таковую. Близость озера или реки освежает состояние атмосферы и также облегчает работу. Мелкие кустарники развивают у собаки активность в поиске (среди мелкого кустарника необходимо работать без поводка). Сильно изменяющийся рельеф полезен при развитии поиска, вызывая активность его, но должен быть вводим после работы по ровной местности.

Для собак активных работа в пересеченных местностях не затруднительна; пассивные собаки, работая на ней, сильно устают.

Перемена мест работы при тренировке необходима и должна носить постоянный характер, помня, что перемена впечатлений вызывает большую заинтересованность, а следовательно и более энергичный поиск.

Населенность местности и движение по ней является отвлечениями внешнего мира, а потому с ними и нужно поступать, как указано в соответствующей графе.

6) **Состояние погоды.** Свежесть общего состояния атмосферы является одним из сильных факторов, облегчающих работу; наоборот, напряженное состояние атмосферы (например перед грозой) вызывает упадок деятельности собаки и подавленность общего состояния (из-за неизвестности причин перемены состояния атмосферы).

Для собак активных и энергичных в работе мелкий дождь значения почти не имеет, собака со слабой конституцией может при дожде отказываться от работы. То же относится и по отношению к снегу.

Легкий ветер освежает собаку особенно в жаркие дни, но влияет на степень сохранности следа.

Встречные и сильные ветры мешают работе, затрудняя дыхание собаки и поднимая молекулы запаха.

7) **Отвлечения внешнего мира.** К отвлечениям внешнего мира относятся отвлечения физиологического характера, как, например, голод, половой инстинкт, боль, усталость и т.п. и отвлечения общего характера, как, например, шум толпы, железная дорога, выстрел, шум ветра, луч прожектора, дождь, дичь, животные и т.п.

Борьба с первым видом отвлечений значительно труднее, так как отвлечения физиологического характера являются врожденными (рефлекторными и инстинктивными) реакциями организма, а потому и требуют более сильных заглушителей (принудительных мер воздействия) с большим количеством повторений.

Отвлечения второго вида заглушаются путем постепенного ввода их и воспитания привычки к безотказности исполнения, затормаживая у собаки порывы к отвлечению путем дисциплинарных мер.

Ввод специальных упражнений на приучение собаки к отвлечениям обоих порядков обязателен.

Начинать эти упражнения надлежит после того, как взаимоотношения дрессировщика и собаки установятся в нормальной мере, а также после того, как связь команды с действием (исполнение приема) будет твердо закреплена.

Ввод отвлечений носит последовательный характер, переходя от слабейших возбудителей к сильнейшим с таким расчетом, чтобы дрессировщик при всех моментах отвлечения собаки мог воздействовать на нее силой уже установившихся взаимоотношений.

8) **Сила возбудителя.** Всякий возбудитель вызывает ответное действие – реакцию организма.

При разработке приема проводник должен тактически продумать какие возбудители, в какой мере и силе нужно дать (какой дать «подход»), дабы собака, хотя бы в начальной форме, выполнила требуемое действие.

Если данный возбудитель не вызывает желаемой реакции (действия), то проводник дает более сильный возбудитель; так, например, если собака не прыгает через барьер, где возбудитель прыжка был разбег дрессировщика и приостановка перед барьером (надежда на прыжок по инерции), то дрессировщик, уходя от сидящей собаки на другую сторону барьера – начинает уходить от нее и зовет ее, вызывая инстинкт следования за хозяином; если и это недостаточно сильно, то прыжок может быть вызван (для злобной собаки) натравлением собаки на помощника, возбуждающего собаку на другой стороне барьера и, наконец, прыжок может быть вызван на переброшенную через барьер кость.

В продуманной даче различных возбудителей, вызывающих у собаки желаемое действие, соразмерив их силы и характер, а также в твердом закреплении воспитанного приема и состоит искусство дрессировщика.

В разработке специальных приемов сильные возбудители, даваемые в начале обучения, постепенно начинают уменьшаться, стремясь к минимальной силе (дифференцируются).

Так, например, в службе сторожевого охранения – вначале будет воспитываться злоба и недоверие к человеку, дразнящему собаку (сильное зрительное впечатление).

Затем помощник одновременно со зрительным впечатлением будет давать и звуковые возбудители (резкий шум), которые также начнут вызывать напряжение и должный разряд организма; затем, переходя на ночную работу, будут фигурировать лишь слуховые возбудители, производя шум, шорох и т.п., коль скоро собака будет четко реагировать на них (не имея зрительного возбуждения), переходя на стремление к минимальному возбудителю, давая ослабленные шум и шорох. Так постепенно, путем ряда упражнений, будет

развиваться сторожевой инстинкт на ослабленные возбудители, доведя их до минимальной силы.

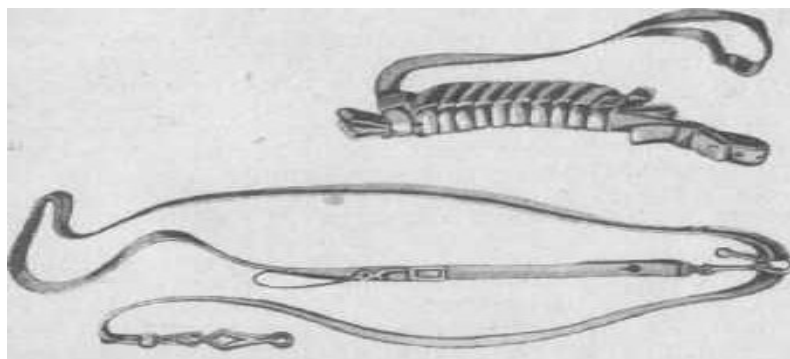

Рис. 11. Учебный поводок в свернутом и развернутом виде. Имея кольцо посередине поводка можно одевать поводок через плечо, имея обе руки свободными.

Такой плановый порядок уменьшения силы возбудителей относится ко всем проработкам специальных приемов.

Приучение к кличке, поводку и ошейнику

Прежде чем начать дрессировку, нужно приучить собаку к себе, внушить ей доверие и приучить ее к предметам дрессировки. Было бы ошибочно думать, что можно с первого же момента сближения с собакой, надеть на нее «строгий» ошейник и, вытащив ее из клетки, итти, таща ее за собой, не обращая на нее внимания, в надежде, что она сама в конце концов привыкнет к следованию за дрессировщиком. Мы считаем этот способ совершенно неправильным, затягивающим дрессировку и делающим собаку нервно-пугливой с первых моментов занятий с ней.

Собаки бывают разных характеров и разных наклонностей, труднее всего, безусловно, работать с трусливыми собаками, не говоря о типе пассивных собак. Поэтому наша разработка данного приема и будет касаться, главным образом, типа трусливых собак.

Начинается приучение так: в правом кармане дрессировщик имеет лакомство (мелко нарубленные куски мяса). Собака находится в клетке. Подходя к клетке и отворив ее, дрессировщик мягко протягивает руку с куском лакомства и, говоря: «Ральф, ко мне», после некоторой паузы (если собака не пойдет к нему сама), подходит к собаке и отдает мясо, лакомство, поглаживая ее. Это повторяется два-три раза. Затем дрессировщик делает это, останавливаясь в 1–1,5 шагах от собаки и, протягивая руку, говорит: «Ральф, (пауза) ко мне». Часто после двух-трех раз собака при произнесении клички «Ральф» уже настораживается, а следовательно и начинает узнавать свою кличку. Зная по опыту нескольких раз, что из протянутой руки она получит лакомство, собака начинает сама тянуться за ним и подходит самостоятельно.

Каждый раз, при подходе, собака получает ласковое похлопывание, игру и поглаживание со словами «хорошо», «хорошо», попутно устанавливая этим и связь поощрительных интонаций с похлопыванием. Если же собака еще не подходит на протянутую руку с мясом, то дрессировщик со словами «ко мне» сам медленно подходит и отдает лакомство, ласково глядя собаку, а затем снова пытается заставить подойти собаку самостоятельно. Сначала нужно добиваться подхода собаки на протянутое лакомство на два-три шага, затем все больше и больше, все время связывая это с командой «ко мне».

Как уже сказано выше, к кличке собака приучается незаметно, как бы мимоходом, если дрессировщик произносит кличку при каждом обращении к собаке, заставляя ее этим настораживаться при произнесении клички.

Собака быстро усваивает, что все, что связано с произнесением клички, относится непосредственно к ней самой.

Необходимо обратить внимание, что ласковый голос дрессировщика не должен быть никогда искусственно деланным, а должен носить естественный характер, ибо практика показала, что собака очень скоро понимает фальшивые ноты, и ее доверие в дрессировщику рушится, что является почти непоправимым фактом в дрессировке.

Остается сказать о приучении к ошейнику и поводку. Прежде всего дрессировщик должен два-три раза войти в клетку, имея в руках ошейник и поводок, и во время ласковых поглаживаний собаки дать ей поиграть поводком и ошейником, а затем, лаская собаку, нужно несколько раз надевать и снимать ошейник, а затем снова поиграть с ним. После того как собака привыкнет к ошейнику и будет его носить, нужно во время той же ласки и игры с собакой пристегнуть карабин длинного поводка и побегать с ней, дав поводку поволочиться по земле, а затем взять его в руки, все время играя и лаская собаку. Никаких принуждений в первые два дня давать нельзя. Нельзя с первого же дня испугать собаку. После двух-трех дней можно начать ходить с собакой после того, как она немного утомится в игре, держа поводок (длинный) в руках и частью следуя за собакой, частью мягко направляя ее в желаемом направлении. Попутно с этим надевание ошейника и поводка нужно связать с выводом из клетки, для чего начать одевать их, придя в клетку перед выгулом собаки. При всех указанных действиях в основе должны быть заложены мягкость и доброта. Остается указать, что после того как собака не будет бояться длинного поводка и будет свободно бегать на поводке, для перехода к обучению хождения рядом у ноги, нужно начать сокращать свободу собаки, достигая это подтягиванием поводка (укорачивая его), но, дабы это не носило резкий характер, нужно в первые два-три раза фактически не подтягивать собаку, а самому подтягиваться (подходить) к ней, сокращая поводок и лаская ее.

Постепенно несколько взволнованная этим собака привыкнет к принудительному удержанию ее, и в таком случае можно будет перейти к фактическому подтягиванию собаки к себе.

Весь процесс приучения к кличке, поводку и ошейнику, а также и выводу из клетки должен занять не более 2–3 дней.

Примерное тактическое и техническое построение приема «хождения рядом»

Целью проработки данного приема является прежде всего развитие у собаки общей дисциплины, подавление ее природных наклонностей и приучение к постоянному нахождению на определенном месте, у ноги дрессировщика.

Задачей дрессировщика является обучить собаку тому, чтобы по команде «рядом» (вместо этой команды может быть дано любое условное обозначение) собака была у левой ноги дрессировщика, не выходила бы из этого положения как во время стояния дрессировщика, так и при его ходьбе; причем собака в силу развитой дисциплины, следуя у ноги дрессировщика без поводка, не должна отбегать и в тех случаях, когда различные возбуждения, идущие из внешнего мира, будут будить врожденные инстинкты и звать собаку воспользоваться свободой.

Постараемся, зная основы теории дрессировки, самостоятельно выработать технический подход к воспитанию желаемого приема.

В грубых основных чертах построение приема сводится к следующему: в натуре собаки нет заложенной дисциплины, вследствие чего необученная собака, как только отпадет влияние поводка (этого сдерживающего начала ее нахождения у ноги), воспользуется полученной свободой и выйдет из желаемого состояния. Да и находясь на поводке, при всех явлениях внешнего мира, возбуждающих природные инстинкты собаки, как, например,

пробегающая кошка, запах вкусной еды и т.п., она в силу указанных инстинктов попытается выйти из принужденного состояния – нахождения у ноги.

Воспитание этого приема сводится в принципе своем к заглушению природных инстинктов и воспитанию соответствующей дисциплины путем введения каких-то сдерживающих начал.

Сдерживающие начала являются тормозными процессами. В данном случае оборонительная реакция, вызванная мерами «принуждения» (парфорс, поводок и т.д.), тормозит инстинкты свободы.

Следовательно, нам нужно искусственно воспитать такое положение, при котором команда «рядом» явилась бы **тормозом, т.е. подействовала бы на организм сильнее, нежели врожденные инстинкты**, заглушая их. В силу этого нужно применить какое-то действие, которое могло бы быть заглушителем инстинкта. Лучшим заглушителем является другой яркий и сильный возбудитель, а именно: принуждение.

Для обучения (воспитание условного рефлекса) чему бы то ни было, мы знаем, нужно иметь 2 элемента, которые мы называем непосредственным и замещающим (условным) возбуждением. В данном случае первоначальным возбуждением явится самое нахождение у ноги (самый факт), а замещающим – команда «рядом» (его условное обозначение).

Следовательно, для того, чтобы обучить собаку итти у ноги по команде, было бы достаточно удерживать ее у ноги и связывать это положение собаки с командой «рядом». После известного числа повторных, одновременных действий, условный рефлекс будет воспитан, и собака будет «знать», что звуковое возбуждение «рядом» означает нахождение у ноги, но это еще далеко не все.

Знать еще не значит исполнять. В дополнение к этому нужно момент нахождения у ноги связать еще с каким-то заставляющим фактором, недопускающим возможности невыполнения желаемого действия, и если мы в разработку приема введем и этот третий элемент (заставляющий фактор), то мы достигнем постоянного исполнения собакой желаемого действия, ибо собака будет не только знать, но и будет вынуждена выполнять желаемый прием.

Что же явится здесь заставляющим фактором? Как воспитать у собаки необходимость выполнения требуемого действия? Очевидно, одного, уже воспитанного, условного рефлекса недостаточно, нужно прибегнуть к каким-то вспомогательным действиям. Тогда построим этот вспомогательный элемент так: постараемся воспитать у собаки такое впечатление, что всякий отход от ноги после команды «рядом» вызывает неприятность, что только нахождение у ноги является безопасным местом, а всякое нарушение этого положения ведет за собой неприятные последствия, другими словами, воспитаем другой вспомогательный условный рефлекс, где отход от ноги будет являться преддверием грядущей неприятности. Каким же образом нам удастся это сделать? Лучшим средством мы назовем здесь влияние поводка и «строгого» ошейника (парфорса).

Пусть всякий отход от ноги влечет за собой рывок поводка и действие «строгого» ошейника. Стоит только собаке отойти в сторону, отстать или вырваться вперед, как немедленно она почувствует неприятное, несколько болевое ощущение от действия парфорса, но стоит ей только вернуться к ноге, как неприятное ощущение моментально прекращается (в целях воспитания контраста), наоборот, она здесь почувствует ласкающую руку дрессировщика.

Нужно дать почувствовать, что только у левой ноги собаке покойно и хорошо, что ласковый голос дрессировщика звучит только в этом месте, а всякое нарушение и отход служит к получению неприятного сильного принуждения. Таким образом, в скором времени возникает желаемый новый рефлекс – нахождение у ноги вызывает приятность, а всякий отбег связан с немедленным получением неприятного ощущения.

При таком положении вещей, нахождение у ноги явится дифференцированной защитной реакцией (единственное положение, избавляющее от неприятностей).

Итак, собака знает, что звук «рядом» означает нахождение у ноги, затем она знает, что отбегать опасно и что самое спокойное положение это есть нахождение у ноги, и это еще не все. Нужно как-то добиться того, чтобы одна команда «рядом» явилась бы и определяющей положение собаки у ноги, и в то же время заставляющим фактором.

Рис. 12. Парфорс – «строгий» ошейник; данный вид парфорса не имеет поворотного механизма и поэтому менее удобен.

Нужно как-то упростить прием. Для этого нужно ввести новый вспомогательный элемент, воспитать новый вспомогательный условный рефлекс. Если мы каждый рывок за поводок, возвращающий собаку к ноге, будем связывать с командой «рядом», произносимой **в повышенном угрожающем тоне**, пропорциональном силе рывка, и, наоборот, нахождение собаки у ноги будем связывать с той же командой «рядом», но произносимой мягким ласкающим тоном, то после известного числа повторных действий, при которых угрожающие тона при неисполнении будут повышаться все больше и больше, мы добьемся нового условного рефлекса – на интонацию. Другими словами, одна угрожающая интонация будет условно обозначать грядущую неприятность от парфорса (уже знакомый собаке заставляющий фактор), и собака, дабы избежать эту сильную наступающую неприятность, будет возвращаться к ноге, немедленно получая здесь интонацию ласки: «хорошо, рядом, рядом». При таком положении вещей наша цель будет достигнута вполне.

Мы тактически, не зная техники дрессировки, только в силу наших общих знаний теории дрессировки, составили наиболее целесообразный практический подход для обучения собаки команде «рядом». Он составил из образования трех условных рефлексов, из которых первый был основным, а два других вспомогательными.

1) Связь команды «рядом» с нахождением у ноги – получилось знание приема.

2) Связь получения сильного неприятного ощущения в момент отхода от ноги, и, наоборот, спокойное и приятное состояние во время нахождения у ноги – воспитан заставляющий фактор.

3) Связь угрожающей интонации команды «рядом» с получением сильного неприятного ощущения – действия обоих ранее воспитанных рефлексов объединены. Команда «рядом», произносимая в угрожающих тонах, является выразителем знания приема и одновременно заставляющим фактором к его выполнению.

Так, примерно, тактически, должен быть проработан каждый практический прием.

Зная границы психических возможностей собаки, зная «почему» собака выполняет те или иные действия, всегда можно продумать «как» нужно заставить собаку выполнить желаемое действие.

Перейдем к технической шлифовке приема «рядом».

Приступать к проработке этого приема нужно после того, как собака будет вообще достаточно приучена к поводку, ошейнику и своей кличке. Только после того, как собака привыкает к поводку, с одной стороны, пристегнутому к ошейнику, а с другой, – удерживаемому в руках дрессировщика, и будет свободно, без страха перед поводком, бегать на всей длине поводка, можно, идя вперед и увлекая за собой на поводке собаку, постепенно

сократить этот поводок до 0,5–0,75 аршина и перейти к разработке приема «рядом». Было бы ошибочно думать, что поводок нужно держать почти вплотную у ошейника, удерживая этим собаку у ноги, наоборот, в целях скорейшего воспитания приема выгоднее держать поводок так, чтобы собака могла делать «ошибки», несколько выскакивая вперед и отставая; при таком положении вещей она скорее и ярче почувствует разницу последствий нахождения у ноги и при выбегании вперед или отставании.

Говоря о месте нахождения собаки, нужно сказать, что собака должна находиться у левой ноги дрессировщика, дабы правая сторона его (для свободного действия оружием) была совершенно свободна.

Старые учебники говорили, что собака должна находиться в таком положении, чтобы нос собаки не выдавался вперед далее колена дрессировщика. Я нахожу такое положение неправильным, ибо при таком состоянии дрессировщик, чтобы видеть и управлять собакой, должен постоянно и напряженно оглядываться назад. Целесообразней то положение, при котором собака приблизительно серединой корпуса находится у левой ноги; это положение не заставляет и ее быть чрезмерно напряженной и дает ей свободное движение в пределах длины ее корпуса.

Здесь может возникнуть вопрос, нужен ли для проработки приема парфорс или возможно удовлетвориться простым ошейником? Я полагаю, что лучше всего применять парфорс, ибо как в том, так и в другом случае мы при выбегании собаки рывком будем возвращать ее на место, а в таком случае парфорс даст более резкое впечатление и, следовательно, скорее и ярче воспитает впечатление получения неприятности при выбегании, что нам и нужно по существу. Влияние же простого ошейника будет преследовать ту же цель, но явится полумерой, что крайне нежелательно.

Любитель может указать нам, что собака может «испугаться» сильных и резких рывков. На это мы скажем, что сила даваемых принуждений должна безусловно соответствовать характеру собаки. Затем мы укажем, что с трусливой и робкой собакой мы вообще не рекомендовали бы заниматься, а занялись бы ее перевоспитанием. Для нормальной собаки влияние парфорса совершенно не страшно, ибо мы к стремились сознательно к тому, чтобы собака почувствовала при отбеге сильную и резкую неприятность; получаемая же ласка и награда при возвращении ее к ноге уравнивают состояние собаки и только приучают ее находиться у ноги.

Техника влияния поводка такова: поводок пропускается через кольцо, образующееся от указательного и большого пальца левой руки и оканчивается в правой. В случаях выбегания вперед, левая рука делает рывок и одновременно резкой угрожающей командой «рядом» возвращает собаку на место к ноге, после чего та же левая рука гладит собаку, сопровождая это ласковой интонацией «хорошо, рядом, хорошо».

В случаях выбегания собаки в сторону, рывок с теми же интонациями и командой делается правой рукой через кольцо левой руки, не допуская того, чтобы собака стукнулась о левую ногу (после ряда таких явлений она будет бояться левой ноги). Дрессировщику нужно регулировать интонации и рывки так, чтобы при наличии сильных возбудителей, зовущих собаку, следовало еще более сильное воздействие дрессировщика, заглушающее призыв, идущий из внешнего мира.

При **отставании** собаки нужно прежде всего узнать причины этого явления; они обычно бывают: **1) по невнимательности, 2) по страху, 3) по упрямству.** В первом случае нужно поступать так же, как и при выбегании вперед. Во втором, резкий рывок явился бы еще большим воспитателем страха, а потому и недопустим; в таком случае нужно полуоборотнуться влево и ласковыми интонациями подозвать собаку, а после того как она подойдет – желательно побегать и поиграть с ней, дабы новые впечатления игры и удовольствия заглушили прежние впечатления страха. В случае проявления упрямства, рекомендуется просто, не обращая внимания, идти вперед, в таком случае влияние парфорса окажет свое действие, и собака безусловно перестанет сопротивляться и пойдет за

дрессировщиком. После того как она пойдет, оставаясь все же за спиной, дрессировщик командует «рядом» и производит нужный рывок.

Таким образом идет обучение собаки. После нескольких повторных упражнений указанного типа дрессировщик должен произвести проверку, достаточно ли воспитан нужный условный рефлекс; для этого, в моменты выбегания, дрессировщик не производит рывка, а дает только угрожающей интонацией команду, и если собака после этого возвращается к ноге, прием, следовательно, усвоен собакой, и остается только его дальнейшая шлифовка. Если повышенная интонация не действует, то, значит, условный рефлекс еще не закреплен, и дрессировщик возвращается снова к одновременным действиям обоих возбуждений.

Точно таким же способом «выучивают» собаку и на хождение рядом без поводка. Переходят к этому тогда, когда связь команды с действием при хождении на поводке будет совершенно закреплена, а интонация приказания будет достаточным заставляющим фактором.

Дрессировщик идет, имея поводок в руке, и если ход собаки будет достаточно правильным, он тихо опускает поводок на землю, позволяя ему волочиться при движении собаки. Такое положение дает возможность, с одной стороны, управлять собакой одними интонациями, а с другой стороны – не дает собаке сразу почувствовать полную свободу. Если же и при таком положении вещей собака реагирует в достаточной мере на одну команду, – поводок снимается вовсе.

Затем настает пора ввести ряд **отвлекающих возбуждений**. Для этого собака снова берется на поводок и отвлечения начинают возбуждать внимание собаки; они обычно выражаются в приманивании собаки посторонними людьми, зовом собаки, воздействием на инстинкт преследования и т.п. При всех попытках собаки к выходу из положения «у ноги» следует знакомый нам резкий рывок, тормозящий влечение инстинкта (рефлекс свободы тормозится оборонительным рефлексом).

Отвлечения внешнего мира вводятся, конечно, последовательно и постепенно в порядке все большей и большей усложненности их.

Попутно нужно указать, что обычно молодые дрессировщики, прорабатывая прием хождения рядом, ведут работу на чрезвычайно небольших территориях, причем, пройдя 15–20 шагов, быстро поворачиваются обратно и, снова пройдя то же расстояние, опять же поворачиваются, все время находясь на территории размером в 20–25 шагов. Мне хочется изменить эту «традицию» всех дрессировщиков и вот по каким причинам: при таком положении вещей собака сразу же привыкает быть внимательной к нахождению у ноги на небольших пробегах, – стоит только сделать путь следования нормальным, как собака быстро выходит из состояния у ноги, теряет внимательность и начинает выскакивать вперед или в сторону, поэтому я считаю более целесообразным при обучении собаки хождению рядом делать пробеги нормально длительные, воспитывая внимание собаки сразу же к реальным условиям следования у ноги.

После того как собака будет выучена идти рядом на прямых направлениях хода дрессировщика, переходят к обучению следования рядом и при поворотах. Фактически обучать этому не приходится, здесь имеет место просто воспитание внимательности собаки к ходу дрессировщика. Техническое построение этого очень просто: имея собаку на поводке и идя с нею, дрессировщик делает резкий поворот вправо одновременно с рывком и резкой командой «рядом». Желание избежать резкого и неприятного рывка и послужит заставляющим импульсом к внимательности собаки, к поворотам дрессировщика. Указанный принцип является основным в приучении собаки к поворотам. При повороте влево, дабы нога дрессировщика не сделала толчка собаке, следует одновременно с поворотом рывок левой рукой назад; этим собака чуть-чуть отталкивается назад и при повороте влево окажется у левой ноги.

Мне приходилось наблюдать, как в первый период обучения собаки некоторые руководители требовали от дрессировщика твердого «уставного» шага, прямого держания

корпуса и т.п. Спешу предупредить начинающих дрессировщиков, что этот взгляд является в корне неправильным и чрезвычайно тормозящим дело дрессировки. При таких условиях дрессировщик безусловно не может быть внимательным к своей собаке, непряженно следя за своим состоянием и не может наблюдать за ней, между тем как в первый период обучения дрессировщик должен быть особенно внимательным к собаке, постоянно следить за ее движениями, во-время поправляя их, быстро менять тона от ласковых до угрожающих и т.п. «Казенное» же хождение уставным шагом выработает дисциплинированного дрессировщика и недисциплинированную собаку. Полагаю, что вводить в общевойсковую дисциплину собаку безусловно можно только тогда, когда приемы будут выучены.

Попутно с разработкой приема хождения у ноги, воспитывается и свободное состояние собаки по команде «гулять». В те моменты, когда собаке хотят дать отдых и свободное состояние, не в рамках служебной дисциплины, можно приучить собаку к команде «гулять», установив этот условный рефлекс путем выпуска собаки из клетки и путем снятия поводка во время ходьбы с одновременной дачей команды «гуляй». При длинных пробегах особенно рекомендую время от времени давать этот отдых, иначе собака, идя все время у ноги и находясь, следовательно, в некотором напряженном состоянии, устает и самостоятельно выходит из послушания.

Возвращаясь к вопросу о применении парфорса, возможна для некоторых собак и такая постановка. Собаке нужно дать «понять», что дрессировщик обладает многими способами, дабы принудить собаку к выполнению желаемого действия. В таких случаях начинать нужно с затяжного ошейника, при неисполнении – переход на парфорс и хлыст.

В этой примерной проработке простого приема мы показали способы построения приема, разделив их на: 1) тактическое построение приема, и 2) технические подходы и их построение. В таком же порядке должен строиться и каждый прием.

Схема построения приема посадки по команде «сидеть»

Целью данного приема является, прежде всего, выработка послушания, внимания к командам и развития общей дисциплины. Рядом комбинированных упражнений посадки, укладки и подхода вырабатывается нужная «выдержка» собаки. Кроме того этот прием впоследствии может быть введен как составное звено сложного приема.

Для установки желаемого условного рефлекса опять же требуется связать самый факт, самое действие посадки с его условным обозначением (командой «сидеть»). Можно было бы, не делая принудительных действий просто уловить естественный момент посадки и связать его с командой, но это совершенно нецелесообразно, так как прежде всего затягивает дрессировку при затрате большого времени на ожидания момента посадки, а главное, такое построение приема не дает у собаки воспитания необходимости посадки, ибо заставляющий фактор отсутствует.

Поэтому целесообразным подходом мы назовем следующее: полуобернувшись к стоящей у левой ноги собаке, дрессировщик, имея поводок в правой руке, левую руку кладет на крестец собаки (в области почек) и, нажимая вниз, принуждает этим собаку сесть. Одновременно с этим дрессировщик правой рукой слегка подталкивает поводком вверх, с некоторым наклоном влево. Вместе с этим, с воспроизводимым фактом посадки звучит команда (замещающее возбуждение) «сидеть», воспитывая уже знакомый нам заставляющий фактор в самой интонации команды, придавая ей несколько угрожающий оттенок («принуждение» как способ обучения).

Обычно собака в первые моменты обучения пытается встать; для предотвращения этого левая рука продолжает удерживать собаку, с большой резкостью нажима в моменты попытки встать и с более резкой командой.

Дрессировщик вскоре делает проверку установки рефлекса, не производя нажима рукой, а давая только команду. В случаях отказа возвращаются опять же к одновременным действиям. После того как необходимый рефлекс будет воспитан, дрессировщик переходит к воспитанию и развитию «выдержки», для чего после посадки собаки, имея конец длинного

поводка в руке, дрессировщик медленно отходит от собаки (усадив ее), повторяя в несколько повышенном тоне «сидеть», «сидеть». Отходить первое время рекомендуется спиной по направлению движения.

Во всех случаях исполнения дается ласковая интонация и лакомство. При попытках неисполнения звучат тона угрозы и «напоминающее» подергивание поводка. В основу разработки данного приема положено воспитательное значение, развитие выдержки и общей дисциплины. После воспитания «механизирования» безотказной посадки переходят на развитие выдержки, удлиняя время сидения собаки, и вводят отвлечения «внешнего мира».

Схема построения приема «лежать»

Как и в предыдущем приеме, разработка этого приема основана не на использовании природных инстинктов, а на принуждении (вначале как способ обучения, а затем, в нужные моменты, как способ воздействия).

Непосредственным возбуждением мы назовем принудительную укладку собаки, а замещающим возбуждением команду «лежать».

Прежде всего выясним вопрос, в каком положении должна лежать собака. Старые учебники старой школы дрессировки трактовали этот прием, говоря, что голова собаки должна быть вытянута и лежать на передних лапах, касаясь кончиком носа конца лап (беря в этом пример с охотничьих собак). Задняя часть тела не должна быть завалена на бок, а должна ровно лежать на обеих задних лапах; соглашаясь с последним положением, являющимся выразителем дисциплинированности собаки, хотя при долгом лежании и допустимо заваливать круп на бок, мы никак не можем согласиться с указанным выше положением головы собаки. Учитывая впоследствии укладку собаки при охране людей и предметов и вообще служебную работу, нам кажется странным то лишение собаки пользования чувством зрения и слуха, которое будет неминуемо при заставлении класть голову на передние лапы. Наоборот, мы говорим, что служебно-розыскная собака должна лежать внимательно прислушиваться и приглядываться к явлениям окружающего мира, т.е. быть настороже, чего она может достигнуть только при свободном пользовании головой. Правда, в таких случаях на собаку имеют более сильное воздействие отвлечения, идущие от внешнего мира, соблазняющие собаку выйти из лежачего положения, но путем дрессировки мы и должны, учитывая будущую работу в реальной обстановке, заглушить развитием общей дисциплины.

Укладка производится так: после того как собака сядет, дрессировщик, сделав полуоборот влево, накладывает левую руку на лопатки и нажимает несколько вниз; правая рука, взяв передние лапы собаки так, чтобы указательный палец прошел между двумя лапами, легко оттягивает их вперед, благодаря чему собака, естественно, ложится.

Все эти действия сопровождаются командой «лежать», причем левая рука некоторое время продолжает лежать на лопатках, парализуя попытки собаки встать. Укладка собаки может быть достигнута и короткими подергиваниями поводка вниз у сидящей собаки или быстрым и резким пригибанием собаки к земле (в зависимости от характера собаки).

Все остальное, как-то: дача угрожающих и поощрительных интонаций, воспитание выдержки и т.д., производится по тому же способу, как и в приеме «сидеть».

После того как прием будет исполняться собакой, можно перейти к воспитанию условного рефлекса 2-го порядка (на жест); необходимо для того, чтобы дрессировщик мог влиять на собаку на расстоянии. Для этого уже знакомая команда «лежать» (условный рефлекс 1-го порядка) связывается с постоянным опусканием поднятой руки (для посадки, наоборот, делается выбрасывающий жест вверх).

Безусловно, чем дальше отходит дрессировщик от собаки, тем меньше и слабее становится его влияние на нее. Поэтому, при разработке влияния дрессировки на расстоянии, команда должна произноситься с более резкими интонациями и вся практическая работа идет вначале на длинном поводке, которым дрессировщик различными подергиваниями и влияет на собаку.

Очень часто при даче поощрительных интонаций собака может выйти из лежачего положения; в таких случаях нужно обязательно усилить принуждение и резкость тона команды; так как этого можно добиться только при непосредственной близости дрессировщика к собаке, то и занятия эти нужно, как сказано выше, до полного послушания производить на поводке. Первое время при первых опытах укладки собаки, хорошо рукой удерживать ее в лежачем положении, мешая попыткам приподняться. После нескольких дней упражнения – дрессировщик, уложив собаку, начинает немного отходить на 2–4 шага спиной вперед, не натягивая поводка; затем снова возвращается, хвалит, говоря: «хорошо», «лежать, хорошо», и снова отходит все дальше и дальше, затем после некоторой паузы (выдержки) дрессировщик дает подзыв «ко мне», подзывая похлопыванием себя по ноге рукой или подтягиванием поводка или отбеганием нескольких шагов назад, следя за правильностью подхода.

Прыжки через препятствия

Прыжки всякого рода имеют, главным образом, воспитательное значение, укрепляют мышцы, развивая у собаки ловкость, смелость, решительность и гибкость движений. Кроме того, прыжки приучают и к преодолению различного рода непредвиденных препятствий в обстановке реальной работы.

Техническими приспособлениями к этому приему являются: барьер (в виде забора), живая изгородь, канава, ров.

Барьер обычно состоит из двух штанг (высотой до 2,5 метров) на крепких брусках в основании, лежащих на земле (чтобы при упоре лапами о доску, при прыжке, собака не опрокинула барьер). Кроме того, необходимо, чтобы барьер не шатался при ударе в него передними лапами собаки во время прыжка.

В обеих штангах прорезаны пазы, в которые и вставляются поперечные доски (желательно иметь их обрезанными «в четверть», чтобы при прыжке и сильном толчке лапами верхняя доска не отходила от следующей, так как в образовавшуюся щель возможно попадание задней лапы собаки). Ширина между штангами желательна в 4 аршина (при очень узких барьерах у собак замечается больше попыток обегать барьер).

Переходя к краткому техническому описанию приема, можно сказать, что существует целый ряд «подходов» для воспитания этого приема, но в основу всех их заложен инстинктивный прыжок собаки и связывание этого момента с командой.

Другими словами, дрессировщик просто должен подумать, какой возбудитель нужно дать собаке и на какой инстинкт нужно воздействовать. Что же явится лучшим возбудителем?

Можно, установив маленькую высоту (дабы она «не пугала» собаку, т.е. не заглушала бы действие инстинкта) усадить собаку перед барьером и, перекинув поводок на другую сторону, перейти туда самому, а затем звать собаку вначале знакомым звуком «ко мне, барьер», а затем, после ряда повторений только «барьер», закрепить на этом звуке рефлекс на прыжок.

Можно, не переходя на другую сторону, бежать с собакой к барьеру и перепрыгивать самому, увлекая собаку, а после 3–4 раз, подбегая к барьеру, самому не прыгать, допуская только прыжок по инерции собаки, связывая такие моменты с командой. Наконец, можно, бросая через барьер, на глазах собаки, кость, вызывать этим и ее прыжок. Для собаки, любящей аппортировать, бросок апорта через барьер будет хорошим возбудителем; у собак же, работающих «на человека», хорошим возбудителем явится травля собаки по ту сторону барьера («на злость»).

Так или иначе, но прыжок, самый факт, будет воспитан, и в скором времени собака будет «знать», что звук «барьер» означает прыжок. Угрожающая команда, как и в каждой разработке, явится заставляющим фактором выполнения приема. Но здесь придется остановиться несколько подробнее.

Воспитывать прыжок надо на небольшой высоте, и собака на это обычно идет охотно. Коль скоро дрессировщик не испортит собаку частыми повторениями приема и собака будет еще заинтересована в его выполнении, все будет хорошо, но, перейдя к повышению барьера (а это должно пойти, как только связь команды с действием будет установлена), дрессировщик встретится с затруднением, с **некоторой боязнью высоты прыжка**.

Рис. 13. Работа на барьере.

На маленьких барьерах собака обычно перелетает их, не касаясь ногами. После предела (обычно – 1,25–1,5 аршина) наступает момент боязни высоты. Вот здесь и должен дрессировщик прийти на помощь собаке, приучив ее не стараться перелететь барьер, не касаясь ногами, а, наоборот, зацепившись передними лапами за верхнюю доску, **как бы взбираться на барьер, подтягиваясь вверх**.

Лучшим способом для этого можно указать так называемую «посадку» собаки на барьер, когда дрессировщик, приподняв собаку, поднимает ее вверх только настолько, чтобы она зацепилась передними лапами за верхнюю доску, и в то же время в повышенном, угрожающем тоне дает, уже знакомую команду «барьер». В таких случаях, слыша знакомую команду и неизбежный заставляющий фактор – интонацию, собака инстинктивно подтягивается вверх и перепрыгивает барьер (вернее перелезает и спрыгивает с него).

Здесь нужно указать, что у многих молодых дрессировщиков обычно заметна погоня за рекордом высоты; этот взгляд в корне неверен, ибо это для реальной работы и не нужно, а в то же время соскакивание с большой высоты вредно отражается на собаке, сотрясая ее организм (собака не так пружинит при прыжке, как кошка).

Заканчивая краткие заметки о барьере, безусловно, нужно предупредить о недопустимости сильных принуждений при прыжках через большую высоту. За долгие годы практики мне нередко приходилось наблюдать, как стоящий по другую сторону высокого барьера дрессировщик, имея перекинутый поводок, резкими угрожающими интонациями и рывками поводка вызывает собаку к прыжку, причем собака, делая первый прыжок, сорвалась и стоит почти вплотную к барьеру (сорвавшаяся собака почти никогда не отбегает назад для разбега).

При таком положении состояние собаки является безвыходным – угрожающий зов и рывок дрессировщика, с одной стороны, и безусловная невозможность выполнения прыжка – с другой. Результатом таких действий является страх перед барьером и общий отказ от прыжка. Итак, безразлично, каким возбудителем воспользуется дрессировщик, вызывая прыжок, бросает ли он аппорт или кость, будет ли прыгать сам, увлекая к прыжку и собаку, использует ли инстинкт преследования и гнева, – построение приема основано на установке условного рефлекса, причем одним составным элементом является влияние природного инстинкта, а другим – команда. Прыжки через живую изгородь, канаву, ров с водой строятся по этой же схеме. Чрезвычайно полезно приучать собаку к прыжкам еще в щенячем возрасте, когда они в игре встречаются с искусственно созданными препятствиями.

Подход

Цель обучения – приучение собаки возвращаться к дрессировщику в любое время и при любых обстоятельствах.

Разберем схематично тактическое построение этого приема. Если мы будем подзывать собаку связывать с получением неприятного, с получением каких-то болевых принудительных действий, то, естественно, у собаки быстро воспитается условный рефлекс на звук «ко мне», как на преддверие неприятности, и так как у собаки, находящейся на свободе, будет всегда легкий способ избавиться от грядущей неприятности, то она и воспользуется им, т.е. просто не пойдет на зов.

Мы часто видим, как дрессировщик говорит собаке угрожающе «ко мне», и собака или не идет к нему, или подходит с явно выраженным страхом, медленно, как бы стелясь по земле. Все это есть результаты установки нежелательной связи, нежелательного условного рефлекса.

Следовательно, мы, воспитывая подход собаки **на команду «ко мне», в начале обучения, до механизации приема не должны связывать ее с получением неприятного**, наоборот, желательно развить связь подхода с получением удовольствия.

Подход можно начать воспитывать еще в тот период обучения, когда собака не знает ни сидеть, ни лежать, т.е. в первые дни взятия собаки в руки. Отворяя двери клетки и стоя в 4–5 шагах от собаки, дрессировщик, протягивая лакомство, говорит «ко мне»; собака, слыша ласковые интонации, а главное, видя знакомое мясо, подходит. Этот момент снова связывается с командой «ко мне». Правильность и безотказность подхода воспитывается и шлифуется во все время обучения собаки, учитывая возможность «срыва» правильного подхода при внезапном появлении более сильного раздражителя (кошка, страх перед выстрелом и т.п.); нужно в период дрессировки сознательно вводить их, тормозя их тем или иным влиянием дрессировщика (работа на длинном поводке, интонации и т.д.).

Призыв к внимательности по свистку

Тактический подход к техническому построению приема таков: в те моменты, когда собака отвлечена чем-либо и дрессировщику нужно привлечь ее внимание, он должен в свою очередь отвлечь собаку, т.е. дать более сильное отвлечение, которое заглушило бы имевшееся отвлечение внешнего мира.

Остановимся на более резком и сильном отвлекающем факторе – на свистке.

Технически прием будет поставлен так: отходя от сидящей собаки, дрессировщик дает свисток и сейчас же дает собаке «лакомство» (под лакомством мы подразумеваем кусочек мяса). В первые дни собака связывает свисток с получением удовольствия.

Примечание. Во всех случаях практической разработки приемов заниматься нужно с неперекормленной собакой, ибо в противном случае у собаки теряется заинтересованность в получении лакомства.

Как только указанная связь установится, – переходят на более далекие расстояния и от собаки ждут явления отвлечения. Коль скоро такой момент наступит, дрессировщик дает знакомый свисток и после того как собака, естественно, станет смотреть на дрессировщика,

он подходит и вознаграждает собаку. Постепенно расстояние увеличивается и дача лакомства производится не каждый раз, а затем и отпадает вовсе (постепенно увеличивая выдержку между свистком и дачей лакомства). В тех случаях, когда собака пытается самостоятельно подойти на свисток, дрессировщик дает угрожающую интонацию при команде «сидеть» или «лежать», смотря по тому, в каком положении находится собака.

Ускорение темпа действий

В данном приеме необходимо воспитать связь (условный рефлекс) на звук «скорей» с ускорением движения. Основным принципом приема является следующее: идущий дрессировщик, имея свободно (без поводка) следующую собаку у ноги, переходит в бег, сопровождая этот момент с командой «скорей», – то же и при подходе собаки по команде «ко мне»; дабы ускорить темп подхода, дрессировщик отбегает от собаки, как бы притягивая этим собаку к себе; собака инстинктивно ускоряет темп подхода и в это же время слышит новую команду «скорей» (вначале была дана знакомая команда «ко мне»).

После ряда таких действий дрессировщик делает проверку установки связи команды с действием. Для этого, идя нормальным шагом, он дает команду «скорей» и, если рефлекс достаточно воспитан, собака ускоряет темп, а если нет, то дрессировщик снова возвращается к указанным действиям.

Приучение к выстрелам

Лучшим способом приучения к выстрелам нужно признать постепенное приучение путем последовательных приближений собаки к месту, где производится стрельба. Боязливых собак в таких случаях нужно увлекать игрою, дачей лакомства и т.п., стремясь всеми мерами к тому, чтобы более сильные возбудители заглушали возбуждение, получаемое от выстрелов.

Чрезвычайно полезным можно считать нахождение вблизи питомника стрельбища или полигона. Кроме того, участие собак в подвижных лагерях, окружных маневрах и т.п. приучает их к более или менее реальной обстановке боя.

Здесь нужно помнить то обстоятельство, что собака должна быть воспитана оставаться индифферентной (безразличной) к выстрелам, а не реагировать на них каким бы то ни было образом.

В целях шлифовки внимания собаки мы рекомендуем заниматься под выстрелами приемами общего послушания, а главное «выдержкой», усиленно поощряя собаку лакомством. Необходимо выстрелы ввести и в ночные занятия, дабы заглушить страх огневых вспышек. Такой же порядок обучения нужно применять и при действиях огнеметов, прожекторов и т.д.

Приучение к плаванию

Плавание укрепляет организм собаки, освежает ее, а зачастую является одним из серьезных моментов специальных работ.

Самому процессу плавания учить собаку не приходится, ибо она инстинктивными движениями удерживается на воде и плывет, постепенно дифференцируя (уточняя) свои движения.

Все обучение сводится прежде всего к заглушению у некоторых собак страха к воде, затем шлифовке плавательных движений собаки и, наконец, исполнению некоторых приемов на воде.

Обучать собаку лучше всего в жаркий день, на отлогом берегу, создавая такие возбудители, кои вовлекали бы собаку в воду, т.е. заставляли бы ее войти в воду и поплыть. Нет ничего хуже вводить боящуюся собаку в воду принудительным порядком, таща ее за поводок, или, взяв на руки, бросать в воду. Такие действия на 90% приносят вред тем, что собака начинает еще больше бояться воды. Лучшими возбудителями, зовущими собаку в воду, мы назовем: бросание аппорта (если собака любит аппортировать), зов дрессировщика,

переплывшего реку и уходящего от собаки, в последнем случае возможность потерять хозяина пересиливает нерешительность, и собака пытается плыть.

Стоит только раз, в сильную жару, собаке войти в воду, и поплыть, как она перестанет бояться воды, а возможно, и сама начнет искать возможности поплавать. Обычно, в первые дни своего плавания собака просто бьет лапами по воде, удерживая себя от погружения в воду, но это быстро проходит и собака начинает ориентироваться в определенных направлениях.

После того, как собака будет свободно плавать, можно начать заставлять ее проделывать на воде ряд упражнений, простых и сложных приемов от аппортировки из воды до доставки донесений через воду.

Необходимо помнить, что разгоряченную собаку нельзя посылать в воду: вышедшая из воды собака должна высохнуть на солнце или должна быть вытерта досуха.

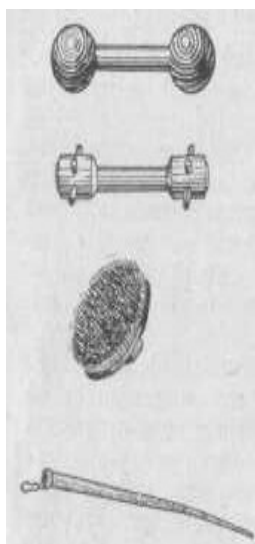

Рис. 14. Два аппорта, щетка и хлыст.

Аппортировка

Аппортировка предметов является одним из самых важных приемов вспомогательного характера. Целый ряд сложных приемов строится на привитой любви к аппорту. Охрана вещей, работа с бринзелем и, наконец, работа по следу, все это имеет в своем основании работу на аппорт. Необходимо, чтобы собака была всегда заинтересована в этом приеме, **ибо только любя аппорт, она будет искать его или защищать при разработке приемов караульно-сторожевой службы.**

Под этим приемом мы подразумеваем приучение собаки к схватыванию и носке предмета по нашей команде «аппорт».

Для работы военных собак, как мы уже сказали, этот прием имеет чрезвычайно большое значение, входя составным элементом в разработку сложных приемов военно-санитарной службы и иногда по сторожевому охранению.

Построим маленькую тактическую наметку практической разработки данного приема. Для этого вспомним кошку, «играющую» с прыгающей бумажкой, привязанной к веревочке, которую мы дергаем. Вспомним часто наблюдаемое нами стремление собаки броситься за брошенной палкой и подумаем над этим немного, мы видим, что всякая вещь, находящаяся в процессе движения, является возбудителем инстинктивного схватывания и это проявление инстинкта вполне понятно, вспомнив типичные моменты борьбы за существование. Для проработки данного приема, т.е. для воспитания данного условного рефлекса, мы должны каким-то путем вызвать у собаки момент схватывания желаемой вещи и связать это с условной командой «аппорт». Итак, замещающим возбудителем будет звук «аппорт», а непосредственным? – вот над этим-то и подумаем сейчас.

Непосредственными возбудителями могут быть или проявление врожденного инстинкта схватывания или (в данном случае выгоднее всего усилить раздражитель на вызов инстинктивного схватывания. Аппортировка является зачастую вспомогательным приемом, входя в состав более сложных приемов; поэтому необходимо, чтобы собака «любила» этот прием. Будучи же выученной на принуждение оборонительной реакции, собака будет «вынуждена» исполнять, но нужной заинтересованности и любви к аппорту иметь не будет) принудительное действие дрессировщика. В первом случае дрессировщик должен как-то искусственно вызвать этот инстинкт, во втором случае дрессировщик путем своих личных действий принудительного характера достигает того, что собака возьмет аппорт.

Лучшими возбудителями инстинкта схватывания мы можем назвать или так называемое «**оживление**» предмета, или инсценировку «**отнятия**» аппорта – кости (что обязательно вызовет схватывание кости – аппорта собакой и тотчас же будет связано дрессировщиком с командой «аппорт»).

Затем мы можем указать и на искусственное развитие злобы, заставляющее собаку в порыве злобы схватить аппорт, которым помощник дрессировщика дразнит собаку.

Схема технической разработки на «оживление» предмета такова:

Дрессировщик, имея в руке аппорт (палочку, обернутую мягкой материей, или соломенную чурку, обшитую кожей, размером: длиной 20 см, диаметром 3–4 см), своими движениями как бы «оживляет» его, сопровождая эти действия командой. Аппорт все время мелькает перед глазами собаки, то появляясь, то снова скрываясь; такое действие возбуждает собаку и вызывает инстинктивное схватывание. Как только собака схватит аппорт, дрессировщик сейчас же дает команду «аппорт, хорошо, аппорт» и заставляет удерживать аппорт в пасти, поглаживая собаку.

Рис. 15. Специальный аппорт с приспособлением для увеличения веса.

Таким образом, после установки связи команды с действием, переходят на бросание аппорта, давая команду и указывая рукой. В таком случае, как только собака бросится и возьмет аппорт, следует команда «аппорт, ко мне», при попытке бросить аппорт, звучит угрожающая интонация «аппорт». Принесшую аппорт собаку награждают и дают лакомство.

Впоследствии в целях шлифовки приема не допускают сразу же бросаться за аппортом, как только он брошен, а воспитывают «выдержку». При всех этих разработках не нужно забывать нашей конечной цели – механизации исполнения требуемого действия, а потому постепенно все вводные вспомогательные элементы разработки отпадают.

Этот же прием может быть достигнут и другим путем, в котором первоначальным возбудителем будет принудительное действие дрессировщика. Схема его технического построения такова: дрессировщик, имея аппорт в правой руке, нагибается к сидящей собаке и положив большой и указательный пальцы левой руки в область соединения верхней и нижней челюсти, надавливает до того момента, как пасть собаки достаточно раскроется для принятия аппорта. Как только этот момент наступит, правая рука мягко вкладывает аппорт в пасть, причем неприятное ощущение, идущее от надавливания левой руки, моментально прекращается и слышится команда «аппорт, хорошо, аппорт».

Другими словами, скоро наступит такой момент, что собака, услыша знакомый звук «аппорт», связанный с неприятным болевым ощущением надавливания, сама откроет пасть, дабы избежать грядущей неприятности.

Некоторые молодые дрессировщики могут сказать, что собака будет «ненавидеть» аппорт, как вызывающий боль, но это не так. Умелое, а именно тактически продуманное отношение дрессировщика воспитает у собаки следующее: «взятие аппорта есть

прекращение неприятности», ибо всегда при вкладывании аппорта прекращались какие бы то ни было принудительные действия дрессировщика.

Работа на принуждениях не достигает, в большинстве случаев, нужных для нас моментов. Обычно у собаки в этом случае любовь и заинтересованность к аппорту теряется, а раз это так, то аппорт уже не может явиться возбудителем для развития поиска или караульной службы, поэтому дабы сохранить аппортировку в роли вспомогательного приема, я рекомендую всеми способами стремиться вызвать инстинктивное стремление за аппортом. Лучшими способами я могу назвать работу на тряпочку, затем деревяшку, обвязанную этой тряпочкой, и работу на кость. Только после «механизированного» твердого аппортирования можно переходить на воспитание выдержки на держание аппорта в зубах (дисциплинарный характер), отдача же аппорта должна производиться по команде «дай», отнимая первое время аппорт путем разжимания челюстей.

Считая аппортировку одним из чрезвычайно важных приемов, мы говорим, что наших схематических указаний для обучения несколько недостаточно, так как мы даем только общий контур приема, не касаясь всех его технических деталей.

Подача голоса

В процессе работы в различных случаях от собаки требуется, чтобы она голосом (лаем) давала знать дрессировщику о том или ином явлении (в зависимости от назначения собаки). Очень часто подача голоса является и вспомогательным приемом для более сложных разработок. Для достижения этого нужно прежде всего научить собаку давать голос по команде дрессировщика, т.е. связать команду с действием, затем, уже перейти к подаче голоса на расстоянии, а впоследствии, требуя подачу голоса при встретившихся перечисленных выше обстоятельствах, приучить собаку давать голос без команды. Практика показала, что подачу нужно отнести к разряду трудных приемов и вот почему. Мы знаем, что для того, чтобы связать команду с действием нужно, прежде всего, вызвать и воспроизвести самое действие. Большую часть предыдущих приемов мы строили путем нашего принуждения, воспроизводя этим самое действие; в данном приеме мы принуждением вызвать лай (голос) не можем, – здесь нужно поставить собаку в такие условия, чтобы обстоятельства вызвали инстинктивный лай, связывая его в этот момент с командой. Мы уже указали, что только после того, как связь команды с действием будет вполне установлена и подача голоса собакой, сидящей перед дрессировщиком, будет производиться при отвлечениях внешнего мира, нужно переходить к различного рода положениям собаки по отношению к проводнику, а затем и приучать к подаче голоса в условиях реальной работы, т.е. при нахождении вещи, человека, закрытой двери и т.п.

Эта вторая часть работы значительно легче воспринимается собакой, нежели первая; самое трудное в разработке этого приема это усвоение собакой принципа подачи голоса, сидя на месте перед дрессировщиком, ибо иногда чрезвычайно трудно заставить собаку залаять.

При предыдущих разработках связь наступает скорее, так как собака или видит предметы или ощущает те факторы, которые заставляют воспроизвести требуемое действие, в данном же случае звук команды не с чем связать, ибо нет предмета и нет непосредственного ощущения, обозначающего голос (лай). Здесь нужно ввести какие-то третьи условия, заставляющие (вызывающие) собаку к подаче голоса и, пользуясь ими, связать лай с командой.

Рассмотрим с научной точки зрения причины, вызывающие голос. Прежде всего позывом к подаче голоса является ряд **возбуждений и самый голос (лай) является разрядом нервных напряжений, возникших путем тех или иных возбуждений чувств.** При ведении пояснительных примеров: нервы собаки возбуждаются, благодаря дразнению ее помощником дрессировщика, они возбуждаются все больше и больше, напряжение организма увеличивается и ищет какого-то выхода; наконец, предел наступил и собака раздражается лаем (разряд напряжения), – выход найден, напряжение ослабло. Человек

рассержен и обозлен, нервы возбуждены, организм напряжен, человек раздражается руганью, т.е. наступает разряд напряжения и реакция организма. Русский язык характерно говорит в таких случаях «он разразился руганью», слово «разразился» ярко указывает на связь вылетающего звука с разрядом нервного напряжения организма.

Взрыв бомбы – разряд снаряда; гроза, удары грома, разряд электричества; итак естественным природным признаком подачи голоса, звука – есть напряжение организма, а затем разряд его.

Поэтому и первоначальную дрессировку собаки, в целях подачи голоса, нужно строить на принципе разряда организма, **вызванного преднамеренно произведенным дрессировщиком возбуждением чувств собаки.**

Приведем ряд технических приемов лая (голос у собаки). Мы разделим их на следующие приемы:

- 1) Возбуждение на злость.
- 2) на лакомство.
- 3) путем стремления к хозяину.
- 4) Возбуждение, производимое путем развития сторожевых инстинктов.

В первом случае собака привязывается; дрессировщик, имея лакомство (кусочки мяса) стоит рядом, несколько позади ее; помощник дрессировщика, приблизившись к собаке на расстоянии пяти-шести шагов, притопывая ногой и делая возбуждающее движение, влияет на собаку. В подавляющем большинстве случаев нормальная собака делает попытку к нападению и раздражается лаем; в первый же момент лая помощник дрессировщика прекращает возбуждение, а от дрессировщика звучит команда «голос» и ласковые поощрения, выражающиеся в поглаживании и даче лакомства. При попытках собаки броситься, ее удерживают. Этот опыт нужно поставить в такие рамки, чтобы собака не могла понять, что команда «голос» зовет ее к нападению. Возражения о том, что разработка этого приема связывается с нападением собаки, не вески, ибо как только связь наступит и собака будет давать голос по команде дрессера – роль помощника отпадает; важнее может быть то обстоятельство, что собака, будучи сильно возбуждена и давая голос в пылу напряжения, может не обратить внимания на команду «голос». В таких случаях нужно давать команду громче и несколько наклоняясь к собаке, прекращая возбуждения при первом же лае, давая лакомство после первого же лая.

В последующей разработке помощник дрессировщика должен делать возбуждающие движения слабее и слабее и, наконец, прекратить их вовсе, переводя этим влияние на подачу голоса от себя к дрессировщику, который и возбуждает собаку.

В конце концов помощник дрессировщика в разработке приема не участвует совершенно и возбуждения идут только от дрессировщика. Если собака уже знает команду «фасс», то в данной разработке можно первые два-три дня давать ей команду «фасс, голос», после чего слово «фасс» должно отпасть.

Во втором случае (вызов голоса на лакомство) дрессировщик уходит с собакой в поле и, усадив ее, наступает ногой на лежащий на земле поводок, так, чтобы собака не могла подпрыгнуть. Затем дрессировщик вынимает из кармана кусочек мяса и дразнит им собаку, поднося и снова отводя его от морды. В первые моменты собака делает движения прыжка, силясь схватить этот кусочек (особенно если еще не получала обеда). После ряда неуспешных попыток ее возбуждение растет и она начинает издавать звуки или лая или ворчания (последнее очень скоро переходит в лай). В тот момент, когда она даст голос, звучит команда «голос» – рука приближается к морде и собака получает кусок мяса, а дрессировщик гладит собаку. Обычно собака быстро понимает, что на команду «голос» нужно залаять, после чего и получит лакомство.

Здесь не приходится говорить о том, что после 6–7 раз дрессировщик должен произвести опыт наступления связи команды с действием, т.е. произнести команду «голос» ранее, нежели будет показано лакомство. Этот порядок относится ко всем без исключения приемам.

Для трусливых собак хорошо вызывает голос следующий прием. Дрессировщик в уединенном месте привязывает собаку к дереву. Предварительно, немного погуляв с нею, начинает уходить. Собака рвется к хозяину и лает. В тот же момент звучит команда «голос», после чего дрессировщик возвращается и отвязывает собаку. Наконец, практика показала считать хорошим и следующий прием: собака с дрессировщиком находится в комнате, дверь закрыта; помощник дрессировщика производит за дверью шорох, возбуждающий собаку, затем таинственные шорохи приближаются к двери, возбуждение собаки растет, причем дрессировщик усиливает его развитием влиянием и со своей стороны, наконец, помощник подходит к двери, начинает возиться с ключом и стучать в дверь (тихо). Обычно возбуждение собаки, дойдя до апогея, в таких случаях раздражается лаем, при появлении которого немедленно звучит команда «голос»; следует поглаживание собаки, и всякое возбуждение прекращается, собака успокаивается и отводится от двери. Затем прием повторяется.

Было бы ошибочно бояться связи стука или дачи лакомства с подачей голоса – эта связь не крепка, так как постепенно факторы, вызывающие возбуждения тускнеют и скоро пропадают вовсе, переводя ход возбуждения со стороны помощника дрессировщика на самого дрессировщика. В случае дачи лакомства, последнее по наступлении связи команды с действием заменяется только лаской и поглаживанием собаки. Необходимо указать, что время от времени, занимаясь с уже дающей голос по команде собакой, нужно все-таки поощрять ее, давая ей лакомство, а также вызывать ее голос на стук или путем влияния видимого помощника.

Как на одно из полезных средств, вызывающих голос, можно указать и на принцип перенимания, причем в таком случае собаку, не дающую голос, сажают рядом с хорошо дающей голос собакой, заставляя последнюю лаять по команде, вознаграждая ее лакомством после лая. Таковой наглядный прием, при требовании голоса, часто вызывает его и у недающей голоса собаки. Также можно добиться подачи голоса в обычные часы в клетке с пищей или для вывода на прогулку, и подойдя вплотную, вдруг повернуться и начать уходить. Указанный прием также вызовет голос, но не рекомендуется в питомнике с массовым размещением собак.

Все построения вышеуказанных приемов основаны на одном принципе – непосредственное возбуждение получается от ряда искусственно созданных возбуждающих обстоятельств, а замещающим возбуждением является команда. Взаимоотношение их между собой должно быть основано на общих формах взаимоотношений первоначального и замещающего возбуждения. Дрессировщику чрезвычайно важно учесть то обстоятельство, что собака быстро привыкает к командам, и связь быстро наступает в тех случаях, если команда произносится действительно в соответствующие моменты лая или еще лучше, в моменты порыва к лаю, а не тогда, когда собака находится в спокойном состоянии.

Мы считаем необходимым указать на часто встречающуюся у молодых дрессировщиков и несколько своеобразную разработку этого же приема – обычно она выражается в следующем: дрессировщик, наклонясь перед следующей собакой и держа ее коротко левой рукой за поводок, правой быстро махает перед мордой собаки с правой стороны и беспрестанно требует «голос», «голос», «голос». В конце концов собака, возбуждаясь непрерывным маханием в некоторых случаях и дает голос, после чего махание рукой прекращается и собака получает лакомство. Рядом последовательных упражнений собака привыкает и осознает, что раздражающее ее махание и звуки «голос», «голос» прекратятся, как только она залает, и она, дабы избежать неприятного раздражения, дает голос. Разработка данного приема своеобразна, потому что построена на принципе «от обратного», где команда является возбудителем, т.е. непосредственным возбуждением, являясь в то же время и замещающим возбуждением.

Все указанные выше способы имеют своей целью вызвать подачу голоса и связать это с командой, дабы собака по команде начинала облаивание. Как только это будет достигнуто и связь команды с действием (лаем) будет у собаки прочно закреплена, начинается шлифовка

приема, заключающаяся на связь с жестом, требующим голос, и подачей голоса на расстоянии. Для этого дрессировщик выбирает наиболее удобный для него жест и при требовании голоса постоянно применяет его. Время от времени, пробуя наступление связи, т.е. производя жест вначале до команды, попутно с этим дрессировщик начинает, усадив собаку, отходить от нее на небольшое расстояние (спиной вперед), требуя подачу голоса; при неисполнении дрессировщик возвращается к собаке и, в целях принуждения, применяет сухой короткий рывок, настойчиво требуя голос в несколько повышенной интонации. Здесь нужно учесть то, что собака, не подав голоса и оставшись сидеть, видя ваше подхождение с повышенными интонациями, может сойти с места, а потому и угрожающий тон при подходе неуместен.

Необходимо также указать, что очень частое требование голоса утруждает собаку, а потому и не рекомендуется более 3–4 раз за время одного урока; как только собака начинает давать голос на расстоянии, последнее увеличивается все больше и больше и только после того, как подача голоса по команде или жесту станет для собаки обязательной и она будет выполнять это без малейшей задержки, находясь в любом расстоянии и положении по отношению к дрессировщику, можно начать переходить к разработке сложных приемов, т.е. подачи голоса перед найденными людьми и предметами или перед закрытыми дверями.

Это обычно достигается тем, что при всех встретившихся закрытых дверях дрессировщик настойчиво требует «голос», после чего дает лакомство и отворяет дверь, пропуская собаку. Это обстоятельство быстро входит в привычку.

Труднее дрессировать собаку на подачу голоса у найденных людей. Начинать эту работу нужно в тот период, когда собака приучается к обыскиванию местности, причем дрессировщик должен сдерживать собаку от бросков на спокойно лежащего или стоящего человека, требуя «голос». В первые дни допускается и некоторое возбуждающее влияние, исходящее от найденного человека. Самым трудным бесспорно является обучение к подаче голоса перед найденным предметом, в силу тех обстоятельств, что собака обычно апортирует найденные вещи. Поэтому с первых же дней нужно приучать собаку не поднимать найденные вещи, а только облаивать их. Занятия в таких случаях нужно производить на поводке, предостерегая рывком всякую попытку схватить лежащий предмет.

При всех случаях найденных предметов, дрессировщик должен настойчиво требовать подачи голоса, усаживая собаку, а затем, подняв вещь, давать лакомство, ласково глядя собаку, произнося поощрительные интонации. При всех попытках взять вещь следует окрик «фу» и рывок, после чего сейчас же звучит команда «голос» и поощрение и лакомство при исполнении.

Шлифовать подачу голоса нужно совместно с развитием приема обыскивания местности.

Рис. 16. Работа санитарной собаки.

Надо иметь в виду, что вызов лая на злость, в целях закрепления подачи голоса по команде, не надежен, так как при сильной злобе, лай выливается в бессознательно-инстинктивную форму, в крайнем случае это допустимо только для установки первоначальной связи.

Обучение приемам использования собаки в полевой службе войск

При охране на месте

Цель обучения. Несение службы охраны на месте (особенно ночью) на передовых линиях и предупреждение дозора при случаях возможного приближения разведки или частей неприятеля.

Выбор собаки. Обычно при прохождении приемов общего воспитательно-дисциплинарного цикла, выявляются наклонности собаки и ее характер. Для работы в службе охраны, а равно и для разведки выбираются собаки смелые, жизнерадостные, достаточно злобные, легко возбудимые хотя бы и слабыми раздражителями и несколько недоверчивые к чужим людям.

Прежде всего разберем наше задание: нам нужно иметь такую военную собаку, которая, находясь в сторожевом охранении, в силу своих обостренных чувств, особенно ночью, обнаруживала бы попытки разведки неприятеля, а возможно и его наступление, и каким-либо способом сообщения предупреждала бы об этом наши сторожевые части.

Собака была издавна отличным сторожем и потому так называемые сторожевые инстинкты безусловно заложены в ней, являясь врожденными. Кроме того, мы прекрасно знаем, что чувства собаки развиты в значительно большей степени, нежели у человека, а ночью, когда вообще все чувства обостряются, собака представляет собою, безусловно, более чуткого и бдительного сторожа, нежели человек.

Возникает ряд вопросов примерно следующего содержания:

- 1) где определяется место собаки в охранении,
- 2) каким образом собака сообщает о замеченной опасности,
- 3) как приучить ее вообще к несению службы сторожевого охранения.

Наиболее рациональным и правильным определением местонахождения собаки можно считать нахождение ее непосредственно у дозорного. Это вполне отвечает и основному заданию.

Дозорный пользуется собакой, как усилителем своего зрения, слуха и обоняния, отсюда и место собаки при дозорном, **дабы по поведению собаки дозорный мог всегда и немедленно узнать о приближающейся опасности.**

В 1926 г. по вопросу об использовании собаки в охранении было выдвинуто два предложения: одно сводилось к тому, чтобы собака находилась не непосредственно у дрессировщика, а выдвигалась на 150–200 шагов вперед и оставалась там (так называемая «дальняя сторожевка»); сигналом же опасности при таком положении собаки являлись движения собаки, дергающие сигнальную веревку, конец которой находился в дозоре.

Но вскоре опыт показал нецелесообразность этого построения сторожевки, ибо возник вопрос, что же должна делать прикрепленная к колышку или даже не прикрепленная собака при движении на нее неприятеля, – или попадать, безусловно, в «плен», или бежать к своему дозору, но бежать назад для злобной собаки чрезвычайно трудно, так как здесь нужно перебороть наступательные инстинкты. Все это и указало о нецелесообразности такого построения приема. Гораздо важнее является вопрос о способе оповещения об опасности. Второе предложение, будучи чрезвычайно оригинально построено, сводилось к следующему: к поясу дозорного привязывался маленький аппорт («бринзель») и собака в

момент приближения опасности должна была молча схватывать и тянуть этот «бринзель», – таковое действие и являлось сигналом.

Рис. 17. Сторожевое охранение.

Безусловно, обучение этому приему довольно затруднительно по следующим причинам. Здесь прежде всего у собаки нужно воспитать общее недоверие и злость к тому неизвестному, который олицетворяет собой опасность, затем нужно воспитать связь между появлением опасности и обязательным отнятием «бринзеля», ибо только эта связь и могла заставить собаку схватывать и тянуть «бринзель». Но, к сожалению, прием этот, возможно эффектный для публичных демонстраций, очень и очень сомнителен в выполнении работы при реальной обстановке, ибо у собаки при таком построении приема борются два начала: одно заставляет ее настораживаться и стремиться вперед (инстинкт наступательный) и другое (искусственно созданное) заставляет ее, наоборот, делать 2–3 шага назад к дрессировщику и схватывать за бринзель. Трудно сказать, что пересилит в реальной обстановке, когда «опасность» может появиться не через 5 минут после выхода на сторожевку, а через 2–4 часа, врожденный ли инстинкт, зовущий ее к лаю и влекущий вперед, или подергивание за бринзель, висящий у дрессировщика. Опыты 1926 г. показали трудность и нецелесообразность, по моему мнению, этого предложения. Кроме того, нецелесообразно и обучение дерганью за бринзель, ибо нельзя допустить мысли о том, что дозорный будет спать и его толчками придется будить. Единственное оправдание «бринзеля», по-моему, это заглушение лая, в виду взятия бринзеля в пасть собакой.

Лучшим способом оповещения, наиболее легко достигаемым, является, я бы сказал, использование врожденного инстинкта и естественных движений (поведения) собаки, поэтому проработку сторожевой службы военной собаки я считаю следующей:

1) **Развитие сторожевых инстинктов и приучение к внимательной и бдительной сторожевке** (в начале реакция вызывается более грубым проявлением возбудителя, а затем собака начинает реагировать на мельчайший шорох).

2) **Заглушение лая** (этого естественного разряда накопившегося напряжения организма, под влиянием возбуждения, идущего от внешнего мира).

3) **Естественное настораживание (поведение)** собаки, при приближении опасности и естественное стремление вперед, вызывающее натягивание поводка, который и пристегнут к поясному ремню дозорного. Последнее заменяет более сложную хватку за бринзель, если бы это и было нужно.

Указанная выше разработка построена на врожденных, инстинктивных действиях собаки, а потому, я считаю, наиболее легка в достижении, наиболее рациональна и безотказна в исполнении.

Обучение сводится в принципе к следующему: после того, как у собаки будет воспитана, путем натравливания, недоверчивость к посторонним и явно выраженная злоба, дрессировщик начинает работу по сторожевке днем. Для этого он уходит с собакой (без помощника) в уединенное место (дабы отвлечения внешнего мира совершенно не имели места) и, привязав собаку к поясному ремню, начинает ждать.

После некоторой паузы из-за кустов или деревьев показывается помощник (ушедший несколько ранее) и, с легким шумом приближаясь к собаке, делает наступательные движения. Такое положение безусловно возбуждает собаку и она или настораживается, или делает попытку броситься вперед, натягивая поводок.

Для слабо реагирующей собаки дрессировщик должен давать вспомогательную, натравливающую команду «фасс, слушай» (впоследствии после выучки «фасс» отпадает, а «слушай» останется командой, вызывающей наиболее напряженное настораживание).

Безусловно, напряжение организма собаки в этот момент будет настолько велико, что оно, естественно, выльется в лай, но об этом несколько позже.

После того как собака даст желаемую реакцию, появившийся помощник скрывается, а собаку хвалят.

После ряда повторных упражнений наступает момент, когда у собаки устанавливается связь процесса сторожевки с естественным настораживанием.

Мы сказали несколько ранее, что помощник приближается с шумом – это было сказано вполне сознательно и требуется тактической постановкой приема. Вскоре дрессировщик переходит к работе в сумерки, когда зрительное впечатление от идущего помощника уже теряет свою остроту, и собака, главным образом, реагирует на производимый шум. Затем наступает такой момент, когда работа ведется при полной темноте и собака реагирует исключительно на шум, но рефлекс уже закреплен и постепенное заглушение шума, доводящее его до почти ничтожного шороха, все же дает нужную реакцию (к шуму надо отнести хруст веток, шаги, звук оружия и т.п.). Нужно добиться того, чтобы чем меньше и слабее являлся шорох, тем бдительней и напряженней была бы собака.

Необходимо отметить, что очень часто молодые дрессировщики, выводя на занятия собак, начинают производить возбуждающий шум вскоре после установки собаки, и производят его через определенные промежутки, – с одной стороны, это быстро у собаки устанавливает нежелательную связь, а с другой стороны – делает ее бдительно напряженной (ожидающей шума) только на незначительный первый период времени.

Места работы и помощников необходимо постоянно менять, также в целях избежания нежелательных связей.

Как сделать, чтобы собака не лаяла при получении возбуждений?

Безусловно, лучшее средство – это хирургическая подрезка голосовых связок у сторожевых и разведывательных (не караульных) собак или применение соответствующего намордника. Заглушение же лая посредством перебарывания инстинкта, путем дрессировки, представляет собой чрезвычайно трудную, систематическую работу.

Для рациональной и правильной постановки обучения начинающим дрессировщикам нужно дать один совет: условия сторожевого охранения всегда можно создать точно такие же, какие они были бы и в районе реальной обстановки фронта. Поэтому, **никогда не нужно «играть» в сторожевое охранение.** Так, например, никак нельзя допускать, чтобы дрессировщик, придя к месту сторожевки вместе с помощником и собакой, предлагал последнему уйти вперед, дабы он мог начать наступать оттуда. Это положение, безусловно, не вызовет требуемой реакции у собаки, ибо все его построение неестественно. Нельзя допустить ни малейшего шума в окружающей среде и только при таких обстоятельствах серьезного подхода к делу и создания естественных, реальных условий ночных сторожевок – собака привыкнет к ним, как к естественной необходимости настораживания и к определенным, указанным выше, действиям.

Порядок усложненности при обучении службе в сторожевом охранении. По прохождении общего послушания и воспитательных приемов, надо обратить внимание на необходимое развитие сторожевых инстинктов, злобы и недоверия к посторонним, путем охраны вещей.

Усложнение работы охранения состоит:

- 1) Развитие злобы на зрительный возбудитель (помощник производит возбуждение своими движениями) (работа днем).
- 2) Развитие злобы и сторожевых инстинктов на зрительный и звуковой возбудители (помощник производит возбуждение своими движениями и шумом) (работа днем).
- 3) То же (в сумерки).
- 4) То же, причем зрительный возбудитель слабеет (густые сумерки), оставляя доминирующим звуковой возбудитель (шум, шорох).
- 5) То же (в ночное время). Работа ведется исключительно на звуковой возбудитель.
- 6) То же (в ночное время). Звуковой возбудитель слабеет (в силу развитого сторожевого инстинкта), реакция все же наступает).
- 7) Шлифовка на длительные настораживания и минимальность звукового возбудителя.
- 8) Время появления возбудителя увеличивается до 2–8 час.

Примечание. Вначале лай допускается. В целях развития сторожевого инстинкта вначале дается естественный разряд напряжения организма. После того как сторожевой инстинкт разовьется в достаточной мере, работа ведется в наморднике, не допускающем возможности лаять, или вводятся соответствующие тормозные процессы.

При разведке

Основные принципы обучения те же, что и при сторожевой службе, идет то же воспитание недоверия к чужим людям и развитие настораживания. Вся разница лишь в том, что собака не стоит у дрессировщика, а идет с ним, делая поиск (чутьем, зрением и слухом).

Задачей ее является, как и в службе охранения, быть усилителем чувств дозорного. По соответствующему поведению собаки (настораживанию, тяги вперед, принюхиванию, напряжению головы и ушей), дозорный узнает о том или ином подозрительном явлении и принимает соответствующие меры.

При службе связи (служба передачи)

Самой сложной и самой трудной работой военной собаки является служба связи. Трудность определения пробега, отсутствие на известном расстоянии влияния дрессировщика, – вот основные факторы, затрудняющие работу собаки.

Успеха в этой работе можно ожидать только тогда, когда выполнение приема станет совершенно механизированным, войдет в «привычку» собаки и ясно будет выявлена ее безотказность в работе.

Все эти положения и указывают на трудность обучения и на трудность применения уже обученной собаки.

Какую пользу может принести связная собака и в каких случаях она должна работать по связи? Прежде всего, ее работа будет состоять в поддержании связи в мелких частях войсковых соединений. Было бы ошибочно тренировать собаку на доставку донесений на расстоянии 5–10 км, ибо это бесцельно и ненужно.

Бесцельно тренировать собаку на дальние пробеги по связи; здесь ее роль сводится к нулю. Связь в тыл на 7–8 км, а тем более дальше, прочно поддерживается и телефоном, мотоциклом и радио. Здесь собака не нужна вовсе, она реально нужна там, где связь устанавливать невозможно; она нужна там, где связь поддерживается цепочкой, где связь слаба, а под непосредственным огнем противника установка технической связи трудна.

Другими словами, собака по связи должна работать там, где другие виды связи становятся ненадежными и затруднительными. Это может быть в условиях наступления мелких частей, в службе охранения и, вообще, только в мелких войсковых соединениях – взводах и роты на передовых линиях борьбы.

В связи с этим и пробеги собаки должны быть не более 1–1,5 км.

Для того, чтобы собака в реальной обстановке работала безотказно, нужно настойчивым и методическим трудом механизировать работу собаки. Для достижения этих результатов нужно, учтя всю трудность обучения этому приему, глубоко тактически и технически продумать построение самого приема.

Прежде всего нужно установить связь команды с действием, т.е. воспитать у собаки условный рефлекс движения на команду «на пост». Для достижения этого дрессировщик берет с собой лакомство (кусочки мяса), хорошо знакомого собаке помощника и выходит в поле. Обычно, техническое построение приема таково: помощник берет собаку и уводит ее от дрессировщика на 15–20 шагов, затем поворачивается лицом к стоящему дрессировщику и, левой рукой удерживая собаку, правой рукой указывает на дрессировщика и, произнося «на пост», отсылает собаку. Собака, в силу стремления к хозяину, естественно, бежит к нему. Затем роли меняются. Такой же отсыл собаки делает дрессировщик, указывая на помощника. **Так как заставляющий импульс в данном случае слабый (уходит от хозяина), то помощник зовет собаку знакомой командой «ко мне»** (впоследствии, когда условный рефлекс на команду «на пост» будет воспитан, команда «ко мне» отпадает).

Подошедшая собака, а на маленьких расстояниях в 20–25 шагов собака подходит, вознаграждается лакомством, которое дает помощник. **Дачу лакомства в данном случае нужно поставить так, чтобы она явилась заставляющим импульсом стремления на пост от дрессировщика к помощнику и обратно** (лакомство дает и сам дрессировщик).

Здесь нужно учесть то обстоятельство, что чем больше будет увеличиваться пробег, тем меньше становится желание собаки идти на дальний пост, и тем, следовательно, больше должен быть заставляющий импульс (лакомство).

Никакого принудительного действия до механизации приема не допускается.

Постепенно расстояние между дрессировщиком и помощником увеличивается и доходит до 500–800 шагов, причем оба пункта все время продолжают быть видными для собаки.

В момент посылы дрессировщик всегда делает небольшой пробег вперед и указывает направление рукой, одновременно с командой «на пост».

Бывают такие явления, что собака идет к помощнику несколько медленнее, нежели от него. В таких случаях хорошо производить занятия до кормежки, а помощнику надлежит давать собаке за пробег несколько большую порцию мяса, нежели дрессировщику. Постепенно дрессировщик перестает вознаграждать собаку лакомством, переходя исключительно на ласку.

Прибегающая собака на пост вначале вознаграждается сейчас же, затем дача лакомства оттягивается. От собаки требуется спокойно сесть перед дрессировщиком или у его ноги, дабы он мог открыть сумку, вынуть донесение и прочесть его (это полезно делать каждый раз, чтобы собака «привыкла» к такому роду действий).

Очень часто прибежавшая на пост собака рвется к обратному пробегу. В таких случаях оттяжкой дачи лакомства собака удерживается, а затем и вообще не посылается обратно тотчас же по прибытии, а укладывается и отдыхает. Посылается обратно собака через разные промежутки времени (дабы не установилась нежелательная связь с временем возвращения обратно).

Рис. 18. Посыл связной собаки с донесением (на занятиях).

Постепенно команда «на пост» становится все более и более требовательной, с заметными угрожающими интонациями при попытках отказа. Пробеги удлиняются, но остаются видимыми, и связь команды с действием настолько закрепляется, что само действие пробега механизмуется и становится безотказным. Тогда постепенно вводятся отвлечения внешнего мира в виде стрельбы, движения людей и т.п.

Было бы ошибочно тренировать собаку, делая пробеги по дорогам и вообще по определенным рубежам. Это вообще поведет к нежелательным связям пути пробега с направлением дороги, лучший способ будет тот, при котором направления и характер пути будут постоянно меняться.

Чрезвычайно полезным в период обучения можно считать следующее: помощник удаляется на видимый пост, на глазах собаки, показывая ей лакомство. Такой вспомогательный прием, безусловно, увеличивает стремление собаки на пост.

Попутно нужно указать, что посылка на пост при ежедневных упражнениях не должна быть более 1–2 раз туда и обратно и оканчивать занятия рекомендуется не тогда, когда собака устала от совершенных побегов, а тогда, когда у нее еще есть стремление к очередному пробегу; при такой постановке у собаки безусловно остается необходимая заинтересованность в работе.

После того как связь между видимым постом будет достаточно механизирована и безотказна, работа может быть усложнена развитием передачи на невидимые посты. Достигается это обычно следующим способом: помощник, взяв от дрессировщика собаку, уходит на 300–400 шагов, таким путем, чтобы пост, на котором остался дрессировщик, постепенно стал бы невидимым (лес, кустарник и т.п.). После того как помощник придет с собакой на место, он посылает собаку к дрессировщику и она возвращается к хозяину на

невидимый для нее пост (но по знакомой дороге). Затем собака может быть послана от дрессировщика к помощнику: также на невидимый пост (дорога станет уже знакомой).

Можно поступать и так: помощник уходит на глазах собаки и скрывается с ее поля зрения, после чего собака посылается на пост. В силу механизированного навыка собака стремится вперед и, пробежав известную дистанцию, снова начинает видеть помощника. После ряда повторных упражнений, собака посылается и на совершенно невидимый пост.

Число помощников может быть увеличено до 3–4 человек. Это нужно для того, чтобы впоследствии одна и та же собака могла обслуживать 3–4 поста.

Возможно обучать собаку доставлять донесения и на определенный пункт (штаб), для чего нужен ряд специальных посылов на этот новый пост (при другой команде). Предварительно собака, вообще, должна быть обучена основам связной службы.

При установке связи с невидимым постом возможна и такая постановка обучения: дрессировщик вместе с помощником и собакой уходят на новое место, которое является невидимым от их исходной точки, а затем, оставив собаку на руках у помощника, дрессировщик на глазах у собаки возвращается обратно на исходную точку.

Вообще надо твердо и определенно сказать, что работа по службе связи с собакой может протекать лишь при наличии следующих обстоятельств:

- 1) **видимый пост** – дистанция 400–700 шагов;
- 2) **невидимый пост**, но знакомый или по знакомой дороге;

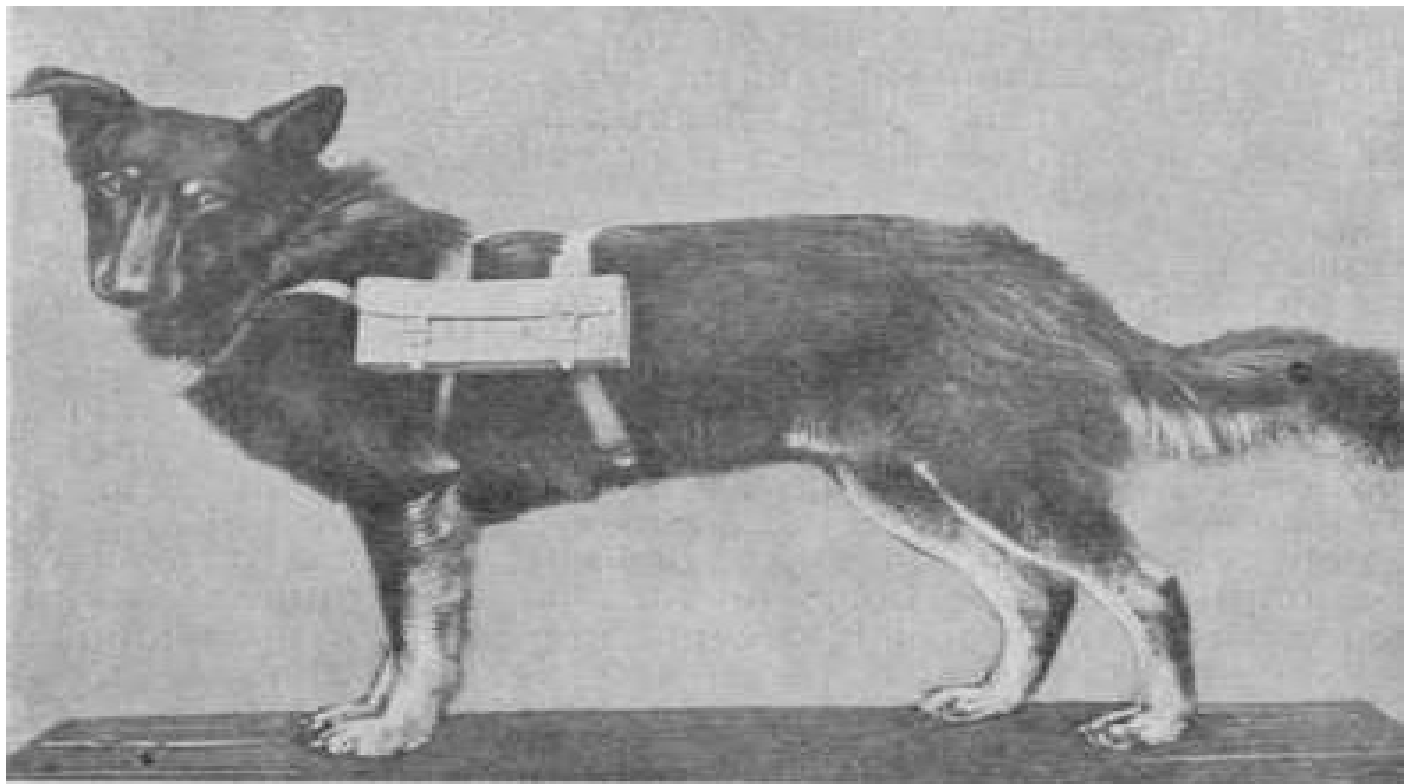

Рис. 19. Собака связи со специальным вьюком для доставки патронов в стрелковые цепи.

3) **связь может быть установлена между несколькими, но знакомыми для собаки людьми** (при наличии пункта 1-го или 2-го). Военная собака связи может поддерживать связь и между двигающимися колоннами, ориентируясь по направлению дороги. (Для достижения последнего требуются особо разработанные походы.)

Некоторые дрессировщики допускают ввод в службу связи военной собаки работу по следу. С нашей точки зрения это совершенно недопустимо, ибо в обстановке фронта общая масса красноармейских частей, делая различные маневренные передвижения, не может

сохранить цельность следа и работа по следу в таких условиях, вообще, проблематична (мы уже не говорим об «индивидуальном» запахе следа).

Но это не значит, что мы говорим против работы по чутью вообще. Нет сомнения, что самый верный и самый лучший способ установки связи посредством собаки – это использование ее чутья при работе «по усилителю».

Основы этой работы заключаются в следующем: помощник дрессировщика (имея в особом аппарате, укрепленном у ноги, сильно пахучую жидкость, падающую каплями при каждом шаге дрессировщика) проходит между намеченными постами, связывая их сильно действующим запахом.

Молекулы этого запаха чрезвычайно медленно рассеиваются в воздухе и только после 20–24 часов требуется вторичная прокладка следа с «усилителем», в целях возобновления этих воздушных связующих линий. Здесь нужна особо выдрессированная собака для работы по следу, с искусственно воспитанным стремлением к пробегу по усилителю. Будучи пущенной с поста, в любое время, пока молекулы усилителя не рассеялись совершенно в воздухе, собака приходит на другой пост, работая безотказно. Такой способ передачи я считаю наиболее правильным и наиболее верным.

Один из труднейших моментов при обучении собаки работе по связи – это вопрос о влиянии дрессировщика на собаку на расстоянии.

Опыты показали, что чем дальше находится собака от дрессировщика, тем слабее его влияние. Это вполне понятно, так как сила возбудителя с увеличением его поля деятельности уменьшается. При работе по службе связи это чувствуется особенно остро, так как вскоре же после первоначальных упражнений, расстояние между двумя отправными точками начинает увеличиваться и, следовательно, влияние уменьшается. Необходимо как-то сохранить силу влияния (заставляющий фактор) и в тех моментах, когда собака уходит из поля непосредственного влияния дрессировщика; нам приходилось часто наблюдать, что такие сильные возбудители, как «фу» и «ко мне» совершенно теряли свое значение, коль скоро те или иные посторонние возбудители тормозили влияние «фу» и «ко мне».

Новейшим способом сохранения силы влияния дрессировщика на расстоянии, где он не может принять мер принудительного воздействия, явилось электричество. Опыты, проводимые сейчас, дают большее количество положительных результатов, чем отрицательных. Идея применения состоит в следующем: собака, посылаемая «на поиск», идет с катушкой двойного провода (легкого типа), который все время разматывается на ходу собаки (принцип размотки телефонного кабеля). Индуктор, дающий электрический разряд, стационарно укреплен на исходной точке собаки; под седлом у собаки с обеих сторон провод обнажен и укреплен так, чтобы он мог передавать ток на собаку. При таком положении вещей обороты ручки индуктора посылают электрический разряд (сильный раздражитель) в собаку; здесь электрический разряд является и тормозом к отвлечению и заменяет команду «на пост».

Схема построения применения этого аппарата такова:

- 1) Собака приучается коротким пробегам с командой «на пост».
- 2) При удлинении пробегов и при случаях отказа вместе с командой «на пост» дается электрический разряд, он производит двойное действие – панический бросок собаки вперед «на пост» (действие тока немедленно прекращается) или ряд произвольных движений, объясняемых страхом (бросок на землю, в сторону), в последнем случае необходима немедленная помощь дрессировщика; и т.д.
- 3) В конце концов одна надетая катушка у собаки уже является возбудителем нужного нам условного рефлекса безотказного стремления на пост.

Идея этого опыта безусловно верна. Будущее покажет целесообразность тех или иных технических деталей.

В настоящий момент другого фактора, влияющего на собаку на расстоянии, нет.

Примечание. Все вышеизложенное относится к периоду обучения собаки.

Техника обучения собак с каждым годом совершенствуется и делается «портативнее». Может быть, недалеко то время, когда посылаемая на пост собака будет иметь на вьюке радиоприемник, и инструктор, наблюдающий за работой, будет давать при остановках собаки на пробеге, через посыльную станцию, находящуюся у него, резкую команду «на пост». Правда, и это не есть предел исканий, ибо оно будет действительно только на видимом пробеге собаки.

В тех случаях, когда собака работает на невидимые посты, очевидно придется давать время от времени повторные команды, «подстегивающие» собаку, но это все впереди. Пока мы располагаем слишком незначительными способами влияния на собаку на расстоянии; лучшими из них являются:

- 1) Полная механизация работы собаки на коротких пробегах.
- 2) Постоянное поддержание заинтересованности в пробеге.
- 3) Люди (пешие или на лошади), спрятанные на пути пробега, на случай остановки собаки (очень рискованный и проблематичный прием).

4) Влияние электричества.

Лучшими из них все же нужно признать первые два основных фактора.

Вьючная служба

К этой части работы военных собак нужно отнести: 1) **вьючную службу в походе** и 2) **доставку патронов или воды в стрелковые линии**. В первом случае, общие принципы равносильны службе повозочной, а во втором случае, служба связи (дополненной систематическим приучением к носке тяжести на спине). Сюда же нужно отнести и размотку телефонного кабеля, причем катушка должна находиться у собаки, а не на исходной точке, потому, что в последнем случае собаке придется тянуть на себе всю длину провода, что крайне изнуряет собаку и может, кроме того, задержать пробег в виду «зацепки» провода за камень или за дерево. Для вьючной службы могут быть приспособлены наиболее выносливые собаки связи, которые при тех же командах «на пост» и при тех же положениях людей будут доставлять необходимые вещи в стрелковые цепи.

К особенно важному здесь нужно отнести равномерное распределение груза, путем изготовления специальных сумок и постепенная тренировка собаки с увеличением тяжести. В центральном питомнике – Школе военных и спортивных собак РККА в 1925 г. собака «Джим» свободно носила груз до 18 фунтов на расстоянии более километра, делая пробег 2–3 раза. Это свидетельствует о постепенном втягивании собаки в работу.

Повозочная служба

В тех обстоятельствах, при которых лошадь лишена возможности быть перевозчиком груза, а силы людей должны быть сохранены, возможно применение для этих целей собак.

Такая работа должна быть возложена на собак чрезвычайно сильных, крупных, особо выносливых, имеющих спокойный характер (последнее также имеет большое значение).

Для обучения этому требуются особо приспособленные повозки и шлейки со сбруей по специальным образцам.

Наиболее необходимые виды повозочной службы следующие: **подвозка пулеметных лент** (4 ленты), **подвозка патронов** (4 цинка), **подвозка воды**.

Конечно, помощь собаки в повозочной службе во время похода сводится почти к нулю, но зато во время боя она может оказаться и незаменимой.

Все обучение схематично сводится к следующему: 1) **вначале собаку обучают службе связи**, 2) **затем к ношению сбруйки** и 3) **к работе с пустой повозкой**, постепенно увеличивая нагрузку.

Постепенно собака «втягивается» в такую работу и исполнение механизмуется. Втягивание должно носить систематический характер, постепенно увеличивая расстояние и постоянно вознаграждая собаку лакомством и лаской за исполнение.

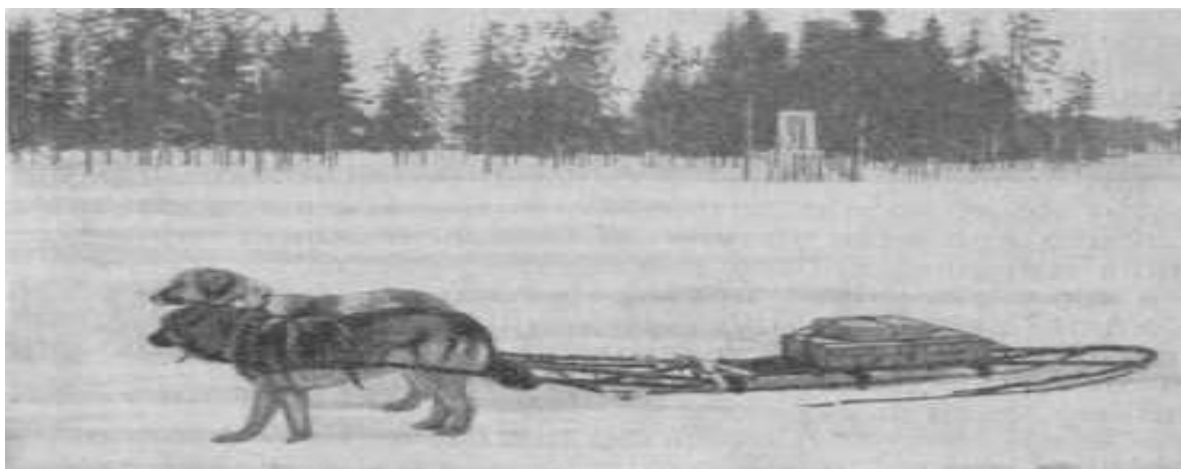

Рис. 20. Опытная упряжка собак повозочной службы.

Военно-санитарная служба

(Основные принципы работы военно-санитарной собаки схематично указаны в отделе анализа обучения.)

Караульная и конвойная служба по охране складов

Прежде всего необходимо указать, что караульную службу ни в коем случае нельзя смешивать со службой охранения, ибо первая состоит в охране складов, магазинов, лагерей военнопленных (работа в тылу) и допускает естественный разряд нервного напряжения (лай), как оповеститель опасности.

Схематичное построение этого вида работы сводится к следующему:

- 1) развитие природных инстинктов злобы и недоверия к посторонним лицам;
- 2) **развитие сторожевых инстинктов** путем воспитания защитных процессов, при искусственном, активном наступлении на собаку;
- 3) **закрепление связи** проявления сторожевых инстинктов с моментом появления наступающего постороннего лица.

(Лица и форма их одежды, а также время появления должны постоянно меняться.)

Человечество издавна, с первых моментов применения собак, стало применять их к сторожевой службе. История говорит, что люди и одомашнили дикие виды собак, преследуя цели охраны. Так или иначе, но у нормально развитых собак принципы охранно-сторожевой службы вложены в инстинкты самосохранения, и этим и воспользовался человек, применяя собаку к сторожевым целям. Дело дрессировщика развить и отшлифовать эти засыпающие инстинкты. Конечно, наряду с этим приходится встречаться с такими экземплярами, у которых рядом подготовительных упражнений нужно развить злобность, позыв к активности или искоренить трусливость, но основной принцип сторожевого инстинкта остается неизменным в каждой собаке.

Выясним вопрос, какая роль требуется от охранно-сторожевой собаки. Главной ее задачей является разбудить окружающую среду лаем при попытке взять или подойти к охраняемому предмету, будь то вещь или запертая дверь. Побочно вытекает и необходимость заглушить желание собаки взять в пасть охраняемый предмет, не лаять при простом проходе человека, на расстоянии большем, чем 10–15 шагов от собаки (в зависимости от требуемых условий) и, наоборот, развивать ее лай только при приближении человека, при попытке его взять охраняемую вещь или при нападении. Безусловно, с этими разработками связан и отказ от корма, даваемого чужими.

Разберем технику сторожевой службы собаки. Прежде всего вся наша дрессировка должна быть построена так, чтобы в памяти собаки установилась следующая формула: «**Всякий нападающий, тихо и ласково манящий или подходящий, зовущий и бросающий, с**

ласковыми интонациями, лакомые куски и вообще всякий приближающийся близко к охраняемой вещи – есть враг мой».

Охранно-сторожевая служба может быть службой на цепи, службой на блоке и службой без привязи. Прежде всего обучение идет с привязанной собакой (на цепи). Перед началом обучения нужно обратить внимание на ошейник. Затяжной, а тем более строгий ошейник ни в коем случае употребляем быть не может, дрессировка идет исключительно на простом, широком (три пальца) мягком ошейнике, так как собака, рвясь под влиянием сторожевых инстинктов, узким ошейником, а тем более парфорсом, легко натрет и поранит шею, и получаемая боль будет естественным заглушителем сторожевого инстинкта.

Техника разработки приема такова. Дрессировщик приносит большую хорошо обглоданную кость и, привязав собаку посредством цепи (на простом широком ошейнике), кладет на землю перед нею так, чтобы собака при бросках вперед не могла бы схватить ее; в данном случае (в начале обучения) хорошо класть именно кость, потому что собаке будет легче понять принципы защиты, ибо кость явится здесь «принадлежащим ей предметом», чего не вызовет вид какой-нибудь корзины, портфеля, двери дома и т.п. В этом случае скорее и легче будет идти нарастание возбуждения, разрядом которого и явится лай. Впоследствии, когда связь с привязыванием и охраной наступит, охраняемые предметы придется постоянно менять, что и послужит для собаки обобщением принципа охраны. Также **постоянно придется менять и помощников**, воспитывая этим тоже обобщение недоверчивости к каждому постороннему человеку.

После того как дрессировщик положил кость и привязал собаку, он остается рядом, стоя за собакой, и на сцену после некоторого перерыва появляется действие помощника, который показывается в поле зрения собаки. Приближающийся помощник начинает делать попытки взять лежащий предмет или грозно наступая или делая крадущееся движение, ставя в основу желание возбудить собаку. Подходя близко, помощник, нагибаясь, делает движение взять аппорт; обычно собака, будучи достаточно возбуждена, громко лает. В тех случаях, когда активность собаки выражается слабо и она не делает попыток бросаться вперед – возбуждение усиливается дразнением собаки, легкими дотрагиваниями до нее веткой или палкой, делая мягкие удары или просто замахиванием, поднятием камня (учитывая характер собаки). Основной ролью самого дрессировщика является прежде всего усиление возбужденности и удержание от бесцельного лая. Разработку приема желательно производить в ночное время, чередуя его с дневным в пропорции 3:1.

Вернемся к дальнейшей работе. Помощник снова начинает делать крадущиеся движения, снова идет натравливание и, наконец, подойдя близко, в те моменты, когда возбуждение собаки достигает предела, помощник делает испуганный вид и скрывается; дрессировщик ласкает и успокаивает собаку. Рекомендуем лучше всего приглашать в помощники незнакомого для собаки человека, обязательно меняя его после одного-двух раз, так как на «своих» людей собака редко проявляет хорошую активность. Когда путем ряда повторных упражнений собака воспитает враждебность и недоверчивость к каждому подходящему, переходят к воспитанию спокойного состояния собаки при каждом появлении или спокойном проходе человека (если это нужно по заданию). Для этого нужно, прежде всего, не злить и не натравливать собаку на появившегося спокойно проходящего мимо человека, давая возбуждающие интонации только при попытке помощника к наступлению на собаку и при приближении к охраняемому предмету. В тех случаях, когда собака начинает самостоятельно бросаться на спокойно идущего мимо человека, следует сильное влияние дрессировщика, выражающееся в резком окрике «фу» (приостановка нежелательного действия) с одновременным резким рывком поводка, а затем даче команды «сидеть». Необходимо указать, что помощник не должен быть одет в специальный костюм, предохраняющий от укусов, так как собака находится на цепи, а лишнее одевание костюма послужит для закрепления нежелательной связи зрительного впечатления от костюма с яростным набрасыванием на него. В этом приеме возможно появление нежелательной связи момента привязывания на цепь с появлением лая. Во избежание этого нужно ввести

периодическое привязывание собаки без работы помощника. При всех случаях возбуждающего влияния помощника последний, доведя собаку до сильного раздражения, должен убежать, делая испуганный вид, дабы собака чувствовала себя победителем, получая за это похвалу и ласки дрессировщика. Помощник должен влиять на собаку не только посредством резких и наступательных движений, но и целым рядом других действий, например, криками «фу», «на место», «хорошо», «дай», а также путем приманивания лакомыми кусками и т.п. В такие моменты дрессировщику, находящемуся здесь, особенно необходимо давать вспомогательную возбуждающую команду «фасс». Попутно приходится указать, что от чрезмерно длительного и шумного напряжения активность собаки начинает охладевать; в таком случае необходимо немедленно инсценировать бегство помощника. Очень хорошо при бегстве давать собаке понять, что ее испугались, оставляя на месте хлыст, перчатки, шапку и т.п. Это, обычно, делает собаку еще более удовлетворенной. Что касается силы и активности производимых натравливаний, то ими должен руководить такой принцип: «Чем сильнее враждебность собаки, тем должно быть сильнее натравливание», а не наоборот, другими словами – нельзя на робкую собаку нападать с громкими криками и резкими движениями, ибо этим не разовьешь ее злобу, а, наоборот, сделаешь ее еще более трусливой. Общий принцип обучения готов.

Перейдем к развитию приемов охраны, т.е. к переходу работы собаки в отсутствие дрессировщика, ставя этим собаку в плоскость реальной работы. Здесь за основу должен быть взят следующий принцип: **чем дальше уходит дрессировщик и дольше отсутствует, тем больше слабеет враждебность собаки и ее активность** (это относится к молодым собакам, старые работающие собаки почти не теряют враждебности в отсутствие дрессировщика). Технически это проводится следующим порядком: собака остается на цепи и на простом ошейнике, кроме того, на собаку надет парфорс (затяжной ошейник) и к нему пристегнут длинный поводок; дрессировщик, имея в руке длинный поводок, отходит назад, оставляя собаку на цепи. Длинным поводком дрессировщик не пользуется до тех пор, пока не потребуется его влияние во время бросков собаки на спокойно идущих вдаль, или спокойно стоящих. Другими словами дрессировщик действует на расстоянии так же, как он действовал бы, находясь вблизи собаки; в конце концов длинный поводок может быть еще увеличен; его влияние связано с угрожающей интонацией, командой «фу», и дрессировщик может начать скрываться с поля зрения собаки, продолжая наблюдать за ней, приходя на помощь в критические минуты необходимости, действуя различными интонациями в нужные моменты.

Вначале мы говорили, что охраняемый предмет кладут так, чтобы собака не могла его достать, будучи привязана на коротком поводке, так как у собаки имеется привычка брать в зубы охраняемый предмет. После хорошего развития принципов охраны мы будем класть предмет так, чтобы она могла его взять, и при попытках к этому немедленно должно звучать резкое «фу», как общая команда к приостановке нежелательных действий, и резкое принудительное действие парфорса.

В целях усиления лая и установки необходимости лая с моментом охраны или при всех слабых попытках собаки к лаю, мы рекомендуем давать команду «голос», если собака лает на команду «голос». Несколько впереди мы остановились на том, что дрессировщик скрывается вовсе, – в этих случаях время отсутствия дрессировщика постепенно увеличивается от 1 минуты до 2 часов и больше с постоянным наблюдением и влиянием дрессировщика на собаку в нужные моменты.

К разработке этого же приема нужно отнести и ограждение собаки от влияния посторонних лиц путем задабривания и ласки собаки, а также путем дачи ей лакомых кусков. Это вообще достигается внушением полного недоверия к чужим людям, для чего помощники, начав ласкать (идущую на это) собаку, начинают ее дразнить и даже слегка ударяют (пропорционально ее храбрости и злобы), особенно в тот момент, когда задобренная предыдущими действиями собака ждет дальнейших ласк и лакомств. Нужно указать вообще, что возбуждения, даваемые помощником, должны носить характер возбуждений, могущих

быть в действительной обстановке. В ночных упражнениях, – а к ним нужно переходить как только собака будет достаточно реагировать в дневной обстановке, – надлежит упражняться в настораживании собаки на слух, путем связывания нападения на нее с шорохом и шумом.

В некоторых случаях охрана производится на блочных установках, – основные принципы обучения остаются те же.

В начале уже кратко говорилось о простом ошейнике; мне в практике приходилось видеть дрессировку собак по охране, на которых были надеты, по незнанию дрессировщика, затяжные и даже строгие ошейники. Это, конечно, вело к печальным результатам, появлялись поранения горла собаки, а также и отказ от работы, в виду установки в памяти собаки нежелательной связи, что бросаться не следует, так как за это следует боль (наказание). У тех же собак, у коих влияние инстинктов было выражено сильнее, это не наблюдалось; что же касается собак со слабо развитыми инстинктами, то они вместо развития сторожевых инстинктов естественно пошли на плоскость понижения. Это влияние еще раз говорит об обязательном продумывании дрессировщиком деталей каждого приема, теоретически анализируя его.

Говоря о ночных работах и об их пользе, я считаю необходимым еще раз указать на них особенно для несколько робких собак. Ночью, как известно, чувства обостряются, действия инстинктов повышаются, организм становится напряженной; основываясь на этом, естественно, можно легче достигнуть при толковой работе дрессировщика и помощника охранно-сторожевых стремлений собаки.

Необходимо указать на то, что первое время собака будет засыпать в ночной обстановке. Поэтому необходимо строить упражнения так, чтобы «ночь превратить в день, а день в ночь». Беспокоя собаку 6–7 раз в ночь, это достигается в течение месяца. Впоследствии, если собака и будет спать, то чрезвычайно чутким, тревожным сном.

Защита, задержание и конвоирование

После того как предыдущими упражнениями у собаки будет воспитано недоверие к чужим людям и будет в достаточной мере развита злоба и сторожевые инстинкты, можно перейти к службе защиты, задержания и конвоирования. Техническая разработка такова: дрессировщик идет, имея собаку на поводке, карабин поводка пристегнут к широкому и мягкому ошейнику. Навстречу им появляется помощник, одетый в специальный костюм (специальным костюмом называется костюм из брезента с прослойкой ваты, – это предохраняет помощника от укусов), или, в целях избежания нежелательной связи вида костюма с необходимостью нападения, одетый в обычное платье с одним специальным рукавом на правой руке. Не доходя 4–5 шагов, помощник начинает делать угрожающие жесты по отношению к дрессировщику, замахиваясь палкой и т.п. Таковые действия помощника должны производиться на глазах собаки и в сфере ее внимания. Естественно, что возбуждение собаки нарастает и она переходит в активное наступление; дрессировщик ободряет ее и знакомой командой «фасс» усиливает возбуждение собаки. Когда возбуждение достаточно возросло, дрессировщик отпускает собаку, которая бежит и схватывает помощника. Здесь роль помощника сводится к тому, чтобы, **подставляя правую руку, приучать собаку хватать именно ее.** Здесь может быть несколько комбинаций: для усиления злобы помощник может продолжать бороться с собакой, работая с палкой, может делать попытки к бегству и т.п. Попутно со всем этим, переходят к приучению не трогать спокойно стоящего человека, в этом случае помощник прекращает все активные действия, оставаясь стоять без движения, собака естественно, в пылу развившихся инстинктов, будет продолжать свое нападение. На сцену выступает влияние дрессировщика, следует сильный окрик «фу», сопровождаемый рывком, повторяющийся в случае продолжения нападения, и затем приказание «сидеть». В это время помощник, естественно, не производит никаких действий. Как только собака несколько успокаивается, следует ласковое поощрение «хорошо», и поглаживание собаки. Здесь не нужно бояться давать достаточно сильные принуждения со стороны дрессировщика, так как эти действия выставляются в противовес

разбушевавшимся природным инстинктам и должны действовать на собаку сильнее последних, заглушая их. После достаточно большой выдержки помощник начинает снова движения активного характера, снова звучит знакомое «фасс», и снова собака переходит в нападение, затем снова помощник остается без движения и снова дрессировщик своим влиянием прекращает нападение собаки, его тон твердый, решительный и угрожающий.

В каждом таком случае помощник свои движения производит в духе нападения на дрессировщика или на собаку. По окончании работы было бы ошибочно уходить помощнику, так как тогда собака должна была бы преследовать его, уход помощника не должен быть уложен в сознании собаки, ибо он противоестественен ее пониманию, наоборот дрессировщик уводит собаку, оставляя стоящего без движения помощника. Нечего и говорить, что окружающая обстановка и помощники постоянно меняются, дабы у собаки не установилась нежелательная связь с местом и с определенным лицом.

Попутно с этим, приблизительно в пропорции 3:1, помощники проходят мимо дрессировщика, идущего с собакой и не нападают, это воспитывает внимание собаки прежде всего и служит также предупреждением к образованию нежелательной связи встречи человека с обязательным нападением. В случае бросков собаки на спокойно идущего навстречу помощника, немедленно следует рывок и резкое «фу».

Постепенно момент нападения помощника переходит от расстояния 4–5 шагов на ближнее расстояние, когда он равняется с дрессировщиком плечом к плечу, – это прежде всего механизмирует всю работу, а, кроме того, и увеличивает внимательность собаки к каждому движению чужого человека. Постепенно положение помощника по отношению к дрессировщику меняется, так например, нападение следует от идущего сзади или нагоняющего помощника, во всех случаях надлежит поступать как указано выше.

Как мы уже указывали, число спокойных встреч и проходов нужно увеличивать, доведя до отношения 10:1, причем помощники должны встречаться в разных комбинациях, т.е. идущие сбоку, навстречу, сзади и т.п. Если собака спокойно относится к выстрелам, то моменты нападения нужно связать с ними, причем, конечно, стрелять нужно не только помощнику, но и самому дрессировщику. Затем рекомендуется в процессе практических работ ввести нападение на дрессировщика одновременно двух и трех человек, работая по тем же указаниям.

Остается сказать несколько слов о **задержании и конвое**; под словом задержание мы подразумеваем достижение полной парализованности движений помощника, изображающего преступника; лучшими способами задержания бегущего нужно считать тот, при котором собака кусает ноги бегущего или бросается ему на спину, схватывая за воротник; в первом случае, если преступник вооружен, ему легче справиться с собакой, нежели тогда, когда собака задерживает его посредством прыжка на спину. Разберем оба для того, чтобы у преследующей собаки (а она преследует в силу развитых у нее ранее инстинктов преследования бегущего и злобы), выработать хватку за ноги; для этого нужно, чтобы во всех упражнениях на привязи помощники возбуждали злобу у собаки замахиванием ногами или подсовывая ноги. Благодаря таким действиям возбуждается злоба как бы к ногам при бегстве преступника. Помощник в те моменты, когда собака настигает его, отмахивается и защищается ногами. Все это как и предохранительный рукав на правой руке, воспитывающий хватку за правую руку, приучает собаку кусать за ноги. При упражнениях помощники, убегая, должны всегда следить, хочет ли схватить за ноги догоняющая собака и если нет, то им надо сейчас же возбуждать внимание собаки к ногам, делая ими как бы «брыкающие» движения. Как сказано выше, есть и другой способ задержания, это прыжок на спину и хватка за воротник. Приучение к этому значительно труднее. Прежде всего помощник начинает возбуждать злость мешком теми же способами, как и вообще воспитывается злость у собаки. Затем дразнит собаку, таща мешок по земле; здесь необходимо указать, что собака должна быть на длинном поводке и на парфорсе, дабы дрессировщик мог всегда оказать сильное влияние на собаку, если она будет делать хватку не того, за что нужно. Естественно, что хватка за мешок должна поощряться возгласом

«хорошо, фасс, хорошо», а при всех нежелательных действиях следует «фу», сопровождаемое рывком парфорса. После того как собака будет схватывать при убегании преступника за волочащийся мешок, его несколько поднимают и помещают на спине дрессировщика (на пояснице), затем выше, попутно с этим мешок уменьшается в своем объеме. Когда хватка будет достигнута и в этом положении мешка, таковой просто перекидывается за спину и делается тонким, как бы обвивающим шею помощника; предпоследней комбинацией будет подшивка такого мешка под воротник и последней стадией (к тому времени хватка собаки будет совершенно механизирована), мешок не употребляется вовсе, а работа идет на один воротник (возможно, несколько увеличенный в размере). При всех случаях поднятия мешка по спине вверх и при хватке за воротник, дрессировщик всегда помогает ориентироваться собаке, побуждая ее на прыжок, указывая рукой на воротник при команде «фасс». При такой дрессировке, во время прыжка собаки на спину, возможно падение дрессировщика; в таком случае вытянутые вперед руки должны всегда закрывать лицо (лежать ничком, низко опустив голову). Вместе с этим идет и влияние дрессировщика на нетрогание спокойно лежащего (так же как и нетрогание спокойно стоящего человека); обычно в таких случаях дрессировщик подходит по поводку (перебирая его в руках и приближаясь, командуя «сидеть»), силой усаживая собаку в тех случаях, если разбушевавшиеся инстинкты не дают собаке успокоиться. Когда собака будет усажена, дрессировщик отходит (так же по поводку) назад и делает выдержку. При всякой попытке помощника броситься вперед, встать, снова переход в активное действие и команда «фасс».

После некоторых повторений указанной работы на одном или двух длинных поводках поводок снимается, и все указанные выше действия повторяются на свободе; этими упражнениями по существу и заканчивается задержание (команда «задержи» или «фасс»). Переход на конвой при таком обучении собаки достаточно прост. Техника его такова: дрессировщик командует «сидеть», помощник, изображающий преступника, встает (собака удерживается при попытке броситься резкой командой «сидеть»; и группа из дрессировщика, помощника и собаки начинает идти вперед, имея преступника (помощника) впереди (3–4 шага) после прохода известного расстояния помощник делает попытку к бегству или к нападению на дрессировщика – в такие моменты собака, дрессированная рядом предыдущих упражнений, самостоятельно бросается преследовать и производит задержание, как сказано выше. Остается указать последнее – это отозвание собаки от преступника.

В принципе здесь сначала должно быть произведено как бы охлаждение резко проявленных собакой инстинктов, а затем и отозвание; в практике обычно вначале звучит резко «фу», а после небольшой паузы команда «ко мне» в тех случаях, когда собака все же не подходит к дрессировщику, работу переводят снова на поводок и его влиянием заставляют выполнить указанный прием.

Заканчивая этот отдел техники, нужно уделить несколько глав и о воспитании у собаки не боязни к ударам. Во всей этой группе приемов, как-то при охране предметов при нападении и т.п., помощник всегда работает с палкой или прутом или с оружием в руках. При всех этих случаях собака всегда привыкает так или иначе к наносимым ей ударам; все дело в том, что здесь должен быть проведен и соблюден один принцип: наносимый вначале **удар должен быть возбудителем злобы, а не страха, он должен будить инстинкт гнева, а не боязни, он должен как бы дразнить собаку, вызывая ее на более резкие активные действия, даваемые сильные удары в начале дрессировки заставляют собаку избегать этой работы.** Практика показала, что в пылу азартных нападений злобную собаку заставляют все больше и больше нападать, а ее инстинкты самосохранения всегда придут к ней на помощь в смысле увертливости – здесь учить собаку не бояться ударов не приходится, нужна только тренировка собаки на удары, а проводить эту тренировку нужно, только придерживаясь указанного выше принципа.

Построение этих приемов в принципе состоит из развития у собак агрессивных реакций, вызываемых действиями оборонительного (защитного) инстинкта. Оборонительные

реакции могут быть и в виде страха. Дабы они не приняли эту форму, необходимо предупредить возможность запугивания собаки при даче сильных возбудителей. Здесь дрессировщик должен помнить, что всякое наступление вызывает (в принципе) защиту и отступление, а всякое отступление вызывает активное наступление.

Отказ от корма

Прежде всего прием «отказ брать» корм вытекает из разработок приемов караульной службы. В реальной обстановке преступник, подходящий к сторожевой собаке, почти всегда пытается обезвредить ее дачей отравленного корма или хотя бы несколько приручить ее к себе. В приеме отказа от корма могут быть поставлены следующие задачи: отказ от пищи, даваемой чужими в присутствии дрессировщика, затем в его отсутствии и, наконец, отказ брать найденный корм. В такой последовательности будем вести и мы нашу разработку. Общими целями являются: 1) предохранение от отвлечения собаки при работе в случае нахождения пищи, 2) предохранение жизни собаки при попытке подбросить ей отравленную пищу, 3) развитие общей дисциплины, а также выработка и закрепление выдержки и заглушение природных инстинктов.

Исходя, главным образом, из последнего фактора и учитывая здесь обязательное проявление природных инстинктов, которые вызовут желание схватить предлагаемый корм, приходится прежде всего не допускать постановки собаки на плоскость соблазна, т.е. не производить работу во время ее голодного состояния, ибо в эти минуты природные инстинкты будут обострены до крайности. Поэтому мы и рекомендуем начинать работу с нормально питающейся, не голодной, но и не перекормленной собакой, так как в последнем случае она будет отказываться не под влиянием дрессировщика, а под влиянием полного отяжеления. Впоследствии, когда прием будет достаточно усвоен и прочно закреплен, возможна работа и со слегка недокормленной собакой, и это послужит даже на пользу, делая ее более дисциплинированной, но злоупотреблять этим, в особенности в первое время, совершенно нельзя.

Перейдем к технической проработке. Мы уже знаем, что каждый прием строится на развитии или заглушении природных инстинктов или на так или иначе выраженных действиях принудительного характера. Здесь мы скажем, что в данном приеме инстинкты играют также первую роль, но как раз противную нашим требованиям. Здесь нужно всю работу ставить в плоскость заглушения природного инстинкта путем действия принуждения второго вида (т.е. способа воздействия), которое в то же время будет и способом обучения, причем эти принудительные действия постольку, поскольку их роль является заглушением инстинкта, должны быть даваемы сильнее, нежели дают возбуждение сами инстинкты. Итак, кратко формулируем следующее: дрессировка по данному приему заключается в том, чтобы дать понять собаке, что принятие пищи из чужих рук и самостоятельное взятие пищи при случайном нахождении ее вызывает сильно неприятные ощущения, увеличивающиеся пропорционально увеличивающемуся желанию взять пищу. Здесь необходимо добавить несколько слов о том, что: «сила выявления заглушаемых инстинктов пропорциональна расстоянию собаки от дрессировщика» (т.е. его влиянию на собаку), не говоря уже о моментах совершенного отсутствия дрессировщика. Вот почему вся эта дрессировка должна протекать в твердых дисциплинарных взаимоотношениях дрессировщика и собаки. Здесь нужно сказать, что мы не согласны с мнением К. Мооста, который говорит, что вначале нужно приучать собаку, путем действия сильных принуждений, не брать корм от самого дрессировщика, из его рук.

Мы говорим, что все влияние в данном приеме должно идти от помощника, только помощник воспитывает недоверие собаки к посторонним, в трактовке же К. Мооста собака явно будет терять доверие и к самому дрессировщику.

Технически выполнить прием мы предлагаем так. Собака привязана, дрессировщик стоит рядом, помощник (постоянно меняющийся) подходит к собаке, имея в руке лакомство, он меняет свои подходы, то они крадущиеся, то спокойные, то смело идущие на собаку, тон

его голоса различен от ласкового до безразличного. Приближающийся помощник протягивает руку с кормом к морде собаки, – собака доверчиво (если раньше не была дрессирована на охрану) делает попытку взять корм; в этот момент ласковый тон помощника исчезает, и собака получает удар рукой помощника по морде взамен лакомства, к которому тянулась; одновременно с этим идет и влияние дрессировщика, выражающееся в команде «фу» и отдергивании собаки от куска рывком поводка. Несколько повторений указанных действий, и собака становится недоверчивой к протянутой руке, потеряв веру в чужого человека; для контраста и более яркого закрепления этого, желательнее, чтобы дрессировщик время от времени давал собаке пищу (лакомство) сам и ласково при этом гладил собаку – это, конечно, еще больше подчеркнет веру только в дрессировщика и недоверие к корму, даваемому чужим.

В такие моменты дрессировщик командой «фасс» может вызвать у собаки, кроме недоверия к помощнику, еще и злость, но здесь нужно обратить серьезное внимание на то, что «фасс» нельзя давать в момент приближения помощника, а только после того, как помощник ударяет собаку, иначе – «фасс» будет преждевременен, и собака начнет озлобляться не от неудачи, а от влияния «фасс». Продолжением всего этого может быть бегство помощника, причем возможно снятие с собаки поводка и позыв к задержанию. При бегстве лакомство должно быть брошено помощником, собака иногда может схватить его (при слабом инстинкте преследования бегущего); в таких случаях схваченный кусок должен быть горек (предварительно посыпан немного хиной); фактически при предыдущих указаниях у собаки не будет воспитано недоверия к корму, даваемому чужими, а будет развито недоверие к чужому, дающему корм; дабы совместить и первое и второе необходимо, чтобы в памяти собаки твердо установилось, что даваемый посторонними лицами корм противен, горек и причиняет боль.

Как сказано выше, ради скорейшего и сильнейшего закрепления приема сам дрессировщик, особенно в первые дни обучения, после попыток дачи корма помощником, сам дает лакомство и хвалит собаку.

Разработка приема может быть поставлена и так. Помощник, подходя с ласковыми интонациями, протягивает лакомство, но собака, уже несколько усвоив прием, не берет корм, ассоциируя это с уже бывшими неприятными последствиями для нее. Тогда этот корм нужно бросить на землю и при попытке взять его он **должен быть горек**, – но возможно, что и на брошенный корм собака не реагирует, тогда помощнику полезно сделать движение тела, как бы поднять корм, часто в таких случаях собака делает попытку взять корм, – конечно результат для собаки тот же. Дабы собака не закрепила в памяти, что только мясо горькое, даваемый корм меняется.

В зависимости от характера собаки и при трусости ее можно в момент взятия лакомства не ударять собаку, а удовольствоваться только горьким куском. Места и время занятий постоянно меняются вплоть до ночных занятий и работой в доме, все влияние исходит от помощника, на долю дрессировщика остаются предупреждающие действия; постепенно дрессировка переходит к работе в отсутствие дрессировщика, принципы ее те же, только дрессировщик вначале влияет, отходя от собаки, длинным поводком и парфорсом (собака привязана на цепи и простом ошейнике), а затем, сняв поводок, наблюдает издали за собакой, будучи ею невидим и приходя на помощь интонациями, в нужные моменты. Дабы отучить не брать с земли найденный корм, возможен следующий подход: во время прогулок собака находит лакомый кусок, но, схватив его, получает горечь, а затем окрик «фу» со строгой интонацией и рывок. Что касается окрика «фу», то его нужно делать при попытке схватить кусок, в таких условиях этот окрик будет играть роль предупреждения.

Все построение приема в принципе сводится к угасанию пищевых рефлексов, за счет оборонительных. Мы знаем, что более сильный рефлекс подавляет более слабый. Следовательно, необходимо, чтобы даваемые раздражители, вызывающие защитные реакции, были бы достаточно сильны и ярки.

Схема подготовки собаки по караульно-сторожевой службе.

- 1) Развитие общего недоверия и настороженности.
- 2) Развитие злобы на человека.
- 3) Приучение к цепи и блоку.
- 4) Воспитание связи между появлением шороха и причинением «неприятности».
- 5) Развитие длительного сторожевого напряжения и внимательности.
- 6) Патрульная (обходная) служба с человеком и без человека.
- 7) Воспитание небоязни выстрелов и ударов.
- 8) Воспитание приемов защиты, конвоя и задержания.
- 9) Отказ от корма, даваемого чужими.
- 10) Тренировка по охране зданий, складов (внутренняя и наружная охрана).
- 11) Тренировка на комплексные работы по караульно-сторожевой службе.

Общие указания к главе о технике обучения

Указанные выше технические построения подходов дают лишь основную канву, основные примерные принципы построений и не больше.

«Подходы», т.е. нужные возбудители должны быть отыскиваемы самим дрессировщиком, ибо они могут быть различны для каждой собаки. Здесь же мы указываем наиболее типичные из них и чаще других употребляемые.

Индивидуальные особенности почти каждой собаки потребуют их изменения и дополнения.

При тренировке военной собаки необходимо учесть главнейший фактор, всплывающий в вопросах реального применения собак в бою. Это воспитание безотказной работы непосредственно под огнем противника. Безусловно, все инсценировки при «холостых» выстрелах ни в коем случае не могут создать нужного эффекта. Непередаваемое свистящее жужжание летающих пуль и завывание шрапнели, действуют совершенно по другому, нежели действуют выстрелы на маневрах.

Казалось бы, что все это не должно было бы отражаться на психике собаки, так как последней «непонятно» значение этого свиста так, как понятно это человеку.

Но дело не в том. Инстинктивный страх неизвестного, совершенно не обычного, незнакомого и поэтому непонятного явления, внезапно появляющийся и исчезающий, вот причина безотчетного «животного» страха.

Необычная обстановка с мелькающими, свистящими звуками способствует безотчетной панике.

В силу этих соображений необходимо во всех курсах по подготовке военных собак, как обязательное упражнение, шлифующее работу, **ввести ознакомление собак с действительным огнем противника.** Я не говорю здесь о технике этих упражнений, я говорю лишь о самой идее. Она необходима так же, как необходимы ночные занятия с игрой прожекторных лучей и с ракетами. Срочно необходимо сделать соответствующие опыты, дабы сделать установку на действительную помощь военных собак в моменты действительного боя. Только после этих опытов может быть разрешен ряд спорных вопросов о действительной помощи собак в боевой обстановке.

Такие опыты должны быть проводимы в обязательном порядке.

Перед маневрами или в других случаях обычно усиливаются занятия с собаками, с целью добиться лучшей подготовки. Результаты бывают в большинстве случаев совершенно обратные, собаки начинают работать хуже, чем они работали месяц тому назад. Такие примеры являются типичными случаями перегрузки, передрессировки собак. Как нельзя при плохой «аппортировке» собаки злоупотреблять этим приемом, давая его по пятидесяти раз в день, вызывая этим у собаки отвращение к аппорту, так нельзя давать перегрузку и в часах занятий, усиливая занятия с 4 до 6 часов в день или делая их два раза в день по 3–4 часа.

Этим мы, конечно, ухудшим дело, ибо собака **потеряет интерес к работе** – **этот главный фактор дрессировки.**

В таких случаях приходится, наоборот, давать отдых собаке, прерывая занятия на 3–4 дня, вводя в эти дни купание собаки, прогулки и игры.

Практики-дрессировщики прекрасно знают это и, в целях недопуска перегрузки в занятиях, вводят один день среди недели – свободный. Здесь необходимо помнить, что чем однообразней и чаще повторяется прием, тем меньше у собаки интереса к его проработке.

Опытные руководители и дрессировщики перед испытанием собак один-два дня совершенно не ведут занятий. В подавляющем большинстве случаев, результаты этого мероприятия бывают превосходны, собака четко и с охотой исполняет требуемые приемы.

Высказанная здесь мысль особенно должна быть учтена при составлении плана занятий и еженедельных расписаний.

До сих пор вопрос **об отдыхе дрессировщиков** также не получил своего разрешения. Основанием к поднятию этого вопроса является чрезмерная нервная «нагрузка» дрессировщика. Каждый педагог изнашивает нервы больше чем человек, занимающийся физическим трудом. Работа над детьми сильнее треплет нервы, чем работа над средним возрастом и это вполне понятно, ибо при работе с детьми больше взаимных непониманий, больше напрягаются и сдерживаются нервы педагога, искусственно идущего по плоскости детского миропонимания.

Еще ярче это проявляется при обучении собак. При всех ошибках собаки дрессировщик должен прежде всего искать ошибку в своих действиях. Во всех без исключения моментах дрессировщика, последний должен мыслить не умом своего масштаба, а заключать свою психику в определенные границы миропонимания собаки. Эта черта является главной и в то же время труднейшей при дрессировке.

Постоянное напряжение нервов, постоянное сдерживание себя при ошибках собаки, – вот главные причины расшатывания нервов дрессировщика. К этому надо добавить, что такая «нагрузка» является ежедневным явлением. Все это говорит о приравнивании должности дрессировщика к «вредным цехам», требуя увеличенного времени отдыха.

Будущее покажет во что это выльется. Специальные врачебные комиссии вырабатывают соответствующие нормы.

Мы считаем необходимым указать на это, ибо десятилетняя практика наглядно показала, что постоянная работа с собакой изнашивает нервную систему значительно скорее, чем какая-либо другая работа.

Дело применения служебных собак в целом, особенно за последнее пятилетие, шагнуло значительно вперед. Тяжелый фронт борьбы с кустарничеством в основной своей идее остался позади. Сейчас молодой дрессировщик научился **анализировать**. Это и есть тот основной момент, стоивший неимоверных усилий в борьбе со старыми методами дрессировки. Работникам старой школы метод анализа был явно невыгоден, ибо он срывал ореол таинственности «великого мастера» дрессировщика. Это и затрудняет борьбу. Но борьба в основе своей закончена и первая боевая позиция взята наукой. Молодому дрессировщику даны твердые научные данные, благодаря которым он, не блуждая в потемках, умеет сам путем анализа найти такой вид возбудителя, который в данный момент, при данной обстановке и при данном состоянии собаки, даст желаемый эффект. Главное сделано.

На ближайшей очереди стоят **другие вопросы**, – вопросы, требующие срочного решения, вернее не решения, а начала упорной проработки их. Это вопросы **норм веса и роста** (стандартизация) собак, а затем вопросы **психо-технического обследования дрессировщиков** и (что еще труднее) собак.

До сих пор мы исходили в вопросах выращивания молодняка, беря в основу «личный опыт» и «приблизительные» определения. Мы не имеем стандартных норм роста и веса и зачастую, видя болезненно раздутого щенка, говорим об его «хорошей упитанности» (пример несколько груб, но в принципе это так). Для определения той же «упитанности»

обычно «прикидывают» щенка на руку и выносят с безапелляционным видом то или иное определение. То же обстоит и со взрослыми собаками. **Ведение ежемесячного провеса совершенно не спасает положение вещей.**

Допустим, что двухлетняя собака имеет следующую (примерную) запись провеса (все взвешивания производились до еды): сентябрь октябрь ноябрь декабрь 35 кг 33 кг 31 кг. 29 кг – можем ли мы сказать, что эта собака теряет свой вес и положение угрожающее?

Конечно, нет. Так как **мы не знаем ее нужного, полезного рабочего, среднего веса**, если ее рабочий вес должен быть около 32–33 кг, то промерку октября – 33 кг мы запишем как «0» (нормальную) и результат провески сентября – 35 кг мы отнесем к невнимательности владельца собаки за перекорм; если же ее рабочая норма будет около 35–36 кг, то промер того же октября – 33 кг мы будем считать уже как минус и также отнесем к невнимательности владельца собаки за недокорм; провеска декабря – 29 кг и это падение не страшно, ибо оно естественно с наступлением холодов.

Итак из приведенного примера для определения среднего рабочего веса видно, что по этой линии мы ушли не далеко; простые взвешивания, как бы они часты и правильны ни были, дают не так много, как кажется с первого взгляда. Они «безотносительны» и это их главный минус – мы до сих пор не знали хорошо или плохо 35 кг для собаки такого-то возраста, а раз это так, то мы не можем и сказать в плюс или минус идет рядом стоящая цифра.

Но мы должны иметь эти средние рабочие нормы. Госпитомники и любители должны рано или поздно поднять этот вопрос. Мне кажется, что сейчас не рано и не поздно, а как раз вовремя.

Помимо этого мы должны иметь помесячные нормы роста и также средний рабочий рост. Мы должны стремиться к тому, чтобы, взяв 3-месячного щенка, могли уверенно сказать, что ему не хватает до нормы 800 г веса и 3 см роста. Без этого мы будем блуждать в «субъективных» потемках.

Вторым вопросом текущего дня является вопрос исключительной важности – вопрос **научно-обоснованного подбора людей**, идущих в наше дело, и, наконец, самое важное, **подбора собак, поступающих в дрессировку.**

Если в смысле веса и роста и имеются проблески какой-то работы, то в последних вопросах не сделано еще ничего реального, кроме мысленных намеков, схематичных набросков. Между тем, эти вопросы имеют решающее значение. Я затрудняюсь себе сказать, что важнее для нашего дела, правильный подбор людей или правильный подбор собак. Мне все же кажется, что людей, ибо если мы будем иметь дрессировщиков, не любящих дело и не могущих по своим качествам быть ими, то как бы хороша ни была собака, должных результатов не будет.

Не все люди одинаковы в своем «психическом» укладе, благодаря разным особенностям характера, по-разному делается и работа. Для хорошего дрессировщика мы должны предъявить большие требования. Примерно, они сведутся к следующим отдельным чертам характера:

- 1) Заинтересованность в деле.
- 2) Любовь к собаке.
- 3) Заботливость.
- 4) Находчивость.
- 5) Смелость.
- 6) Сообразительность.
- 7) Настойчивость.
- 8) Терпеливость.
- 9) Выносливость.
- 10) Наблюдательность.
- 11) Подвижность.
- 12) Хладнокровие.

13) Общая физическая развитость.

14) Энергия.

(Наименования по несколько устаревшей терминологии.)

Как видно, требования не маленькие. Подбор достаточно труден, ибо универсальных людей мало. Все же все указанные 14 пунктов являются нужными факторами и как-то должны быть выявлены.

Можем ли мы представить пользу от дрессировщика, если он не любит собак, или не находчив, или не настойчив или не обладает подвижностью? Думаю, что нет.

Такого подбора людей сейчас нет. Примитивно спрашивают: «а ты любишь собак?», «а вы терпеливы?». Я думаю, что не найдется такого человека, который бы подал заявление о принятии и ответил бы, что он не любит собак.

Нужен отбор научно-обоснованный, нужна такая обстановка отбора, которая лишает возможности неточных выводов «со слов».

Америка давно отрешилась от слепого набора людей на службу; «психо-техническое» обследование поступающего стало обязательным при каждом поступлении. Психофизическое состояние человека точно проверяется, и несоответствующие своему назначению работники почти отсутствуют. В России таким психо-техническим обследованиям подвергаются ряд работников, как-то: стенографистки, летчики, артиллеристы, пожарные, и т.п., уже выработан ряд тестов (вопросов, задач и способов обследования), по которым контролируется память и устойчивость, объем внимания, скорость соображения, находчивость и т.п. качества,

Нашего дела эти методы еще не коснулись. До сих пор, беря человека и обучая нашему делу, мы не знаем, пригоден ли он для нашей работы и, наоборот, давая ему собаку для дрессировки, мы так же не знаем, обладает ли она необходимыми для работы физическими и «психическими» качествами. Пока мы бродим в потемках и нередко талантливый дрессировщик «разочаровывается» в деле, так как ему попадается непригодная собака, которую мы «еще не выявили», относя все недочеты к бедному дрессировщику, и нередко хорошая собака губится дрессировщиком, не имеющим права работать по этой специальности.

Предлагаемый мною отбор необходим. Он кажется трудной и кропотливой работой. Вопрос о техническом построении этих опытов требует тщательной коллективной проработки лучших авторитетов нашего дела и профессуры. **Здесь я даю лишь основную идею.** Задача каждого собаководы, инструктора, курсанта и любителя – помочь в нашем общем деле. Выработка тестов зависит от логического мышления и наблюдательности автора. Необходимо помнить, что люди идут на такого рода обследования с известным «предубеждением» и зачастую говорят неправду, поэтому нужно ставить тесты, по возможности, так, чтобы человек не знал, что его обследуют. Пример теста: поступающий человек входит в кабинет экспериментатора; ему предлагают садиться; после ряда переговоров в комнату вводят собаку, указывая на которую, экспериментатор говорит: «вот с этой собакой вы будете работать». Вскоре после этого экспериментатора вызывают и, он, говоря «посидите немного я скоро приду», уходит, и человек остается один; из соседней комнаты через «глазок» все время ведется наблюдение. Поведение человека, когда он один и наличие той собаки, с которой ему придется работать, может дать ряд нужных и полезных моментов. Здесь я указал примитивный пример. Подобных задач можно придумать много. Все они требуют соответствующей проверки и корректив.

Ряд тестов для обследования дрессировщиков может носить и вопросный характер (вопросы и ответы). Еще труднее придумать **вопрос о психо-физическом обследовании собак.** Физические качества определить сравнительно легче. Построение этих опытов нужно проводить, стремясь к выявлению приблизительно следующих качеств:

1) Рост.

2) Мускулатура.

3) Общее физическое состояние.

- 4) Обоняние.
- 5) Слух.
- 6) Зрение.
- 7) Выносливость.

К выявлению «психических» качеств нужно отнести следующие:

- 1) Активность.
- 2) Смелость.
- 3) Злобность (если требуется по роду службы).
- 4) Возбудимость.

Так, например, тест на злость должен быть построен так, чтобы можно было тем или иным возбудителем «вывести собаку из себя». Например: путем отнятия чашки с едой или путем соответствующих физических возбудителей.

При появлении реакции на возбуждения злости узнают:

- 1) Силу возбуждения.
- 2) Скорость возбуждения.
- 3) В чем она выражается.

Тесты на трусость могут быть в виде надвигающихся предметов странной формы (собака боится больше вещей нежели людей, т.е. всяких новых форм вещей) или внезапных сильных возбудителей, световых и шумовых, причем эти возбудители внезапны и появляются во время исполнения того или иного задания.

Ряд тестов с лабиринтом (тест на ориентировку) и зажигающимися камерами (тест на следовые рефлексы) дадут то, что нам нужно и чего еще нет у нас.

Мне кажется, что этот вопрос не может быть ведомственным; он бесспорно должен иметь междуведомственный характер (между теми ведомствами, которые ведут работу с служебными собаками), он должен быть общим. Он стоит во всей своей важности на пороге текущего дня.

Только широким обменом мнений и цифр можно достигнуть желаемых результатов. Нужно начать это делать немедленно, так как **за спиной этих вопросов громоздятся другие, не меньшей важности.**

Занимаясь в настоящее время проработкой данных вопросов, я буду крайне признателен тем читателям, которых так или иначе заинтересует поднимаемый мною вопрос и которые найдут нужным обменяться со мной своими мнениями.

(Адрес автора: Москва, ст. Вешняки, Казанской ж. д., Октябрьский пр., д. 19, Всеволод Васильевич Языков.)

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Основные понятия о собаководстве и краткие сведения по содержанию, уходу и гигиене собак

Искусственный подбор

С того времени, как человек одомашнил собаку и сделал из нее помощника в трудных условиях своего существования, появился и спрос на нее. Последний родил, в свою очередь, предложение, т.е. другими словами появился рынок, товаром в котором сделалась собака.

Различные виды применения собак и различные внешние условия их существования, как, например, климат, различные виды работы, постепенным эволюционным путем определили основные разновидности пород (вернее грубые очертания пород). Так, одни из собак стали более быстрыми в беге, другие более выносливыми, одни обрастали грубой и длинной шерстью, другие остались короткошерстными.

Постепенно появились разные окрасы (защитная окраска) и разные формы строения тела (экстерьер).

Различные виды и породы собак создались не столько естественным путем, как под влиянием требований человека. Так, задаваясь целью создания быстрой в беге собаки, человек сознательно подбирал однотипных собак с лучшими ногами, такая работа, носящая регулярный характер в целом ряде последующих поколений, и создала различные породы собак.

В мире все изменяется. Породы приходят и уходят в вечность. То, что было нужным или «модным» вчера, уже не нужно сегодня. На ряду с классическим отбором и подбором, тысячи собак представляют собой результаты случайных смешений, определить породу которых не представляется возможным.

Говорить о собаках более или менее можно лишь с исторических времен, которые оставили после себя те или иные памятники, заметки и т.п. данные. Все, что касается более древних времен, базируется на догадках и выводах, сделанных путем логических сопоставлений.

Говоря же о памятниках старины и рисунках, нужно сказать, что последние не представляют собой действительного подобия, так как рисунки того времени носят «стилизированный» характер, с ломаными и грубо выведенными линиями.

Поскольку имелся спрос на лучшую, выносливую и наиболее пригодную собаку для той или иной работы, постольку человек стал путем искусственного подбора стремиться к улучшению имеющихся качеств собаки, т.е. стал, путем скрещивания, искусственно выводить породы. Такие процессы и называются собаководством.

Постепенно человек, начав это дело с грубых основных форм, познавал все новые и новые закономерности наследственных передач и тем же медленным эволюционным путем создавалась особая наука о наследственных передачах.

Наследственность, т.е. передача по наследству общих признаков (обычно не тождественных) является одним из самых загадочных явлений природы. В основе этого лежит общее положение, говорящее, что каждый размножающийся организм рождает всегда себе подобных (цветок рождает цветок, собака – собаку, порода – породу и т.д. Молодая наука генетика (учение о факторах наследственности) с каждым годом выявляет все новые и новые закономерности в наследственных процессах. Пройдут годы и наука подойдет вплотную к разрешению этой самой сложной загадки природы.

Вся теория эволюции (в сущности вся биология) строится исключительно на законах о наследовании признаков.

Случая в природе нет, все закономерно и имеет свои причины.

Мы можем еще не знать некоторые закономерности, но они есть. Наука идет вперед. Будет время, когда точнейшие формулы и таблицы будут «предугадывать» полезные и бесполезные признаки молодняка.

Наследственность – одна из точнейших наук.

Во второй половине XIX века еще шаткое учение о наследственности сделало большой скачок вперед благодаря Грегору Менделю, выявившему ряд законов о наследственных передачах. Эти законы и все его учение получило название «менделизма» и послужило основой для новейших изысканий новой молодой науки – генетики. Размеры книги не позволяют остановиться подробнее на этом учении, да это и не входит в задачу книги. Во всяком случае собаководу необходимо ознакомиться более подробно с этими вопросами.

Самое интересное место в общей науке о наследственности занимает «учение об изменчивости».

Основными причинами изменчивости внешних форм животных являются внешние условия жизни, а именно условия питания, влияние окружающей среды, температура и т.д. В силу влияния этих условий и приспособляемости организма, постепенно появились на севере белые медведи, приобретая свой цвет тысячелетиями. Появились те или иные виды и разновидности собак, таксы с вытянутыми мордами, борзые с сильными челюстями, исключительно развитыми ногами и легкими.

Все живые организмы стремятся передать по наследству свои признаки. Но тождественности в этих передачах не бывает. Нет в мире двух тождественных людей, так же как нет тождественной осы или пчелы. Отдельные индивидуумы могут быть похожи (близнецы), но все же не тождественны между собой (дактилоскопия).

Генетика (учение о наследственности) знает основную формулу «подобное рождает подобное». За последнее время вопрос о постепенном улучшении тех или иных признаков стоит открытым. Наука говорит, что родители передают свои признаки, но не улучшают их, а изменение генотипа (совокупности всех наследственных задатков, получаемых от родителей) происходит периодическими скачками (так называемые мутации), после которых прежние признаки уже не возвращаются.

Говоря об общем выводе, нужно сказать, что всякая особь передает своим потомкам лишь то, что она сама унаследовала от родителей, т.е. «подобное порождает подобное».

Безусловно, научно-подготовленный дрессировщик-специалист, а тем более собаковод, должен знать те основные законы наследственности, на которых строится дело рационального разведения собак, а также рационального содержания, ухода и воспитания собак, – этой необходимой азбуки собаководства. В настоящей книге мы сможем только указать наиболее характерные моменты собаководства, с которыми приходится встречаться дрессировщику в его практической работе.

За несколько времени перед тем, как нужно вязать (случать) суку, дрессировщик должен подобрать кобеля-производителя. Было бы ошибочно, в данном случае, при подборе руководствоваться только заслугами кобеля на выставках и принимать во внимание его призы и награды. Здесь прежде всего должен быть поставлен вопрос **о выравнивании недостатков и о взаимном уравнивании отдельных признаков кобеля и суки.**

Так, например, если бы нам пришлось вязать низкорослую суку с одним из кобелей на выбор, причем первый имел бы высокий рост и имел бы 1-ю золотую медаль, но его отец или дед числились бы низкорослыми собаками, а другой кобель, имея малую золотую медаль, обладал бы также большим ростом и этот признак считался бы закрепленным за данными кровями, мы бесспорно предпочли бы нашу низкорослую суку спаривать со вторым кобелем (конечно, этот пример носит характер примитива).

Необходимо указать, что при подборах производителей с взаимно уравновешенными признаками необходимо уравнивать не только внешние признаки экстерьера (физические признаки), но в равной мере и признаки «психические», т.е. характер собаки. **Для служебной работы это явление (а у нас обычно мало обращают на это внимания, подбирая производителей только по экстерьеру), носит чрезвычайно серьезный характер,** и дрессировщикам зачастую приходится расплачиваться за неосмотрительность собаководов.

Лично мне кажется, что уравнивание «психических» признаков должно быть доминирующим, что на выставках **«служебных»** собак золотые медали должны даваться собакам, не только имеющим богатый экстерьер, но и с хорошими и полезными чертами характера. Возможно, что этот взгляд вызовет полемику, но за 10 лет работы он для меня вполне ясен и определен. Классический экстерьер – это лишь 40% хороших качеств служебной собаки.

Собаководу необходимо помнить, что гены (отдельные факторы наследственности) пороков, болезней и вообще всех отклонений от норм также передаются в потомство.

Рациональное спаривание в погоне за улучшением кровей данной породы может иметь массу различных комбинаций, но таковая постановка дела может быть проведена лишь при правильных записях в родословную книгу (студ-бук).

У нас, к сожалению, в деле применения служебных собак указанная книга хотя обычно и ведется, но носит скорее характер простой канцелярской регистрации, нежели «родословной книги» собаковеда и только опытные собаководы охотничьих пород ставят записи «студ-бука» на должное место.

Попутно мы коснемся вопроса и об унаследовании характеров. Этот вопрос в свое время занимал многих собаководов, причем одни высказывались лишь за возможность наследственной передачи внешних, физических признаков, а другие трактовали о передаче и психических признаков. При новейшей научной постановке вопроса, при материалистическом понимании «психологии», можно смело сказать, что и «характеры», являющиеся не чем иным как тончайшими механическими актами физиологических процессов, наследуются. Безусловно, в целях поддержания переданных по наследству отдельных «психических» признаков, как, например, злобы, чутья и т.п., таковые должны рациональными упражнениями (дрессировкой и тренировкой) поддерживаться как для эксплуатации этих признаков у данной собаки, так и дальнейшей передачи их в потомство.

Среди некоторых собаководов существует мнение о том, что при случайной вязке кобелем другой породы, сука начинает и в последующих пометах давать непородистых щенков. Этот взгляд, мы полагаем, ошибочен, ибо оставшееся семя данного беспородного кобеля к следующей вязке вовсе не останется в организме суки, а вопрос о переходе оставшегося семени в кровь собаки чрезвычайно сомнителен.

Другой вопрос, вызывающий также различные мнения собаководов, поставлен несколько глубже. В основу его поставлено мнение о недопустимости вязки суки с кобелем, находящимся в близких степенях родства (инбрид), так как такой процесс ведет к вырождению.

Опыт показал, что при таких вязках отдельные признаки (постольку, поскольку они унаследованы от одних и тех же кровей) закрепляются крепче, и при подборе производителей одних кровей это дает большую гарантию в передаче желаемых константных признаков новому потомству. Но злоупотреблять этим, безусловно, не следует, ибо при продолжительном применении этого способа поколения становятся слабее и вырождение дает заметные признаки.

При формировании растущего поколения исключительное влияние оказывает окружающая среда. Так, например, сосна, растущая в темном лесу, вытягивается кверху (приспособляемость). Собаководу, выращивающему молодое поколение, **особенно важно учесть влияние окружающей среды на растущий молодец, направив воспитание в желаемое русло** (см. отдел воспитания молодецка).

К сожалению, размеры этой книги не позволяют остановиться более подробно на процессах оплодотворения, работе сперматозоидов, на свойстве хромосом и т.п. биологических вопросах.

Для разрешения этих вопросов биологического характера, освещенных новым учением (генетикой), я отсылаю читателя к специальной литературе, имеющейся на книжном рынке в достаточном количестве.

Понятие об атавизме

Под этим названием находится так называемая запоздалая наследственность, когда новому молодому потомству передаются признаки отдаленных предков. Эти наследственные передачи бывают не только в области экстерьера, но и в передаче характеров и наклонностей.

Пустовка и вязка

Как только молодая сука достигает 7–8 месяцев у нее впервые наступает так называемая «пустовка», «течка» (менструация). Только в этот период и может быть произведена желаемая вязка, так как в другое время сука не допускает кобеля. Пустовка бывает два раза в год – приблизительно осенью и весной. Но сроки пустовки могут быть искусственно приближены и отдалены. Лучшим временем для вязки можно считать весну, так как родившиеся вначале лета щенки к осени будут достаточно уже развитыми и подготовленными к переносу холодного зимнего периода.

Осенняя вязка допустима лишь в том случае, если она нужна для суки, а родившихся щенков решено уничтожить. Характерными признаками наступления пустовки мы назовем такие: сука начинает быть чрезмерно живой, подвижной, играет с каждым кобелем и носится с ним, увлекая за собой, в это время половые органы начинают набухать и из них появляется кровотечение (сука «красится»). Такое выделение, разной силы у разных собак, продолжается обычно 9–11 дней (может быть и больше), после чего кровь пропадает и наступает выделение слизи. В этот-то последний период, сука начинает подпускать к себе кобеля, и в этот-то период и производится вязка сук.

Выделение слизи держится у сук разное время. После того, как и этот вид выделений прекращается, припухлость половых органов начинает спадать и суку (выделенную от кобелей в целях предохранения от случайной вязки) после 8–10 дней можно снова ставить в «выгулы» с кобелем.

Говоря о самом процессе вязки нужно указать, что для оплодотворения достаточно одной вязки, но среди собаководов обычно принято через 24 часа делать вторую, так называемую, «контрольную» вязку.

В вопросе о возрасте кобелей и сук нужно указать следующее: восемь-девять лет является предельным возрастом для суки, после чего роды проходят уже с опасностью для жизни суки или оплодотворение вовсе не происходит или, наконец, помет является слабым и болезненным.

Первая пустовка суки (7–8 месяцев), а иногда и вторая пропускается, так как сука в это время бывает еще не сформирована, вследствие чего помет будет болезненный, слабый, а возможно и не жизненный.

За последнее время усиленно будируется вопрос о желательной вязке сук в 1-го пустовку, поэтому необходимо осветить этот вопрос несколько подробнее.

При каждой пустовке деятельность нервной системы сильно повышается, сука беспокоится, суетится, становится легко возбудимой, зрачки расширяются. Всем своим видом сука говорит о сильно повышенной нервной деятельности всего организма. Неповязанная (неудовлетворенная) «отдержанная» сука остается излишне нервной, что отражается на ее работе – вот основная причина желательности вязки в первую пустовку.

«Отдержанная» сука очень часто в дальнейшем страдает неправильностями дальнейших пустовок (сроков краски и т.д.).

Правда, при первой пустовке организм суки еще не достаточно сформирован и щенки могут быть не нужны (слабы, болезненны и т.д.); в таком случае их надлежит уничтожать, но сука, испытав процессы материнства, будет работать с нормально действующей нервной системой.

Кобель, допускаемый к случке, должен быть старше суки, во всяком случае не моложе двух, двух с половиной лет (кобели формируются позднее нежели суки).

Возрасты суки и кобеля при вязке желательны, примерно, следующие:

	Суки	Кобели	
	1 ? лет	3–4 лет	
	3 лет	4–5 лет	
	4 лет	5–6 лет	
Перелом жизни	5 лет	5–6 лет	Перелом жизни
	6 лет	5–6 лет	
	7 лет	4–5 лет	
	8 лет	4–5 лет	

Во время вязки, в силу особого устройства половых органов, между кобелем и сукой происходит так называемое «склеивание», причем вяжущиеся собаки, не разъединяя половые органы, становятся друг против друга, головой в разные стороны, продолжая стоять в таком положении около 20 минут, после чего напряжение половых органов слабеет и

собаки расходятся. Здесь необходимо предостеречь, начинающих дрессировщиков, что даже при случайных, внеплановых, вязках разнимать склещенных кобеля и суку ни в коем случае нельзя.

В некоторых случаях готовая для вязки сука не подпускает к себе кобеля. Тогда наступает момент вмешательства дрессировщика, который одной рукой удерживает суку и не допускает другой рукой ее посадки.

Помощь может быть даваема лишь в крайних случаях – вообще помогать кобелю и суке не рекомендуется, так как имеют место случаи, когда возбуждение кобеля пропадает, благодаря какому-либо неловкому движению и дотрагиванию помогающего.

За последние годы возник вопрос об искусственном оплодотворении, но размеры книги не позволяют коснуться этого крайне интересного вопроса.

Щенность

После того, как сука повязана, через 63 дня (обычно) она щенится. К этому времени она должна быть подготовлена к выкармливанию щенков.

Эта подготовка заключается в больших ежедневных прогулках, недопуска суки к ожирению, в примешивании к ее пище щепотки фосфорно-кислой извести для образования более устойчивого костяка щенят и в улучшении ее питания.

За неделю до ощенения сука отсаживается в особо отгороженное (отдельное) тихое место, без яркого света в специально устроенный просторный ящик с соломой.

При начале родов сразу можно определить, будут ли они трудны или нет. Обычно, при первом щене и особенно при рождении первого щенка, роды трудны и сопровождаются сильными болевыми ощущениями.

Щенки рождаются в количестве 1–2 и до 15. Оставлять их под сукой рекомендуется не более 5–6 (смотря по выносливости суки), другие же щенки или подлежат уничтожению (незаметно для суки сейчас же после рождения), или подсаживаются к другой суке «кормилице», предварительно уничтожив щенков последней.

Сука сама prepares себе место в ящике и самое лучшее не беспокоить ее во время родов, изредка наблюдая их нормальный ход. При рождении щенка сука сама обчищает его и отгрызает пуповину.

Возможны случаи, что при отгрызании пуповины показывается кровь, тогда сука начинает быстролизывать, растравляя ранку еще больше, и при виде увеличившегося выделения крови в состоянии психического аффекта съедает щенка. Если ее в этот момент не остановить и не успокоить, сука может уничтожить и весь помет.

После родов суке можно дать легкой манной кашицы на молоке и оставить на диете на 2–3 дня.

Во все время выкармливания, как равно и в последний месяц перед ощенением, пища суки должна быть улучшена дачей молока и мяса.

Щенки рождаются слепые. Прорезка век обычно бывает на 10–14 день. В это время они никоим образом не должны попадать в яркие полосы света.

Щенки сосут мать, обычно, до 6 недель и если истощение матери не заметно, то их можно оставить еще недели на две. С каждым днем щенки делаются все сильнее и настойчивее, – лезут к матери, царапая соски уже сильными лапами. В таком случае на день щенят отрывают от матери и питают отдельно, вначале теплым, разбавленным и подслащенным молоком, а затем и жидкой манной кашей, кормя их до 6 раз в день. После недельного срока подсадки суки к щенкам на ночь, ее совершенно прекращают допускать к щенкам.

Для того, чтобы оттянутые соски суки приняли бы прежнюю форму, их смачивают водой и уксусом.

В тех случаях, когда нужно обрезать хвост, таковую операцию, лучше всего, производить на 6–7 день после рождения, не всем щенкам сразу, дабы сука могла былизать ранку. Что же касается обрезки ушей, то таковая производится на 5–6 неделе.

После того, как щенки приняты от матери, начинается их самостоятельное детство, в период которого идет закалка их организмов с общим девизом: больше света, воздуха, движения и питательного корма.

К воспитанию и обучению молодых щенков переходят на 6–7 месяце.

Содержание, кормление и уход за собаками

Выбор места и устройство питомника. Перед тем, как приступить к оборудованию и устройству питомника, собаковод должен выбрать его местоположение. Здесь, прежде всего, необходимо учесть необходимость наличия следующих желательных факторов: 1) отсутствие сырости (особенно, если кроме обучения рабочих собак на питомник будет возложено и разведение собак), 2) нахождение реки или озера недалеко от питомника, 3) большой, в несколько десятин, участок земли, 4) наличие леса, кустарников, полей, необходимых для производства занятий, 5) желательна близость стрельбища или полигона, 6) желательна близость какой-либо строевой части (возможно, не создавая отдельного хозяйственного аппарата, довольствоваться у близлежащей части), 7) близость станции, 8) близость поселка и 9) нахождение на отведенном участке достаточного числа построек, пригодных для приспособления их под питомник.

Вот, приблизительно, и все условия, кои желательно иметь при организации дела. К этому можно добавить и желательную близость бойни (для довольствия собак).

В зависимости от состояния и плана имеющихся строений их можно или приспособить под питомник или нужно выстроить ряд специальных зданий.

Мы не будем здесь говорить о количестве комнат и о размерах помещений – это стоит в зависимости от количества штатных единиц, потому мы просто перечислим необходимые здания и кратко укажем их необходимое устройство: 1) канцелярия, 2) амбулатория, 3) классы, 4) общежитие, 5) кухня, 6) столовая, 7) читальня и ленуголок, 8) цейхгауз, 9) кухня для собак, 10) кладовая довольствия собак, 11) ледник, 12) конюшня, 13) коровник, 14) сарай для сена, 15) экипажный сарай, 16) кладовая для спец. инвентаря и учебн. имущества, 17) питомник (помещение для собак), 18) выгулы, родильня, 19) щенятник, 20) манеж для зимних занятий. Карантин с амбулаторией (должен быть расположен не менее, как в 0,5 км от питомника). Изолятор с амбулаторией (должен быть расположен не менее 1 км от питомника).

Что касается помещений общего характера, то о них говорить не приходится, ибо они оборудуются применительно к таким же помещениям любой воинской части.

Помещения же специального характера должны быть следующими:

Питомник (помещение для собак) и выгулы желательно строить отдельными домиками на 4 клетки с 4 выгулами, причем эти домики должны быть расположены на расстоянии друг от друга не менее как в 50 шагов. Таковая распланировка служит хорошим залогом предотвращения массовых заболеваний инфекционными болезнями.

Но это устройство чрезмерно дорого, а кроме того, при наличии изолятора, а также карантина и не имеет такого значения. Поэтому можно клетки построить в одном общем здании с коридором и выгулами.

Все здание рекомендуется делать бревенчатым, со вторым деревянным несколько наклонным полом (в общем коридоре пол рекомендуется оставлять асфальтовый или цементный со стоками, первый пол также асфальтовый с наклоном).

Двери клеток должны выходить в общий коридор. Размеры каждой клетки приблизительно таковы: ширина 2 м длина 2,75 м, высота 3 м (крыша может быть односкатной). Внутри каждой клетки рекомендуется иметь разборную (на петлях) будку со съемной крышей. Размеры будки 1х1,75 м, вышина 1 м.

Сама будка стоит на ножках на высоте 20 см от пола. (В походе и на маневрах такие разборные будки, но более легкой конструкции, ставятся в большой палатке.) Входное

отверстие в будку зимой может быть загорожено висящим мешком, причем собака быстро осваивается в этой обстановке и самостоятельно отодвигает мешок для входа и выхода из будки.

В питомнике необходимо иметь достаточно дневного света, поэтому на каждую клетку, в среднем должно приходиться по окну размером 0,5–1 арш.

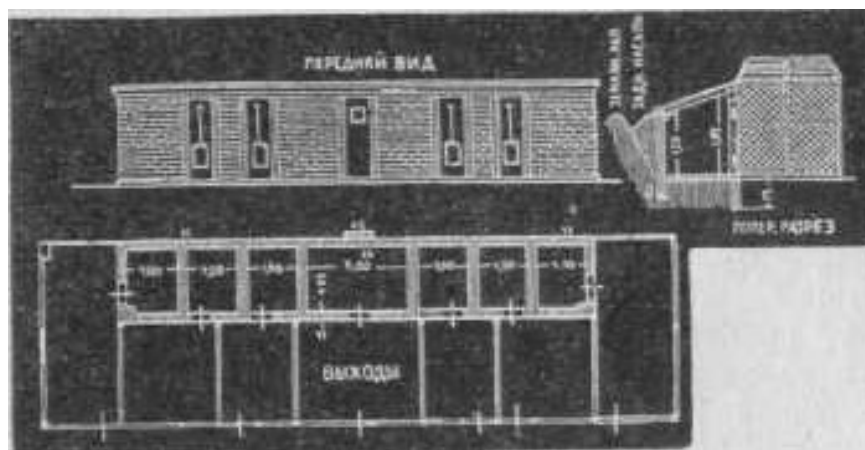

Рис. 21. Примерный план постройки питомника (рисунок взят из книги Р. Герсбах).

Печи в питомнике можно не делать при устройстве внутри клеток вышеуказанных будок и при том условии, если здание будет рубленным и хорошо конопаченным. Внутри будки при самых сильных морозах будет всегда больше 0°.

С другой стороны здания устраиваются так называемые «выгулы». Они состоят из маленьких дворишков, обтянутых металлической сеткой. Ширина их должна быть как и клетка 2 м, а длина 4, а если возможно, то и 5 м. С соседним выгулом каждый выгул имеет досчатую, а не сетчатую перегородку, чтобы собаки не грызлись между собой. Высота этих выгулов 2,5 м.

Каждый из них имеет одну дверь со двора, дабы их можно было бы убирать, а кроме того, одну небольшую дверь в клетку. Выгулы служат для того, чтобы собака имела бы большую возможность находиться на воздухе, и не пачкала бы в клетке.

Весной, летом и осенью дверь из клетки в выгул всегда должна быть открыта.

Приблизительно, таким же условиям должен удовлетворять щенятник, карантин и изолятор, причем у последнего должно иметься рядом помещение (комната с плитой) для лица, ухаживающего за больными собаками.

Заканчивая этот примерный план, необходимо указать, что зачастую приходится не строить, а приспособлять имеющиеся здания, далеко не отвечающие нашим требованиям, в виду чего наш примерный план может указать те основные принципы, по которым должно вестись приспособление зданий.

Кормление. Правильное кормление играет одну из главных ролей в воспитании молодых собак и в поддержании здоровья собак вообще.

От разбавленного водой, подогретого и подслащенного молока, щенки, оторванные от груди матери, переходят постепенно к более густой пище, выражающейся сначала в манной каше, затем к ячневой, а затем и к мясному бульону и мясу, пропущенному через мясорубку. (В пищу таким щенкам рекомендуется прибавлять фосфорно-кислой извести по 0,2 чайной ложки в день и давать рыбий жир по 1 чайной ложке 2 раза в день.)

Лучше всего щенков кормить несколько раз, давая понемногу, нежели давать много и кормить 1–2 раза

Что же касается взрослых собак, то последние получают корм 2 раза в день, часов в 11–12 дня и 7–8 часов вечера.

Основным принципом кормления военных собак должен быть следующий: корм должен быть проще и приближаться к продуктам потребления в красноармейском пайке, это и должно быть взято за основу при выработке вопроса о корме.

Никогда не нужно кормить однообразным кормом, – он быстро приедается и собаки перестают его есть. Рекомендуется один раз в неделю давать исключительно растительную пищу.

Пища должна быть приготовлена в виде полугустого супа с мелконарубленным мясом (собаки почти не жуют мясо) теплая (но ни в коем случае не горячая). Полезно, иногда в пищу класть чеснок или лук, являющиеся предохранителями от глистов.

За последнее время в Москве появились галеты – рекомендуется употреблять в тех случаях, когда не представляется возможным снабжать собак горячим кормом.

Кормушки должны быть занумерованы и номера кормушек соответствовать номерам клеток. Пища в кормушках ни в коем случае не должна оставаться во избежание окиса. Дрессировщик обязан во время кормежки присутствовать и наблюдать за тем, как ест его собака. Сейчас же после кормежки, миски собираются и моются на кухне, после чего опрокидываются и сушатся.

Чашки с водой рекомендуется оставлять в клетке, меняя воду при утренней и вечерней кормежке (особенно летом). Котлы на кухне лучше всего иметь чугунные, вымывая их после каждой варки.

Уход за собакой. К уходу за собакой мы относим: содержание ее и ее помещения в чистоте, уход и наблюдение за шерстью и кожей, рациональное кормление и воспитание.

Как кавалерист должен убирать, чистить и следить за своей лошастью, так и дрессировщик военной собаки должен находиться в тех же условиях. В каждом питомнике, согласно утвержденному распорядку дня, дрессировщик производит все положенные работы, – мы не будем разбирать их отдельно, а укажем примерный распорядок дня и поясним цель и сущность указанных работ.

6–7 ч. Подъем и чай.

За это время дрессировщик встает, одевается, убирает постель, умывается и пьет чай.

7–8 ч. Уборка клеток и выгул собак. Дрессировщик отправляется в питомник и, выпустив собаку в выгул, убирает клетку, осматривая испражнения. Пол засыпается опилками, которые впитывают влажность, а затем метлой эти опилки, при тщательном подметании клетки, выметаются вовсе. Солома в будке или на лежанке собаки осматривается (обычно может меняться 2 раза в неделю – если же влажна, то меняется немедленно). 1 раз в неделю питомник моется швабрами, горячей водой с раствором креолина (дезинфекция). После того как клетка будет убрана, пол насухо вытерт, питомник проветривается, а дрессировщик, взяв щетку и гребенку, идет к собаке, находящейся в выгуле, и прежде всего

осматривает ее испражнения, затем шерсть, кожу и лапы (часто экзема бывает между пальцами ног). При наличии признаков заболеваемости, собака сейчас же уводится к ветврачу или ветфельдшеру, который в это время находится в амбулатории. Если же случаев заболевания не обнаружено, то собаку вычесывают гребнем (металлическим или деревянным), а затем щеткой (с твердой щетиной, очень хороши германские щетки с металлической щетиной); вначале против шерсти, а затем по шерсти. Весной же, в период линьки, при росте новой псовины, нужно особо тщательно вычесывать собаку.

8–10 ч. Практические занятия с собаками.

После сигнала, лица, участвующие в практических занятиях, инструктора и курсанты, взяв принадлежности для обучения, выстраиваются и отправляются на занятия, которые проводятся согласно программе и плану занятий.

10–10.30 ч. Кормление собак.

Придя с занятий, дрессировщик ставит собаку в клетку и идет получать уже разлитый и остуженный корм для собаки. Рекомендуется всегда опустить в миску руку и самому посмотреть, достаточно ли остыл корм и не особенно ли он холоден. Затем корм перемешивается и дается собаке. Дрессировщик при этом обязан наблюдать, как ест его собака, и находится около нее до тех пор, пока она не съест свою порцию. (Здесь же и может быть обнаружено заболевание собаки.) После еды чашка ставится на кухню для мытья.

10.30–12 ч. Теоретические занятия.

12–15 ч. Обед и отдых.

15–17 ч. Свободная проработка в лабораториях.

17–18.30 ч. Практические занятия с собаками.

18.30–19.30 Кормление собак (так же, как сказано выше) и выгул (15-минутная прогулка с собакой).

19.30–20 ч. Ужин дрессировщика.

Если клетки достаточно просторны, то мы рекомендуем сажать в них по две собаки (конечно, не грызущихся друг с другом). Это делает собаку более подвижной, жизнерадостной и не дает развиваться чрезмерной злости (лучше всего сажать кобеля и суку).

В жаркое время хорошо купать собак (не более 1–2 раз в день). Это освобождает от пыли и освежает собаку. В жару она скоро высыхает, при средней температуре лучше всего вытирать собак досуха самому.

В зимний период, в целях избежания накожных заболеваний, необходимо мыть собак (обычно с креолином и зеленым мылом). Но для этого нужно иметь безусловно жилое помещение или хорошо протопленный питомник и обязательно досуха вытирать собаку после мытья.

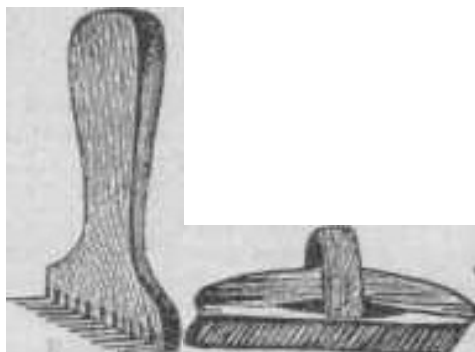

Рис. 23. Принадлежности чистки.

Для щенков рекомендуется иметь отдельно огороженные дворики, в которых бы они могли находиться все время дня. В эти дворики нужно обязательно поставить будки, дабы в случае ненастья щенки могли бы забираться в эти будки и оставаться там. Недалеко от

питомника необходимо соорудить барьеры, рвы и канавы с водой (гимнастический городок) для упражнений собак.

При выгуливании и занятиях с собакой нужно следить за появляющимся иногда ожирением собаки. В таких случаях, нужно уменьшить норму довольствия и усилить затрату ее энергии, путем увеличения времени тренировки.

Бойтесь изнежить вашу собаку, а потому приучайте ее ко всякой температуре и погоде. Без этого военная собака скоро превращается в комнатную и в обстановке реальной работы отказывается от исполнения.

ПРИМЕРНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ ДЛЯ ДРЕССИРОВКИ И УХОДА

Поводок короткий с карабином, кожаный
Поводок длинный с карабином, английского шпагата
Ошейник простой
Ошейник затяжной (он же парфорс – строгий ошейник)
Свисток двухтонный
Хлыст
Сумка для лакомства
Щетка
Гребенка
Миска
Миска для воды
Вьюк или седло для собак
Ярлык к ошейнику (имя собаки и часть)
Аппорт
Снаряжение вьючной или повозочной собаки
Намордник

Выбор военной собаки

Вопрос о выборе собаки, наиболее пригодной для работы в период военных операций, имеет, бесспорно, большое значение и должен быть рассмотрен с двух точек зрения: 1) с точки зрения выдвижения определенной породы, наиболее поддающейся обучению и наиболее приспособленной к указанным выше целям, и 2) с точки зрения выбора отдельного экземпляра. Говоря по первому вопросу, нужно прежде всего выяснить, какими качествами должна обладать военная собака.

Неприхотливость и выносливость должны занимать бесспорно одно из первых мест, затем последуют хорошо выявленные природные инстинкты (особенно для собак охранения, разведки, конвойных и караульных), затем необходимо отсутствие трусости, жизнерадостность, гибкость и быстрота в движениях. В отношении психического состояния военная собака должна быть податлива к обучению, не нервная, а также не тупа и не упряма по своему характеру.

Западные государства, уже много лет занимающиеся вопросами применения военных собак, заняты установкой и выводом определенной новой породы, наиболее пригодной для указанных целей. На основные породы, применяемые за границей, мы можем указать на немецкую овчарку, эрдель-терьера, мюнхен-шнауцера и, в меньшей степени, на доберман-пинчера.

Безусловно, чрезвычайно трудно выработать породу, пригодную для работы в равной степени и на наших северных окраинах и в жарких плацдармах Туркестана. Но, тем не менее, дело применения военных собак в нашем Союзе, с первых же лет своего развития, стоит

вплотную с вопросом о выведении специальной нашей породы и вот по каким соображениям: до сего времени, пока шли подготовительные работы экспериментального характера, все дело было в зачаточном состоянии и мы удовлетворяли наши потребности путем обращения к германскому рынку – этому мировому рынку собак, выписывая широко распространенные породы немецких овчарок, доберман-пинчеров и в единственных случаях эрдель-терьеров, но сейчас это нас удовлетворить ни в коем случае не может. Прежде всего, эти породы еще недостаточно акклиматизировались у нас в Союзе, а затем мы не можем базироваться в вопросе собаководства исключительно на зарубежных рынках, так как, кроме трудности доставки и дороговизны, почти невозможно рассчитывать на получение действительно классовых экземпляров (необходимых для разведения). В довершение всего, за последнее время, безусловно, замечаются и признаки вырождения породы немецкой овчарки. Коль скоро дело от опытов перешло к процессу широкого развития, нам требуются уже не десятки, а тысячи экземпляров и мы бесспорно должны уйти от зависимости германского рынка, с его недостаточно для нас акклиматизированными породами и дороговизной.

Научно-поставленные опыты выявят наиболее удобную для нас породу, но в настоящий момент наша ориентация, должна быть направлена на наших кавказских овчарок и наших северных лаек. Взяв в основу выносливость, неприхотливость и подвижность данных собак (последнее не относится к кавказским овчаркам) и приняв во внимание полную акклиматизацию их, мы можем рассчитывать в недалеком будущем уйти от германского рынка и работать исключительно на новых наших русских породах.

Пока в первые годы развития дела мы можем рекомендовать следующее распределение пород:

Караульная и конвойная служба – кавказские овчарки, южно-русские овчарки, немецкие овчарки и эрдель-терьеры.

Повозочная служба – лайки и ротвейлеры.

Служба связи – немецкие овчарки, эрдель-терьеры, мюнхен-шнауцеры и лайки.

Служба охранения и разведки – те же.

Санитарная служба – те же.

За последнее время некоторые товарищи поднимают вопрос о применении для военных целей наших беспородных дворняжек – этот вопрос не настолько прост, чтобы его совершенно обойти молчанием.

Нет никаких сомнений, что отдельные экземпляры могут легко поддаваться обучению и давать в работе прекрасные результаты, так же как и некоторые из беспородных лошадей могут, индивидуально, быть вполне пригодными для работы. Но, тем не менее, по отношению к лошадям госконнозаводство все же стремится к выравниванию породы, к урегулированию тех или иных отдельных признаков, и, улучшая породу, как таковую, ибо без этого мы, естественно, подойдем к совершенному измельчанию и вырождению породы. Мне кажется, что указанный выше нездоровый уклон может носить только индивидуальный характер и никоим образом не может перекинуться в общегосударственное увлечение «выведением породы беспородных собак».

Рассматривая вопрос о выборе отдельных экземпляров, нужно рассматривать его с четырех сторон: 1) возраст, 2) экстерьер, 3) здоровье, 4) характер.

О возрасте приобретаемой собаки. Лучшим возрастом для приобретения собаки нужно считать 5–6 месяцев, потому что: экстерьер в это время уже более или менее определен, характер еще не уравновешен и может быть соответствующим воспитанием направлен в желаемую сторону, организм несколько окреп и не так опасен для чумы, рахит в этом возрасте вполне выявлен, воспитание собаки только начинается и она быстро привязывается к дрессировщику. Кроме того, подходит время и для начала регулярных занятий по обучению приемам воспитательно-дисциплинарного цикла.

Об экстерьере приобретаемой собаки. Экстерьер определяется соответствующими указаниями породных признаков (специальная таблица) и в правильно и рационально

поставленном собаководстве требует серьезного и глубокого изучения, будучи возложенным на н-ка заводской части или на лицо, ведущее «студ-бук» (книгу родословных записей).

К указаниям общего характера можно отнести следующее: при приобретении собаки нужно обратить особенное внимание и не допускать:

- 1) провислости спины (слабость костяка – рахит);
- 2) рахит ног (искривление суставов);
- 3) опущенный зад;
- 4) чрезмерную узкогрудость;
- 5) чрезмерно наклонный постав передних и задних ног.

О здоровье приобретаемой собаки. Всякое приобретение собаки (перевод, покупка, передача щенка за вязку и т.п.) должно производиться в присутствии врача и свидетельствоваться актом осмотра. Особенное внимание должно быть обращено на общий вид собаки (нездоровая собака в большинстве случаев имеет болезненно-угнетенный вид), на температуру (при отсутствии термометра сухой и горячий нос собаки свидетельствует, до некоторой степени, о болезненном ее состоянии). Затем внимание должно быть обращено на глаза: помутнение, слезотечение и воспаление слизистой оболочки их – явление болезненное и подчас трудно, а то и вовсе неизлечимое. Кроме того, гнойные истечения из глаз бывают при чуме. В довершение всего, собака осматривается и в целях выявления кожных заболеваний.

Как на общее правило нужно указать, что вновь приобретенная собака не ставится сразу в питомнике, а выдерживается в карантине до 2–3 недель.

О характере приобретаемой собаки. Поскольку при приобретении собаки-производительницы главное внимание обращается на экстерьер, постольку при приобретении строевой собаки максимум внимания должно быть обращено на характер собаки.

Правда, опытный дрессировщик, беря собаку в том возрасте, когда возможна некоторая переработка характера, сумеет его выровнять и приспособить к требуемой работе, но основные черты характера почти не исправимы. Вот почему для строевика-дрессировщика (не для заводчика) основным вопросом является характер приобретаемой собаки. Нам не приходится говорить о научных способах определения характера, требующих спец. лаборатории, в условиях, возможно случайного приобретения собаки, можно применить простое наблюдение над тем моментом, когда собаку кормят. Для этого дрессировщик, еще «чужой» для данной собаки делает попытку отнять корм, наступая на собаку, должный ответ покажет основные черты характера данной собаки, общая же подвижность и жизнерадостность определяются отношением собаки к своему хозяину.

Выбор породы и собаки для служебных работ

Многолетними опытами, наблюдениями выдающихся кинологических обществ и отдельными авторитетными лицами установлено, что лучшими и больше всего пригодными породами собак для служебных работ, а именно военными, розыскными и обходно-сторожевыми собаками, являются собаки породы немецкой овчарки, доберман-пинчер, эрдельтерьер, мюнхен-шнауцер, ротвейлер и английской кровяной собаки. Последние две не имели испытаний у нас в СССР; породы эти почти совсем не распространены, а поэтому сказать что-либо определенное о них в данное время затруднительно, потому и в дальнейшем мы будем брать только три основные хорошо известные нам породы, а именно: немецкая овчарка, доберман-пинчер и эрдель-терьер.

Какую породу выбрать из них точно указать затруднительно. Для военной службы я рекомендую эрдельтерьера. Они труднее поддаются дрессировке, но будучи обученными бесконечно преданы, трудолюбивы и чрезвычайно выносливы; для защитно-сторожевой и обходной службы я рекомендую немецкую овчарку, приняв во внимание, что вообще

овчарки издавна несут сторожевые обязанности, а кроме того, овчарка, будучи длинношерстной, легче переносит холодное время. Что касается розыскной работы, то по розыску по следу можно рекомендовать немецкую овчарку и доберман-пинчера, а для возможной активной борьбы с противником, – лучше было бы применить немецкую овчарку.

В виду полного отсутствия в СССР, за чрезвычайно малым исключением, породы эрдель-терьер, на военной службе можно применять с успехом овчарок и лаек, причем для службы передачи желательнее, как я уже указал, применить эрдель-терьеров, немецких овчарок и лаек, для караульной службы по охране складов желательнее применять кавказских овчарок и южнорусских собак. Путем же опытов должны быть выявлены породы мюнхен-шнауцер для службы связи и ротвейлер для выючной службы и перевозки пулеметов.

Для всех разновидностей применения собак к военным, розыскным и обходно-сторожевым целям нужно выбирать собак указанных пород, средней величины, так как большие собаки малоподвижны, содержание их дорого, да их величина, разве только кроме выючных военных собак, и не нужна.

При вопросе выбора кобеля или суки, опять-таки существуют разные мнения. Лично я полагаю и рекомендую следующее: для военных целей выбирать, по возможности, кобеля, так как с суками много возни и перерыва в работе во времена течек; что же касается розыскной службы, то лучше сука, так как она больше и крепче привязывается к человеку, восприимчивей к дрессировке и чутье острее.

Разбирая вопрос о возрасте, лучшим нужно считать возраст в 4–6 месяцев. Слишком молодых приобретать не рекомендуется, в виду возможности ошибки в экстерьере, в способности к выучке с другой стороны – было бы желательным, чтобы щенок с самого молодого своего возраста был бы у одного хозяина, который затем воспитает, выдрессирует и будет работать с ним.

Что касается питомников и курсов, то лучшим возрастом для курсантов являются молодые собаки в 10–12 месяцев.

В вопросе о точных расовых признаках рассматриваемых пород нужно сказать, что они точно установлены для всех пород, разработаны в деталях кинологическими обществами и помещены отдельно. Здесь же мы указываем только некоторые принципиальные стороны при выборе собаки.

Для строевой работы могут быть допущены и некоторые погрешности в породе по расовым признакам, – это не так важно, но в производителях они недопустимы совершенно, так как, передаваясь по наследственности, могут способствовать к обесценению породы.

К разведению доберман-пинчеров в питомниках при массовом разведении, нужно отнестись в выборе особенно тщательно, в виду хрупкой и нежной организации этой породы и массового производства. Немецких овчарок нужно брать с густой и жесткой шерстью, так как при мягкой и редкой шерсти собаки быстро промокают и шерсть, долго держат влагу, уменьшает выносливость животного. Величина, как я уже сказал, лучшей является средняя.

Зубы должны быть белыми, крепкие, неповрежденные.

Что касается носа, то вопрос о цвете стоит на втором плане, – самое главное, чтобы нос был холодный и влажный, так как сухой и трескающийся нос указывает на катаральное состояние его. Нос, отделяющий слизь или гной, указывает на отголоски перенесенной болезни или даже существующей болезни.

На ушах при осмотре нужно обращать внимание на внутреннюю часть, нет ли там струпуев и гноя.

Глаза не должны быть мутные или с голубоватым отливом, а должны быть блестящие и живые.

Необходимо обращать внимание на передние ноги, а они должны стоять отвесно; всякое отклонение в стороны и утолщение в сочленениях указывают на наличие рахита (Английская болезнь). Правда, в некоторых случаях рахит может быть выравнен, но все же лучше от этого воздержаться при выборе собаки.

Лапы должны быть коротки и с плотно сложенными пальцами: в широко растопыренных пальцах легко застревают камушки, а зимой лед, что чрезвычайно беспокоит собаку.

Шерсть, по возможности, густая и грубая с большим количеством подшерстка.

Теперь придется разобрать **самый важный вопрос**, возникающий при выборе собаки, – это вопрос о ее психическом качестве.

При выборе нужно обращать главное внимание, чтобы собака была жизнерадостна, весела, храбра, с живым темпераментом. Взгляд ее должен быть прямым, открытым и ясным, хвост не опущен и уши не прижаты. Такими наружными признаками выражаются некоторые желательные психические качества. Чем живей темперамент, тем больше уверенности в успешности дрессировки. Собака с вялым, равнодушным взглядом – глупа и не годится. Также непригодны трусливые удирющие собаки. Собаки, поджимающие хвосты даже во время еды, будут трусливы, фальшивы, хитры, лукавы и нервны. Щенки, бросающиеся на всех и храбро лающие – желательны, ибо путем дрессировки из них выйдут хорошие служебные собаки. Трудно при выборе составить представление о чутье, но собака, принюхивающаяся к земле, где стоит спрятавшийся хозяин и вообще что-то нюхающая на земле, дает некоторую уверенность в удачном выборе.

Также вполне естественным является, что при массовом разведении собак в питомнике будет больше погрешностей, чем у частных собаководов и потому при выборе единичных экземпляров можно рекомендовать принять это указанное к сведению.

Экстерьер наиболее распространенных пород

Немецкая овчарка

Из всех пород собак, применяемых для служебных целей, одной из самой усовершенствованной и отвечающей всем требованиям нужно считать немецкую овчарку. В этой собаке сочетается: быстрота движений, выносливость, злобность, великолепный слух, тонкое чутье, острое зрение, наблюдательность, привязанность, преданность хозяину и инстинктивная способность ориентировки.

Точных данных о происхождении овчарки нет. По материалам исследователей, прародители овчарки появились в Европе впервые в бронзовый период. Появление их совпадает с расширением овцеводства и земледелия, именно в то время, когда благодаря постепенному росту засеянных полей стала ощущаться потребность в собаках не только как в охранителях стад от хищников, но также и в качестве ближайших помощников по пастыбе стад, не давая стадам топтать засеянные поля.

Предположение, что прародителем овчарки бронзового века был какой-либо европейский волк, по мнению проф. Богданова, не совсем точное, так как бронзовая культура проникла в Европу извне и поэтому правдоподобней предположение, что овчарка произошла от какой-либо азиатской формы волков. Такой формой, по исследованиям некоторых ученых, мог быть индийский волк, встречающийся, кроме Индии, также в восточной Персии.

По рассказам жителей, эти волки имеют обыкновение, собравшись стаей, сгонять диких коз в какое-нибудь удобное для ловли место, и, возможно, что этим инстинктом и воспользовались наши предки. Развивая его в желательном направлении, они добились того, что собаки-овчарки, выведенные из волков, постепенно превращались в хороших сторожей стад.

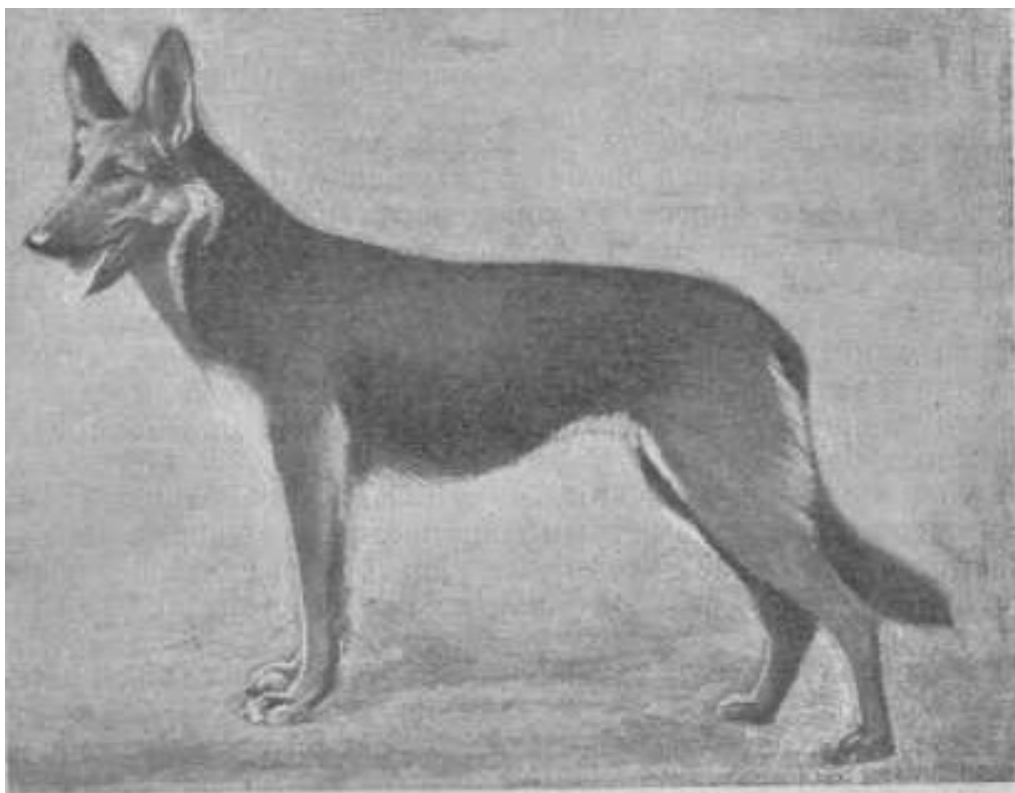

Рис. 24. Немецкая овчарка.

На протяжении сотен лет, немецкая овчарка являлась незаменимым спутником человека, охраняя его скот и имущество.

Культивируется эта порода для служебных целей в Германии с 1896 г. Большое участие в развитии и улучшении породы принимает Всегерманский ферейн (общество) немецкой овчарки.

Крепкое мускулистое тело, острая морда, с приподнятыми ушами. По общему виду напоминает волка. Таков общий вид овчарки.

Рост строевой собаки-кобеля от 60 до 67 см, а суки от 55 до 63 см.

В настоящее время немцы культивируют крупных овчарок, достигающих до 70 и более сантиметров вышины.

Подобные собаки слишком тяжелы, неуклюжи и мало подвижны, что отражается на быстроте и успешности работы, в особенности при сильной жаре. Кроме того, такая высота представляет противнику значительную цель; собаки ниже 55 см в росте не обладают достаточной физической силой.

Голова пропорциональна величине туловища, сухая, умеренно широкая между ушами. Длина головы от затылочного бугра до холки равняется длине от затылочного бугра до конца носа, а длина от затылочного бугра до бровей равна длине от бровей до конца носа. Лоб спереди немного выпуклый и имеет слабо обозначенную борозду в середине. Верхняя часть головы переходит (если смотреть сверху) в лоб и оканчивается клинообразной заостренной длинной и сухой мордой. Морда сильная, губы не отвислые, сухие, плотно сжатые и близко прилегающие. Нос прямой, параллелен удлинённой линии лба. Зубы крепкие, плотно прилегающие друг к другу.

Уши средней величины, у основания широкие, высоко посаженные, стоящие острым концом кверху и вперед. Встречаются полустоячие и отогнутые уши, которые для строевой собаки не играют важной роли, но все же стоячему уху следует давать предпочтение.

У щенков немецкой овчарки (4–6 месяцев, иногда и старше) уши не стоят, а висят.

Глаза средней величины, миндалевидные, не выпуклые, темные. Взгляд живой, умный, с выражением недоверия к чужим.

Шея крепкая, с хорошо развитыми мускулами, средней длины. Обычная длина шеи равняется длине всей головы от конца носа до затылочного гребня (соколка). В возбужденном состоянии собака ее высоко поднимает, обыкновенно же держит прямо.

Туловище – длина туловища на 5–7 см больше роста собаки (или на 10–12% более высоты), а объем груди больше на 5–7 см длины туловища собаки. Грудь достаточно широка. Ребра плоские, низко опущенные, достигающие до локотков, живот втянутый, спина прямая и сильно развитая.

Собака с короткой спиной и длинными ногами не годится для службы.

Круп длинный и слегка покатый. Бедрa широкие и сильные.

Хвост пушистый, достигает скакательного сустава и образует иногда на конце загнутый на бок крючок.

В спокойном состоянии собака держит его вниз, в виде изогнутой линии, а при возбужденном – поднимает вверх. Не допускается, чтобы овчарка держала хвост прямо и дугой над спиной. Встречаются естественно короткие хвосты, но для разведения такие собаки не годятся. Искусственно срезанные хвосты недопустимы.

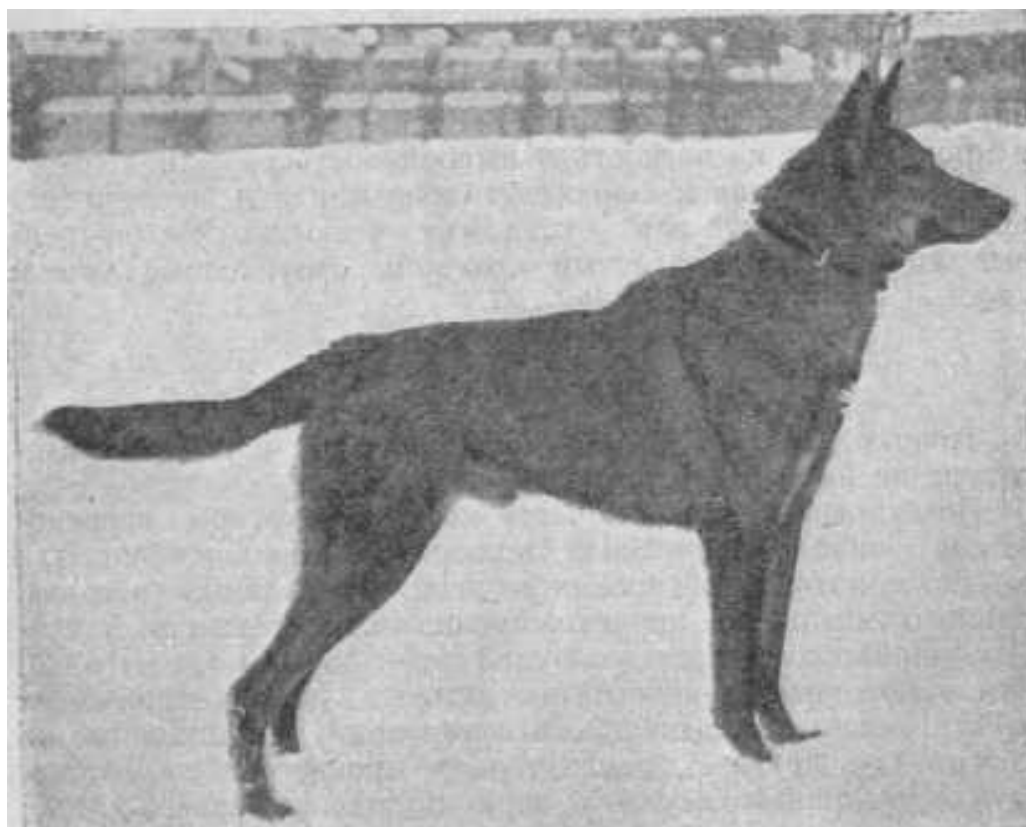

Рис. 25. Немецкая овчарка.

Передняя часть – плечи длинные и косо поставленные, нижняя часть мускулистая, лапы прямые.

Задняя часть – толстые части ног, широкие с крепкими мускулами, бедра довольно длинные и косостоящие к голени. Скакательный сустав крепкий.

Лапы округлены, короткие и сомкнутые, подошвы твердые, ноги короткие и крепкие, чаще всего темной окраски, на задних лапах встречаются волчьи когти, которые портят походку собаки и поэтому подлежат удалению вскоре после рождения собаки.

Шерсть и окрас – по шерсти собаки разделяются на три группы: короткошерстные, иглошерстные и длинношерстные.

Основной слой шерсти (подшерсток) овчарки, за исключением черного окраса, всегда светлый.

По окрасу овчарки бывают: черные, темно-серые, светлосерые, каштановые, рыжие, темные с коричневыми подпалами или черные на сером, желтом или светло-коричневом фоне с соответствующими более светлыми пятнами.

Примечание 1. Встречаются овчарки с белым пятном на груди и на ногах.

Примечание 2. Окончательная окраска щенков определяется, лишь после того как образовался верхний слой волос.

Недостатки овчарки: короткое или хрупкое телосложение, длинные ноги при короткой спине, грубое строение тела и проч. влияет на легкость и выносливость собаки.

Короткая, тупая и слишком слабая морда и челюсти (неправильный прикус или «бульдожья» челюсть). Растопыренные лапы. Хвост загнутый крючком, отрубленные уши и хвост.

Эрдель-терьер

Точных сведений о происхождении этой породы в литературе не имеется.

По строению черепа и части костяка некоторые исследователи относят родоначало терьеров к дикой собаке, так называемой торфиной, времен швейцарских свайных построек. Единого мнения о происхождении эрдель-терьеров у старых кинологов и исследователей этой породы мы не находим. Некоторые из них считают, что эта природа произошла от скрещивания старо-английского терьера с французским; по материалам других, эрдель-терьер произошел от «оттер-гаунд» (выдровые собаки) и черно-подпалого терьера.

Современные кинологи Германии считают, что эрдель-терьер является продуктом скрещивания «бэк-энд-тен-терьер» (английский терьер) с «оттер-гаунд».

Из материалов майора английской армии Ричардсона, известного кинолога-знатока этой породы, видно, что эрдель-терьер произошел от скрещивания «оттер-гаунд» со старинной формой, в настоящее время выродившейся, шотландского терьера.

Описывая старо-шотландского терьера, Ричардсон подчеркивает его симметричное сильное телосложение, жесткую длинную шерсть, смелость, упорство и прочие физические качества, напоминающие эрдель-терьер.

Что касается чутья, то это качество эрдель-терьер унаследовал от феноменального чутья «оттер-гаунд», которое постепенно развивалось у него в связи с применением этой породы для охоты.

Родиной эрдель-терьера является долина реки Эйр в Англии, где на протяжении сотни лет эрдель-терьер применялся для охоты за водяными хищниками.

У некоторых семейств эрдель-терьера, в особенности немецких заводов, заметна кровь буль-терьеров. Скрещивание это, по-видимому, было предпринято любителями для заглушения охотничьих инстинктов этой породы с целью применения таковой для сторожевой службы.

Для служебных целей эрдель-терьер впервые был применен Ричардсоном в Англии. Превосходные служебные качества, а главное выносливость его, заставила обратить внимание заинтересованных ведомств и заводчиков Англии, которые усиленным культивированием создали отличную собаку.

Эрдель-терьер представляет по своему строению вполне симметричную собаку (туловище собаки образует правильный квадрат), очень мускулистую, сильную. Обладает чрезвычайно развитым чутьем и большой храбростью. Темперамент умеренный, резвый. Благодаря своей густой и жесткой шерсти, она очень вынослива и с успехом применяется как на юге, так и на севере.

Эрдель-терьер благодаря своей понятливости, преданности проводнику и отваге, является незаменимым защитником человека.

Голова: череп плоский и длинный, но очень широк от уха, около глаза суживается, не образуя однако складок. Лобная часть почти не очерчена, щеки худые, не слишком толстые и мясистые. Морда длинная, крепкая и широкая, спереди тупая. Губы тесно прилегающие и не отвислые. Уши напоминают римское «у», широко посаженные, сбоку узки и верхней

внутренней стороной прилегают к глазу. Нос черный, глаза маленькие, темные, невыпуклые и очень выразительные. Зубы крепкие, ровные и не выдающиеся вперед. Длина носа от конца до середины пространства между глаз, равная длине всей головы от середины пространства между глаз до конца черепной кости. Объем морды равен длине головы от конца носа до конца черепной кости.

Шея умеренной длины и толщины, расширяющаяся по направлению к плечам, затылок мускулистый.

Туловище: грудь глубокая, но не широкая. Плечи длинные и косо поставленные. Плечевая кость плоская, высота плеча 55–62 см. Спина короткая и прямая, упругая, ребра округленные.

Задние ноги: ляжки, бедра, голень – крепкие, сильные и мускулистые. Коленная чашка округленная. Хвост прямой, не загибается на спину и обрезанный.

Ноги и лапы: ноги прямые с сильными когтями. Лапы сильные, небольшие, нераспущенные, с невывернутыми ни во внутрь ни наружу крепкими подошвами. Пальцы сводистые и близко примыкающие друг к другу. Ноги черные или коричневые.

Шерсть жесткая, не длинная и не косматая. Шерсть должна плотно прилегать и хорошо покрывать туловище и ноги.

Верхняя часть головы и уши почти гладкие.

Окраска: голова и уши светло-желтые, за исключением темных пятен с обеих сторон черепа, шея, грудь и живот тоже, уши темные, туловище черное или покрыто темными подпалинами.

Перечисляя недостатки эрдель-терьера, надо указать, что у него слишком длинная спина, голова с широкими щеками и слабо развитыми челюстями, плохо поставленные ноги, плохо посаженные уши, мягкий и волнистый волос, светлый подпал и прочие отклонения от приведенных выше признаков.

Доберман-пинчер

Доберман-пинчер является очень популярной породой среди любителей, и можно с уверенностью сказать, что вряд ли можно найти такой город в Европе и Америке, где не было бы представителей этой породы.

Элегантность форм и тонкость линии гармонично сочетаются в этой породе с хорошо развитой мускулатурой и ловкостью, а наличие острого чутья, наблюдательности и злобности позволяют использовать эту породу в теплых климатических условиях для служебных целей.

Доберман-пинчер – сравнительно молодая порода. Лесничий Доберман на протяжении двадцатилетия культивировал эту породу, скрещивая, как полагают, главным образом, гладкошерстного пинчера с овчаркой. Несмотря на то, что опыты свои Доберман производил в 60-е годы прошлого столетия, никаких точных следов о происхождении этой собаки нет. Отто Геллер из Апольда, один из выдающихся кинологов и авторитетный исследователь доберман-пинчеров, пришел к заключению, что в развитии породы доберман-пинчеров принимал большое участие и ротвейлер.

Предположения Геллера подтверждаются новейшими исследователями и тем, что еще и в настоящее время ротвейлеровская кровь встречается в родословных доберман-пинчеров. Не отрицается это предположение и современными кинологами, хотя последние считают, что больше всего способствовала созданию породы доберман-пинчеров кровь французской овчарки («бушерон»). Вследствие своей чистокровности порода «бушерон» значительно влияла на развитие кровного потомства доберман-пинчера, который своими типовыми признаками сильно напоминает эту породу. Название «бушерон» овчарка получила от местности Бушерон, плоской равнины между Парижем и Орлеаном. Овчарки эти сопровождали армию Наполеона I в Германию и остались в ней в частности в г. Апольде – месте службы Добермана, после отступления французской армии.

Доберман-пинчер – среднего роста, квадратной формы, сильный, мускулистый, но не грузный, с легким и свободным движением. По темпераменту живой, быстрый.

Рис. 26. Доберман-пинчер (старый тип).

В глазах чувствуется ум, смелость и недоверчивость к посторонним.

(Рост классного кобеля 64–66 (допускается до 70) см., а суки 60–63 см.)

Голова должна в своих размерах стоять в правильном соотношении к корпусу. Она должна по виду сверху казаться сухой и растянутой, а смотря со стороны – напоминать тупой клин. Верхняя часть головы должна быть плоской, а лобовая линия направляться с живым наклоном к переносице, щеки плоские, пасть полной и сильной, челюсти плотно сжатыми, зубы развиты. У собаки, имеющей высоту плеч 58–60 см, объем головы – 40 см, а длина – 24–26 см.

Глаза темно-коричневые, средней величины и миндалевидной формы, с умным и энергичным выражением.

Уши хорошо поставленные, средней величины, остро отрезанные и наклонно вперед, в стоячем положении.

Шея в меру длинная и сухая, с сильно развитой затылочной частью и выгнутым загривком.

Туловище: спина крепкая и короткая. Холка ясно выступающая. Круп легко округлен. Грудь полная, но не широкая. Грудная клетка хорошо развита и достающая глубоко до локтей. Живот хорошо подтянут и образует с грудью красиво изогнутую линию. Высота собаки равняется ее длине. Хвост коротко обрезан, не длиннее, чем 10 см.

Передние ноги: лапы должны идти прямо от ножных суставов; плечевая кость образует с лопаткой, по возможности, прямой угол. Плечо крепкое, прикреплено к туловищу с хорошо показанной мускулатурой.

Задние ноги: бедренная кость широкая и хорошо развитая. Мускулатура сильно выражена. Берцовая кость образует не очень тупой угол с корнем ноги. Если смотреть сзади, ноги должны быть прямо поставлены, допускается небольшая выпяченность.

Лапы короткие, сомкнутые и хорошо выпуклые.

Высота плеч: кобели 60–70 см, суки 55–65 см.

Шерсть короткая, гладколежащая и жесткая. Серый подшерсток допускается, он не должен быть замечен через верхнюю шерсть.

Окраска черная, коричневая или голубая с ржавчатыми резко-очерченными подпалами. Для особо выдающихся собак допускается на груди белое пятно.

Недостатки у доберман-пинчера следующие: тяжеловесность или борзоподобное строение, сильно баранья голова, большой лобный выступ, слишком изогнутая переносица, короткая или длинная морда, слишком большие выпуклые, маленькие или круглые светлые глаза, глубоко или плохо посаженные уши, короткая шея, длинный или косопадающий круп, крутое или негодное плечо, мягкие кости ног, узкие или мало мускулистые конечности, или кривой постав задних ног.

Тяжеловесные или жидкие плечи, мягкий и волнистый волос.

Светлый подпал и слишком много белого на груди или около зубов.

С сожалением приходится отметить, что за последние годы, вследствие чрезмерного увлечения и стремления частных заводчиков и любителей Германии придать этой породе утонченную элегантность и тонкость линий, порода эта постепенно перекультивируется и лишается своих природных ценных качеств; погоня за борзообразной мордой и усиленное кровосмешение в разведении этой породы чревато серьезными последствиями, граничащими с вырождением.

Современный доберман-пинчер, в массе, из служебной собаки превращается в комнатную лежебоку. Чрезмерная нервность, трусость и проч. психические ненормальности, в дополнение к отсутствию необходимой выносливости, нужно думать, заставили и некоторые государственные питомники Германии отказаться от массового использования этой породы. Если принять во внимание, что доставка этой породы из Германии к нам всегда сопровождается заболеваниями, которые, несомненно, оставляют соответствующие следы и отражаются и на работоспособности собаки, то придется сделать вывод, что в наших климатических условиях эта порода для служебных целей мало применима.

Рис. 27. Доберман-пинчер (новый тип).

Собака приобрела более элегантные формы, имеет значительно вытянутую форму головы. Чрезмерная элегантность портит собаку, мешая ее работе в реальных условиях обучения и применения.

В настоящее время доберман-пинчер-ферейн принимает все меры к приостановлению этого нездорового явления, которое вкоренилось в умах заводчиков, любителей изящных и утонченных доберманов, и будем надеяться, что эти меры принесут должные результаты. Обстоятельство это должно послужить предостережением основной массы наших любителей, которые в силу того, что слабо знакомы с экстерьером и особенностями этой породы, могут допустить массу непоправимых ошибок.

Ризен-шнауцер

Ризен-шнауцер, или как его называют «мюнхен-ризен-шнауцер», принадлежит к так называемым породам «трайб-хунде», т.е. сторожевым собакам, охраняющим, главным образом, стада. Родиной этих собак является южная Германия. Ризен-шнауцер отличается от обыкновенного «шнауцера» своей мощностью, силой и ростом. Из материалов «ризен-шнауцер»-ферейна видно, что родословную свою эта собака ведет от дикой собаки, предком которой был волк.

Дальнейшее развитие этой породы проходит под влиянием постоянного скрещивания, приручения и использования ее по охране скота кочующими племенами. Так создавались породы «трайбхунд», к которым и нужно отнести «ризен-шнауцер». Слово «мюнхен», как предполагают, к этой породе пристегнуто потому, что в этой области впервые начала применяться и культивироваться эта порода, отсюда распространилась по всей Германии.

Ризен-шнауцер представляет по своему строению крепкую, мощную, с хорошо развитой мускулатурой собаку. Спокойствие и неустранимость соединяются в нем с выносливостью, резвостью, быстротой и безграничной преданностью своему хозяину. Он обладает довольно развитым чутьем и восприимчивостью.

Густая шерсть дает ему возможность переносить всевозможные климатические условия. Одной из отличительных черт этой породы является: быстрота бега, живость, подвижность и гибкость в движениях.

Голова: мощная и вытянутая пропорционально корпусу. От ушей к глазам и от глаз к носу постепенно уменьшается. Щеки мускулистые, но не выдающиеся. Предлобье выделяется ясно обозначенными бровями. Морда образует умеренно притупленный клин и украшена жесткими усами и бородой. Плоско изогнутая носовая кость идет в своем протяжении прямо, удлинение ее средней линии должно быть параллельно линии лба. Нос черный, полный и не слишком маленький. Нижняя часть сильная, не выдающаяся ни вперед, ни назад, губы плотно прилегающие. Зубы крепкие с сильными клыками. Уши высоко поставленные, не слишком короткие, правильно обрезанные. Глаза темные, кругло овальные, не слишком большие и не выпуклые, с живым и умным взглядом, оттененные хорошо развитыми, косматыми бровями.

Шея крепкая, не слишком короткая, красивого очертания. Затылок мускулистый и слегка изогнутый.

Туловище не бочкообразное, кажущееся сбоку несколько сдавленным, а в задней части подтянутое. Мускулатура крепкая. Спина короткая, не слишком широкая, крепкая, жилистая, прямая. Живот слегка подтянут. Грудь полная, овальная и широкая. Плечи косо поставленные, с плоскими мускулами, высота их равна 55–66 см.

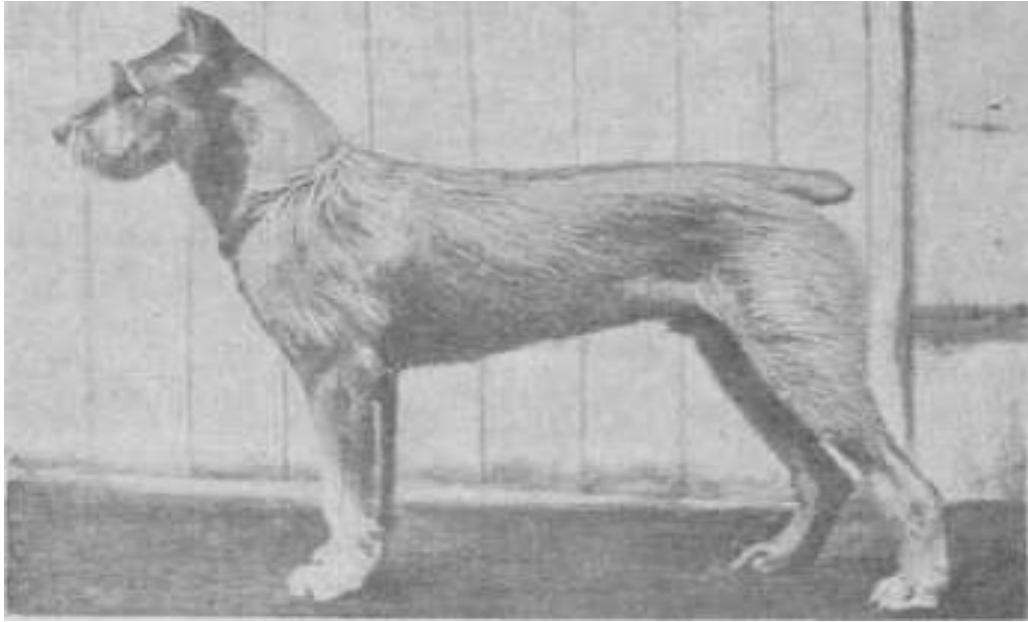

Рис. 28. Ризен-шнауцер. Чрезвычайно подвижная и выносливая собака.

Ноги лежат в параллельной плоскости одна к другой, сильные и мускулистые и правильно поставленные. Хвост высоко посаженный, стоящий кверху и хорошо обрезанный.

Лапы небольшие, сильные, круглые, со сводистыми близко прилегающими пальцами. Ногти темные.

Шерсть: густая и жесткая, встречается и косматая. Шерсть хорошо прилегает к туловищу.

Окраска темно и светло – серебряная. Предпочитается совершенно черная.

Перечисляя недостатки Ризен-шнауцер, надо указать на следующие: неуклюжее и длинное строение; низкие и слишком длинные ноги; круглая лапа, короткая шея и длинная голова, выдающиеся челюсти, сильно выдающиеся щеки, плохо поставленные ноги или обрезанные уши, слишком светлые глаза, неуклюжая шея, отвислый подбородок, покатые плечи, слишком длинная шерсть, белые и бледные цвета шерсти.

Ротвейлер

Ротвейлер следует отнести также к семейству «трайб-хунд», сторожевых собак, охранявших в древности пастбища и имущество кочевых племен.

Ротвейлер является одним из древнейших собак Германии; его типичность выявлена еще в период владычества древнего Рима. Родиной этой собаки является город Ротвейль в Баварии. Во время своих завоевательных походов и владычества в Германии, римляне ввели обычай обрезания хвостов как один из видов культивирования собак. Вместе с тем среди римлян существовало поверье, что благодаря этому молодые собаки предохраняются от бешенства. Суеверие это передалось и покоренным народам и, таким образом, распространяется обычай обрезать хвосты. В последующие годы Ротвейлер применялся как «бегляйтс-хунд» сопровождающим.

Сила и мощь этой породы, соединенная с добродушием и преданностью человеку, заставили обратить на нее внимание немцев, которые упорным трудом и постоянной культивировкой выработали служебную собаку.

В настоящее время эта порода в Германии вырождается. Встречается она преимущественно в Баварии.

Ротвейлер представляет по своему строению собаку выше среднего роста, крупную и мускулистую. Его пропорциональная, коренастая и мощная фигура свидетельствует о большой силе и выносливости. В его спокойном взгляде видно добродушие и непоколебимая

преданность. Во всем его существе нет ничего беспокойного, злого и торопливого. Он обладает недурными чутьевыми задатками и восприимчивостью.

Голова средней длины, череп между ушами широкий в линии лба; если смотреть со стороны, несколько выгнутый. Предлобье хорошо выражено. Задняя головная кость развита, но не выдается заметно. Щеки очень мускулистые, но не выдающиеся. Скулы резко выражены. Прямая носовая кость не слишком длинная, от переносицы к носу не длиннее, чем верхняя часть головы от головной кости до предлобья. Нос хорошо развитый, скорее широкий, чем круглый, с соответствующей величины ноздрями, всегда черного цвета. Губы черные, плотно прилегающие, постепенно спадающие к углу рта, не очень сильно выдаются вперед. Зубы крепкие, глаза средней величины, темно-карие, взгляд прямой и добродушный. Веки прилегают плотно. Уши маленькие, треугольные, возможно широко расставленные и не закинутае назад.

Шея мощная, круглая и широкая, очень мускулистая, вырастающая из плеч слегка выгнутой затылочной линии, без заметного подгрудка.

Туловище: грудь объемистая, широкая и глубокая. Спина прямая и крепкая, скорее короткая, чем длинная. Бока едва заметно втянуты. Круп короткий и широкий, не покатый. Плечо длинное, хорошо поставленное. Предплечье сильно развитое и мускулистое. Высота плеч у кобеля 60–68 см, а у сук 55–65 см, но всегда пропорциональна общему телосложению.

Ноги крепкие и не слишком узко поставленные. Верхняя ляжка короткая, широкая, очень мускулистая. Нижняя ляжка, длинная, сверху очень мускулистая, снизу жилистая и крепкая. Хвост короткий, высоко посаженный, собака должна его нести горизонтально.

Лапы круглые хорошо закрытые и невывернутые. Подошвы твердые, ногти темные, короткие и крепкие. Задние лапы чуть заметно длиннее передних.

Шерсть короткая и жесткая. На передних и задних ногах, а также и на хвосте – несколько длиннее и плотнее прилегающая.

Окраска черная, с резко очерченными подпалами красно-коричневого цвета на щеках, морде, груди и ногах и над каждым глазом. Допускаются небольшие белые пятна на груди и животе.

Недостатки Ротвейлера следующие: хрупкое и неуклюжее телосложение, низкие или слишком длинные ноги; узкое строение тела, длинная голова, плоская лобная часть, т.е. слишком заметное предлобье; длинная шея, острая морда; покатая или выгнутая носовая кость, открытые губы; слишком глубоко посаженные ногти, искривленные пальцы и провислая спина.

Русские овчарки

Русские овчарки по строению черепа и костяка и прочими внешними признаками грубо могут быть разделены на два типа – южно-русскую, которая у нас распространена в черноземных губерниях, а некогда по всей Западной Европе и Закавказскую (многих разновидностей), часто встречаемые на Северном Кавказе, Закавказье, Туркестане и имеются в обильном количестве в Турции и Персии.

Южно-русская овчарка по своим типичным признакам напоминает старо-немецкую длинношерстную овчарку Южной Германии, немецкую шафиудель из Вестфалии и старофранцузскую и старо-английскую овчарку; несомненно была к нам завезена извне.

Это – породы, очень давно подвергшиеся постепенному вырождению на Западе, и их место заняли другие породы, а у нас в стране эта порода постепенно вырождается и к концу XIX века сохранилась в самом незначительном количестве у крупных овцеводов южной области и Кубани и то за чистокровность их поручиться нельзя было.

Кроме того, хорошие экземпляры этой породы сохранились в имении «Аскания Нова» б. Фальц-Фейна на Украине, которые во время империалистической и гражданской войны частью были уничтожены и частью исчезли.

Рис. 28а. Шотландская овчарка (Колли).

По материалам наших исследователей, южно-русская овчарка была к нам ввезена из Германии вместе с мериносовыми овцами, которые приобретались нашими овцеводами для улучшения своих стад. Благодаря своим прекрасным природным качествам эти собаки быстро стали распространяться среди овцеводов. Охранять «отары» овец в сотни и тысячи голов от двуногих и четвероногих врагов, следить, чтобы стадо не разбежалось, загонять его с пастбища домой, предупреждать пастуха о появлении волка, – всю эту сложную работу можно было проделать исключительно благодаря наличию этих собак.

Отличительные признаки южно-русской овчарки, по материалам наших кинологов, следующие:

Крупный до 70 см рост, суки ниже; длина туловища несколько больше высоты, грудь широкая, плечи длинные, затылок сильный, спина прямая, круп приподнят несколько, ноги прямые, умеренной величины с несколько согнутой линией к лапе, лапы большие, сильные, с крепкими подошвами, пальцы близко примыкают друг к другу, хвост длинный и мохнатый. Голова, благодаря густо покрытой шерсти, по внешности кажется широкой и короткой, в действительности, череп у нее длинный и узкий. Глаза большие, темного цвета, нос хорошо развитый, широкий с соответствующей величиной ноздрями, всегда темного цвета, брови, усы и борода резко не выделяются, уши средней величины, полувисячие, почти совершенно прикрыты шерстью, шерсть длинная и густая. Окрас преимущественно белый и серо-грязный, встречается и темный. По характеру злой, с живым темпераментом, смел и недоверчив к посторонним, очень вынослив, хорошо развит слух и острое чутье.

Кавказская овчарка

Материалы о происхождении кавказской овчарки чрезвычайно скудны. По некоторым источникам, настоящая форма кавказских овчарок относится к разновидностям, так называемым турецким бездомным собакам «Пари», оставшимся у нас тысячами после завоевания Кавказа.

Под влиянием обстановки и действий человека, полудикая кавказская овчарка, жившая стаями и питавшаяся отбросами и падалью, превратилась в очень ценную и полезную сторожевую пастушью собаку. Несмотря на наличие ряда разновидностей среди кавказских овчарок, последние по своему строению очень мало отличаются друг от друга.

По зоологическим признакам родоначальники кавказской овчарки относятся иностранными и отечественными исследователями к подтипу собаки Иностранцева, которая характеризуется несколько напоминающим догообразным строением черепа, прочным сложением тела, свисающими ушами и сильно развитыми средней величины ногами.

Применение этих собак человеком насчитывается веками. Поручик турецкой армии Нури Халил в исторической части своего наставления о применении служебных собак приводит ряд характерных случаев применения собак в турецкой армии. В частности, большую пользу принесли эти собаки турецкой армии во время походов 1769–1774 гг., где последними с успехом пользовались для охраны обоза, лагерей и мест отдыха бойцов.

Благодаря своей чуткости, выносливости, физической силе и злобности кавказская овчарка оказывает незаменимую услугу населению Кавказа по охране садов, жилищ, виноградников, оберегая вместе с пастухами стада, являющиеся в некоторых районах главнейшими источниками существования населения.

Для военных целей кавказские овчарки с успехом могут быть применены к караульной службе. По злобности и физической силе отличаются: курдская, татарская и армяно-турецкая разновидности.

Независимо от разновидности кавказская овчарка по своему строению представляет собою собаку выше среднего роста, крепкого сложения с хорошо развитой мускулатурой. Желательный рост кобеля от 68 до 75 см: суки 62–68 см.

Ее несколько удлиненное мощное туловище свидетельствует о силе и выносливости. Злобность, настороженность, остро развитый слух, хорошее зрение, неразборчивость в пище при наличии густой непроницаемой шерсти, – позволяет использовать эту собаку без особенных материальных затрат, для всех видов караульной и сторожевой службы, независимо от климатических условий.

Голова догообразного строения, средней величины. Предлобье хорошо выражено. Длина черепа от линии бровей до затылочного бугра равняется ширине черепа между корнями ушных раковин. Длина черепа от затылочного бугра до конца носа равняется длине шеи от затылочного бугра до холки.

Щеки мускулисты, скулы резко выражены. Нос хорошо развитый, широкий, с пропорционально величине его ноздрями, черного цвета. Губы плотно прилегающие. Зубы крепкие, глаза средней величины, карие, темно-карие и редко встречаются темно-серого цвета. Злые.

Уши обрезанные, либо свисшие треугольником, широко расставленные.

Шея мощная, хорошо развитая, круглая.

Длина туловища от лопаточного плечевого сочленения до седалищного бугра на 4–8 см длиннее высоты холки. Грудь широкая и глубокая. Объем груди за холкой на 2–6 см больше длины туловища.

Круп широкий и несколько покатый. Плечо и предплечье сильно развитое и мускулистое. Хвост длинный, преимущественно носится кольцом вправо и влево, реже серпом или вниз, в виде изогнутой линии. Ноги средней величины, крепкие, прямые, не слишком узко поставленные и очень развитые. Лапы сильные, круглые, подошвы твердые, ноги темные и крепкие.

Шерсть длинная, жесткая, густая.

Окрас темно и светло-серый, рыжий, желтый, чисто белый без подпалов и с подпалами и отметинами, разных цветов и оттенков на голове, груди, спине и ногах.

Сибирская лайка

Точных исследований о происхождении северной остроухой собаки, которую охотники называют «лайкой» и которая столь разнообразна по своим внешним и служебным качествам, не имеется. Несмотря на обилие материалов исследователей севера, описывающих совершенство лайки, на множество статей в издаваемых крупных журналах довоенного времени «Природа и охота» и др., ни в трудах известных лайковедов: Сабанеева, Ширинского-Шахматова, Дмитриевой-Сулема, сведения о происхождении лайки чрезвычайно скудны.

Ширинский-Шахматов, который, несомненно, являлся большим знатоком северных собак и трудами которого должны будут пользоваться молодые исследователи, рассматривал

лайку не как породу, а как группу разновидностей, существующих в таком же количестве, сколько существует инороднических племен на севере, причем разновидности эти, по его мнению, настолько отличаются внешними признаками и каждая в отдельности обладает настолько установившимися и присущими ей особенностями, что деление их этнографически не может вызвать каких-либо споров и разногласий. По мнению многих лайковедов, северная остроухая собака происходит от собаки и волка. Ширинский-Шахматов в корельской лайке видит примесь волка, а в самоедской – кровь песца. Дмитриева-Сулема допускает и кровь лисицы. (Все эти мнения о происхождении лайки субъективны, так как серьезному научному исследованию не подвергались.

Проф. Боголюбский на основании научного исследования – изучения черепа – относит самоедских лаек к типу «торфяной собаки», найденной впервые в швейцарских свайных постройках. Признаки этого черепа, по проф. Боголюбскому, следующие: малый размер, в котором основная длина не превосходит 140 мм, черепная коробка выпукла, мускульные прикрепления выражены слабо, рыло короткое, заостренное, профиль вогнутый, длина мозгового черепа больше чем лицевого.

К типу собаки Иностранцева, найденной в отложениях окрестностей Ладожского озера и описанных Д.Н. Анучиным, проф. Боголюбский также относит группу северных собак: эскимосских, ездовых и лаек.

Признаки черепа: основная длина его выше 170 мм (он менее высок в мозговой части, чем у торфяной); теменной гребень развит сильно, рыло впереди заметно суживающееся, с широкими округленными носовыми отверстиями, лицевая часть заметно отграничена от мозговой, лоб широкий и сильно вдавлен по средней линии.

Рис. 29. Лайка.

Исследования проф. Боголюбского отчасти совпадают с материалами известного немецкого кинолога Ф. Стефаница, напечатанными им в виде общей родословной о происхождении собаки. В 7-м издании «Deutscher Schafer Hund im Wort und Bild», который родоначальников северных собак относит к волку и в дальнейшем через собаку Иностранцева, благодаря всевозможным скрещиваниям, к настоящему типу северных собак.

Описывая наружные типичные стороны лайки, Ширинский-Шахматов разбивает их на две группы; к первой группе относятся лайки: зырянская, финно-корельская, вогульская, черемисская, остяцкая, тунгусская, вотяцкая, норвежская, бурятская, сойотская; вторая группа: лапландская и самоедская; Дмитриева-Сулема к этой группе относит и белую оленеводную лайку.

Так как все же приходится рассматривать лаек по этнографическому делению, то нужно думать, что все эти разновидности с течением времени достаточно смешались между собой, что, конечно, на служебных качествах отразиться не должно было, в виду постоянной и непрерывной служебной работы.

По назначению и использованию лайку можно подразделить на четыре группы: 1) ездовые (нартовые), 2) оленегонные (полярная), 3) зверовые (по крупному зверю) и 4) охотничьи (по мелкому зверю и птице). Такое деление не является случайным и несколько не связано с экстерьером собаки, а зависит от прирожденных качеств и способностей данной разновидности, а также бытовых условий окружающего населения.

Лайки независимо от столь многочисленной разновидности одарены ценными служебными качествами. Сметливость, тонкое чутье, прекрасный слух и зрение, злобность и физическая сила делают ее незаменимым помощником туземного кочевого населения, добывающего себе пропитание охотой и скотоводством.

Среди животных отдельных племен лайки играют первенствующую роль и многие семьи при гибели своих собак обречены на вымирание, так как лайка является одним из важнейших орудий, добывающих пропитание семье.

Благодаря своей выносливости и густой шерсти лайка менее подвержена заболеваниям и может независимо от суровых климатических условий непрерывно нести разнообразные виды службы.

Пригодность отдельных разновидностей лаек для служебных целей – служба передачи, сторожевое охранение, караульная служба, служба передвижения и т.д. не вызывает сомнения. Ряд опытов применения этих собак на службе в РККА дали положительные результаты.

Несколько слов о стандарте лайки. Точно установленного стандарта лаек нет. Все встречающиеся разновидности лаек правильнее всего объединить под общим названием – северо-остроухих собак, что и предлагается нашими исследователями. Что касается наименования «лайка», то таковое вызвано лишь типичным для всех разновидностей собак севера звонким и чистым лаем.

Примерный стандарт северо-остроухой собаки следующий: ниже средней величины туловище, хорошо развитая грудь, крепкие ноги, голова напоминает волка или лисицу, стоячее ухо, острая морда, карий, несколько косой разрез глаз, густая шерсть, преимущественно одноцветный окрас, встречается темная спина, несколько светлее голова, с подпалами, отметинами на спине, груди и ногах.

Рис. 30. Лайка (снимок сделан с чучела лайки).

К сожалению, мы имеем слишком мало опыта на работе лаек. Получаемые госпитомником экземпляры лаек обычно ниже среднего качества в силу целого ряда обстоятельств. Необходимо увеличить наше внимание на эту породу вплоть до отправки междуведомственной экспедиции за хорошими экземплярами лаек, а именно – сильными рослыми собаками, обладающими быстрым темпом работы и выносливостью.

Заключение

Резюмируя все изложенное в этой книге, можно прийти к определенному выводу: собака безусловно является одним из вспомогательных средств при ведении современной войны. Будучи верным и полезным боевым товарищем-помощником, она облегчает, а иногда и замещает, при несении тяжелой боевой службы, работу бойцов и тем сохраняет их силы и энергию для ведения дальнейшей борьбы.

Несколько ранее мы указали, что в армиях западноевропейских государств уделяют самое серьезное внимание постановке дела применения военных собак и уже широко использовали их полезную работу в период империалистической войны 1914–18 гг.

Революционный Военный Совет Красной армии выявил необходимость снабжения современной армии военными собаками: и в 1923 г. создал первичные ячейки этого нового дела в Красной армии. (Впервые в Красной армии этот вопрос был поднят мною в 1920 г. в б. Всеросглавштабе через Ленингр. военный округ.)

Для предстоящего развития и усовершенствования этого дела необходимо, чтобы все дальнейшие надстройки при расширении его производились на строго научных основаниях, планомерно и применительно к требованиям современной тактики и реальным возможностям СССР.

Мы должны изучить современную постановку и опыт работы в западных государствах, а также учесть все полезное и применимое у нас. Но было бы печально, если бы мы ограничились только этим и в дальнейшем пошли лишь по линии подражания.

Необходима такая постановка дела, чтобы у нас, применительно к особенностям Красной армии и нашей современной действительности, производилась своя самостоятельная, самобытная проработка.

Для того, чтобы она пошла успешно, следует: 1) при расширении первичных ячеек дела строго учесть все возможности, правильно распределить функции работы и рационально поставить самый процесс организации этого дела, 2) внедрить в самую толщу Красной армии и всего населения СССР сознание полезности и необходимости развития дела применения военных собак.

Полагаю, что это может быть достигнуто при помощи нижеследующих мероприятий:

1) Чтобы поставить дело на строго научную почву, необходимо при Центральном учебно-опытном питомнике-школе военных собак РККА организовать специальный опытно-исследовательский отдел с зоопсихологическим и анатомо-физиологическим отделениями, по образцу Германии, в которых должны производиться всесторонние исследования и опыты как над собаками немецких пород, так и над чисто русскими породами и метисами.

Учитывая большую стоимость германских собак, трудность их доставки, а в военное время и невозможность ее, нам необходимо широко поставить исследование русских собак и отобрать из них годные породы для несения службы военной собаки. В случае обнаружения недостатка у русских подходящих пород каких-либо, необходимых для успешной работы, качеств, следует усилить их путем скрещивания с теми породами германских собак, которые обладают сильно развитыми соответствующими качествами.

2) Следующей важной задачей означенного питомника-школы является подготовка – научно и практически – знающих дело инструкторов, которые могли бы правильно поставить дело и им руководить на местах.

3) Кроме того, центральный питомник должен иметь в своем составе лучших собак и снабжать производителями различных пород округа, причем породы собак должны соответствовать климатическим условиям округа.

4) Окружные питомники-школы должны вести подготовкой инструкторов и собак для снабжения ими частей войск, причем для несения службы охранения, разведки и караульной, не требующих особо сложной дрессировки, так как принципы этой работы заложены во врожденных инстинктах собаки, последние могут быть приобретены и из местных русских пород собственным попечением частей войск. Обучение же их должно производиться под руководством опытных научно-подготовленных инструкторов.

Многие, под влиянием французской идеи, считают, что военная собака должна быть использована исключительно для несения службы связи, но разбор тактического применения военных собак выяснил возможность более широкого применения собаки. В будущем опытные исследования покажут, чье мнение справедливо.

5) Необходимая популяризация дела разведения и применения военных собак среди Красной армии и населения может быть проведена:

а) изданием специальных брошюр и научных трудов, освещением этого вопроса на страницах периодической печати, организацией популярных лекций, бесед и демонстраций кинофильмов,

б) устройством выставок, состязаний и публичных демонстраций работы военных собак,

в) придачей, из окружных питомников, военных собак, к территориальным частям при проведении ими учебных сборов,

г) широким поощрением как государственного, так и частного собаководства.

При этом все пригодные для военных целей собаки должны быть взяты на учет, а владельцы их за рациональное разведение и дрессировку надлежит премировать.

В виду сравнительной ограниченности бюджета СССР и, в силу этого, невозможности ассигнования значительного кредита, необходимого для расширения этого нового дела, было бы желательно, для привлечения к работе и материальной помощи широких масс населения, организовать Всесоюзное общество друзей служебной собаки, сделав его одной из секций Осоавиахима.

Почти во всех частях Красной армии при ротах, эскадронах и батареях были и есть собаки, которых красноармейцы любили и прикармливали, разделяя с ними во время военных действий последний сухарь.

Но это была бессознательная привычная дружба. Если же красноармейцы осознают всю пользу, которую им может принести правильно-обученная военная собака, то их дружба перейдет в более прочную привязанность, и они начнут смотреть на собаку, как на своего надежного боевого товарища-помощника.

Раз такой взгляд привьется, то, при наличии правильной организации и постановки дела, а также широкой помощи населения, дальнейший успех развития дела будет обеспечен.

Учитывая потребность армии в военных собаках в количестве не меньшем 10000 экземпляров и учитывая то обстоятельство, что Германия, этот мировой рынок собак, выпускает за границу сравнительно небольшое количество классных экземпляров, а также учитывая и то, что в некоторых местностях Германии, благодаря рыночной горячке, большому спросу и ажиотажу, благодаря широкому развитию экспорта, собака стоит на грани начала вырождения, которое частично уже и начало свое разрушительное действие, — мы стоим перед необходимостью создания своей русской породы. К этому имеется целый ряд твердо обоснованных предпосылок.

Пусть пройдут годы наших опытов, породы создаются десятилетиями — но мы стоим на твердом пути.

Как первый эксперимент, мы берем курс на сибирских лаек и на кавказских овчарок.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Краткие сведения о болезнях собак Исследование больной собаки

Дрессировщику, имеющему непосредственное наблюдение над собакой, необходимо хотя бы в общих чертах быть знакомым с основами анатомии и физиологии собаки, а также и с заболеваниями ее.

Нужно сказать, что правильно поставленный уход за собакой и рациональное содержание ее является безусловно главнейшим предупредителем заболеваний собаки, и понятия о гигиене собак, в самом широком смысле этого слова, должны быть хорошо известны дрессировщику, имеющему на руках собаку. Но, тем не менее, бывают такие обстоятельства, при которых, несмотря на самый лучший уход, болезнь все же приходит и дрессировщику первому приходится встречаться с нею, так как он, непосредственно ухаживая за собакой, должен первым заметить ненормальности в ее поведении и заявить об этом врачу. Надо помнить, что продуктивность лечения и исход болезни находится в прямой зависимости от своевременного лечебного вмешательства, от выяснения причин заболевания и от немедленного устранения их. Поэтому мы и начнем наши краткие сведения по ветеринарии с порядка первых наблюдений дрессировщика за заболевшей собакой.

Типичными признаками заболевания обычно являются следующие: потеря жизнерадостности, вялая и шаткая походка, поджатый хвост, 2) помутнение или, наоборот,

особенно лихорадочный блеск глаз, 3) отказ от пищи и от даваемого лакомства, 4) поскуливание, 5) ненормальные испражнения, понос или часто повторяющиеся безрезультатные потуги к испражнению, 6) рвота, 7) горячий сухой нос, 8) лежание собаки на одном месте и нежелание вставать и идти на воздух, 9) неприятный запах изо рта, 10) гнойные истечения из носа и из глаз, 11) потеря блеска шерсти и т.д.

При всех перечисленных выше явлениях, дрессировщик должен немедленно вызвать ветеринара, а если этого нельзя сделать немедленно, то, все же вызвав его, усилить свое наблюдение за поведением собаки, с целью выявления более точных симптомов (признаков) заболевания. Последнее очень важно, так как, прежде всего, собака не расскажет, где и что у нее болит, а потому определение болезни собак затруднительно и часто поставить сразу диагноз бывает очень трудно, если не невозможно. Вот почему нужно хорошо и точно объяснить врачу установленные наблюдением признаки болезни.

Температура взрослой собаки считается нормальной, если она не превышает при покойном состоянии $38,5-39^{\circ}$, пульс же колеблется между 70–80 ударами, у щенков несколько больше (80–120), а у старых собак несколько меньше. Пульс можно прощупать, слегка надавив пальцами большую артерию, проходящую по внутренней стороне бедра, что же касается измерения температуры, то обычно для этого пользуются максимальным термометром (есть специальные ветеринарные термометры из толстого стекла, удобной формы). Самый процесс измерения температуры таков: предварительно термометр встряхивается, чтобы ртуть упала, а затем конец его смазывается каким-либо жиром и термометр осторожно вводится в прямую кишку собаки; по прошествии 5–7 минут вынимается. (Термометрируется собака 2 раза в день, утром и вечером.)

После того как врач определит болезнь и назначит лечение, уход за больной собакой и дача ей соответствующих лекарств обычно возлагается на дрессировщика (об уходе мы скажем несколько ниже).

Лучшими способами дачи лекарства являются следующие: порошки закатываются в масле и в виде шарика вкладываются в разжатую пасть, после чего пасть закрывают и удерживают рукой. Жидкие лекарства обычно дают так: морду собаки несколько поднимают вверх и угол рта оттягивают не открывая зубы, в это время помощник с ложки или на воронке выливает жидкость в уголок между зубами и оттянутыми губами собаки. После этого морду собаки необходимо подержать поднятой вверх еще некоторое время. Применяя втирания, шерсть выстригается – очень хорошо надевать попонки, которые предохраняют от слизывания и от снятия повязок.

Рис. 31. Дача лекарства.

Уход за больной собакой

Правильно поставленный уход за больной собакой значительно повышает процент выздоровления, особенно при таких заболеваниях, как чума, для лечения которой радикальных методов пока нет.

Основные указания по уходу необходимо получить от врача, пользующего собаку, и отнюдь не отступать от его инструкций.

Конечно, уход может быть хорош тогда, когда и общие условия для него будут вполне удовлетворительны. Одним из первых условий является помещение. Оно должно быть сухим, светлым, 12–15°C, теплым и хорошо вентилируемым.

Вторым условием является корм, каковой, если не было особых указаний врача, должен быть наиболее питательным, не однообразным, не отягощающим желудок.

Ухаживая за больной собакой, дрессировщик должен выгуливать ее (если разрешено врачом), что особенно важно при выздоровлении. В этих случаях рекомендуется во время прогулки не утомлять собаку ни дальностью расстояний ни слишком сильной игрой.

Мы позволим себе лишь очень кратко коснуться основных признаков и основных способов лечения наиболее часто встречающихся заболеваний, отсылая читателя по всем более глубоким проработкам вопросов ветеринарии к специальным трудам, имеющимся в печати.

Во всех случаях заболевания рекомендуется обращаться к врачу, самому же прибегать к лечению можно лишь в исключительных случаях.

Болезни собак

Раны. При сильном кровотечении применяются: кровоостанавливающее средство (холодная вода, раствор квасцов, раствор полторахлористого железа).

При ранении конечностей, таковые перетягиваются в месте, выше ранения, в целях предохранения от излишней потери крови.

Раны промываются дезинфицирующим раствором (карболовая кислота 3%, креолин, лизол, сулема 1х1000), затем смазываются йодом и бинтуются.

Необходимо смотреть, чтобы собака не сняла повязку.

При серьезном ранении нужно вызывать врача.

Небольшие ранки смазываются йодом, припудриваются йодоформом, ксероформом и т.п.

При гноящихся ранах, принявших язвенный характер, необходимо смазать их ляписом или оживить ранку выскабливанием. Последнее нужно предоставить врачу.

Ушибы. На ушибленные места (опухоли при сильных ушибах) ставят согревающие компрессы или припарки, которые своим действием оживляют кровообращение, после чего опухоль обычно рассасывается.

При сильных опухолях и нагноениях нужно обращаться к врачу.

Экзема. Экземой, в широком смысле слова, называются кожные заболевания вообще и перечислять всех видов ее мы здесь не будем, ограничившись изложенными ниже только формами, вызываемыми животными паразитами (клещи). Наружные признаки обычной формы экземы сильное покраснение кожного покрова, затем образование пузырьков, пустул и струпьев, – собака в пораженных местах испытывает сильный зуд и чешется, в большинстве случаев экзема появляется на спине, голове и конечностях собаки. Причиной появления, обычно, является плохой уход за собакой: мокрая, долго неубирающаяся подстилка (солома), оставление в клетке мокрых опилок, отсутствие ухода за шерстью и кожей и т.п. Чаще всего заболевают экземой взрослые собаки.

Во время экземы кожа собаки становится чрезвычайно чувствительной к минимальным раздражениям ее. В некоторых случаях образовавшиеся гнойные пузырьки лопаются, откуда вытекает гнойная жидкость, которая засыхает слоевидной коркой, при всем этом, обычно, наблюдается сильное выпадение волос в пораженных местах.

При отсутствии должного лечения, экзема переходит в хроническую форму.

Во всех случаях экземы необходимо обратиться к врачу для правильного диагноза и назначения лечения, так как начальные признаки при всех формах кожных болезней часто весьма сходны, и точный диагноз, обычно, требует микроскопического исследования.

Как на предохранительные меры можно указать на вычесывание собак, купанье их, своевременное удаление паразитов, а главное, на содержание помещений собак в чистоте и сухости, частую смену соломы и на отсутствие мокрых опилок. 1 раз в неделю следует делать теплые ванны (глицериновое, а не зеленое мыло); при лечении необходимо не позволять расчесывать пораженные места.

Лечение: йодная настойка пополам с глицерином. Большие пораженные участки ежедневно смазываются смесью окиси цинка с растительным (лучше прованским) маслом 1:3 или 1:5. При сильном зуде добавляют туда 3–5% ментола. Мокнущую экзему 2 раза в день присыпают смесью окиси цинка (20–25%) с крахмалом, тальком или танином. При хронической форме – собаку остричь, применяя втирание дегтярных линиментов (напр.: деготь 10 г, креолин 5 г, спирт винный 100 г) с последующими ваннами.

Чесотка. Вызывают эту болезнь так называемые чесоточные клещи, которые, проникая под верхний слой (эпидермис) кожи, делают там по пути своего движения ходы, сильно размножаются и вызывают своими движениями сильный зуд. Собака непрерывно расчесывает кожу, все время беспокоится, организм ее изнуряется.

В виду изнурения организма, при лечении чесотки должно быть увеличено и улучшено питание больной собаки. Чесоточные паразиты могут переходить на человека. Наружные признаки заболевания таковы: вначале появляются красные небольшие пятнышки, которые затем переходят в пузырьки, последние лопаются, оставляя на кожном покрове мокрые места, быстро засыхающие и образующие серо-желтые корки. На пораженных местах волосы выпадают, кожа на этих местах утолщается и образует складки, собака от истощения худеет. Точный диагноз ставится путем микроскопического исследования.

Чесотка – болезнь, как и многие накожные болезни вообще, чрезвычайно заразная и требует безусловного выделения больной собаки и тщательной дезинфекции клетки, будки и т.п. Все, что можно, как например: подстилку, нары и пр. лучше всего сжечь. Собака остригается, пустулы выдавливаются, кожа обмывается водой с зеленым мылом, после чего производится втирание указанного выше дегтярного линимента с прибавлением к нему 5–10% перувианского бальзама, серного цвета и 3–5% зеленого мыла, или применяется другое средство по указанию врача.

Железница – накожное заболевание, вызываемое также паразитом, который локализуется в волосных мешочках. Точный диагноз может быть поставлен только врачом при помощи микроскопа. Случаи излечения наблюдались только в начальных стадиях болезни. В настоящее время ведутся опыты по лечению этой болезни вообще (в частности, удачные случаи полного излечения наблюдались в Москве у ветврача Владимиров Т.А., ведущего опыты в этой области).

Вши. При плохом уходе за щенком очень часто заводятся вши. Хорошим средством можно назвать 3% раствор креолина, 5% отвар табаку, далматский порошок.

Блохи. Для выведения блох можно рекомендовать применение конопляного масла и 2%–3% раствор креолина. Необходима тщательная очистка и дезинфекция лежа собаки.

Конъюнктивит. Наиболее распространенной болезнью глаз является «конъюнктивит» (воспаление слизистой оболочки век).

Симптомы: покраснение оболочки, истечения из глаз прозрачные и гнойные.

Собаку необходимо предохранить от сильного света и пыли. Глаза ежедневно промываются 5% раствором борной кислоты.

Все глазные болезни, в виду разнообразия причин и характера их, необходимо показывать врачу.

Запоры. Обычными причинами запора являются: трудно перевариваемая пища, отсутствие прогулок, катар кишечника и пр. Наружными признаками являются безрезультатные потуги к испражнениям, общая вялость.

Лечение: дача легкой пищи, клизма комнатной температуры, касторовое масло до 30 г натошак.

Понос. Как на обычные причины поносов можно указать: дача жирного или горячего корма, сильная простуда (мы не указываем здесь тех причин поноса, которые вызываются внутренними болезнями). Хронические поносы, естественно, истощают собаку. Лечение: собака помещается в теплое помещение, внутрь дается красное вино, легко перевариваемый слизистый корм (рисовый суп), при сильных поносах дается настойка опия через 2 часа по 5–10 капель, ставится теплая клизма с крахмалом, а также дают бисмут и салол от 0,3 до 0,5.

Рис. 32. Типичный случай рахита.

Крахмальный клистир можно сделать из 1 стакана теплой воды, 1 чайной ложки крахмала, 0,5 чайной ложки танина.

Глисты. Болезнь эта чрезвычайно распространена у собак, и можно смело сказать, что 80% всех собак имеют глисты. Сами глисты имеют очень много различных видов и одни из них более; а другие менее опасны для собак. Глисты не только истощают организм, но и отравляют организм собаки продуктами своего обмена веществ.

Наружные признаки: первое время болезнь проходит скрыто, затем наступает второй период, – у собаки появляются поносы, желудочные боли, наблюдается трение задним проходом о землю, а также хватание мордой за задний проход и, наконец, появление глистов при испражнении. Очень часто при глистах наблюдаются отрыжка и рвота, причем собака худеет, делается вялой и, наконец, иногда появляются сильные припадки.

Предохранительными мерами мы можем назвать примешивание к пище чеснока или лука, сжигание кала и выделение больных собак в отдельное помещение с тщательным наблюдением за испражнениями. Также, в целях предохранения, рекомендуется здоровым собакам давать периодически глистогонное. До дачи глистогонного рекомендуется собаку сутки не кормить (можно сделать клистир), а затем уже дать глистогонное: сантонин 0,05–0,2 (смотря по возрасту) с последующей дачей слабительного или камала 3–5,0, после которой слабительного не давать.

Рахит (Английская болезнь). Причиной развития рахита является недостаток в организме известковых солей.

Скверные условия содержания, сырость, зимнее выращивание щенков в питомниках, недостаток питания – все эти отдельные факторы служат как бы помощниками развитию этой болезни, наблюдающейся, главным образом, у щенков.

Наружные признаки болезни таковы: общая вялость, шаткость походки, провислость спины (слабость костяка), искривление ног, утолщение суставов, предрасположенность к другим болезням, т.е. общая слабость костяка и организма.

Лечение: дача питательного, удобоварительного корма, примешивание в пищу фосфорнокислой извести или рыбьего жира с фосфором, мяса, костей и молока.

Чума. Если мы говорили, что глисты имеются у 80% собак, то заболевание чумой можно отнести к 95% всего состава собак, но, иногда, собака переносит ее легко на ногах, почти незаметно для глаза человека, а иногда эта болезнь ведет к смертельному исходу. Как на общее правило можно указать, что чем больше подготовлены (приспособлены) организмы к перенесению этой болезни, тем чаще положительные результаты лечения ее. (Последние зависят от времени года, от состояния погоды, от возраста собаки, от ухода и содержания и от общего состояния данного организма.)

Обычно, чума проявляется в трех формах: 1) чума легочная, 2) чума кишечная, 3) чума нервная. Последняя форма чумы самая тяжелая и в 90% неизлечима, а если и излечима, то оставляет тяжелые последствия в виде паралитических явлений задней части тела и задних конечностей. Нужно указать, что чем моложе собака, тем обычно труднее протекает болезнь. Небезынтересны следующие цифры:

Щенки и собаки	Заболеваемость	Смертность	Примечание
от 1 ? до 3 мес.	100 случ.	50	Цифры взяты в среднем за 10 лет моей работы по делу применения собак в госпитомниках.
от 3 до 6 мес.		30	
от 6мес. до 1 г.		20	

Здесь нужно указать, что при массовом разведении собак (в питомниках) смертность увеличивается в виду скученности их размещения и трудности держать строгую изоляцию (при постройке и оборудовании питомника, необходимо вопрос о чуме принять во внимание в первую очередь). Появление симптомов начинается на 4–5 день после заражения.

Наружные признаки чумы: появление чумных пустул на животе (не всегда), гнойные истечения из глаз, слипание глаз и образование корки на веках (иногда это выражено несколько слабее), высокая температура.

При поражении легких – истечение гнойной серо-зеленой слизи из носа (иногда с кровью), кашель, катар носа, горла и легких.

При кишечной форме чумы наблюдается появление поноса с гнилостным запахом, в испражнениях иногда замечается кровь.

При поражении нервной системы наблюдается общее угнетенное состояние или, наоборот, чрезмерная возбужденность, затем появляются судороги головы и других частей тела, параличные явления зада, пена изо рта и даже возможна потеря сознания.

Врачебное вмешательство необходимо. Без указания врача можно прибегнуть только к симптоматическому лечению. Смерть может наступить на 2–3 день. Средняя продолжительность болезни около 3 недель. После чумы может быть ряд осложнений.

Необходимо сказать, что возбудители чумы наукой еще не открыты, а потому и лечение чумы не есть фактическое противодействие микробам, а есть только вспомогательные средства для общей поддержки организма.

В Германии выработана противочумная сыворотка, которая вырабатывается сейчас и у нас в Харьковском бактериологическом институте, но мое мнение и мои наблюдения говорят, что она не излечивает собак, а лишь может предохранять их от чумы и то на сравнительно короткое время. Некоторые московские врачи (Нарский, Владимиров) считают наиболее рациональным применением протеиновых (белковых) препаратов (внутримышечная инъекция нормальной сыворотки лошади в дозах до 3,0).

Между прочим, у нас в СССР в данное время ведутся опыты лечения чумы мозговой эмульсией чумных собак, о результатах которых поступают пока весьма скудные сведения и публиковать их считаем преждевременным.

В Англии уже 3-й год специальная комиссия работает над установлением возбудителя чумы. Работы и опыты по этому вопросу продолжаются.

Сведения о бешенстве. Бешенство неизлечимо. Бешенство заразно и передается слюной только через укус больным животным здорового. Заразившийся человек умирает в мучительной смерти. Изолируйте госпитомники от возможных приходов бродячих собак! Помните, что слюна собаки может быть опасна за две недели до появления у нее явных признаков болезни!

Во всех случаях укуса бешеной собакой надлежит немедленно начать впрыскивать укушенным людям Пастеровские прививки, которые производятся в специальных лабораториях в крупных городах Союза. Подозрительная по бешенству или бешеная собака убивается, после чего труп или одна голова собаки отправляется немедленно в указанные выше лаборатории для исследования.

Основные признаки: изменение характера, избегание света, мало ест, много пьет, легко раздражается, грызет камни, глотает их, лижет мочу, лай собаки делается глухой и хриплый – собака уходит из дома. В последней стадии болезни наблюдается паралитические явления.

Выдержки из инструкции по борьбе с бешенством, изданной в 1927 г. в развитие существующих ранее законоположений по этому вопросу (Вет. Уст. РСФСР 1923 г.)

1. Мероприятия по борьбе с бешенством.

2. Лечение животных явно больных или заподозренных в заболевании бешенством воспрещается...

9. Все явно больные бешенством животные, а собаки и кошки подозрительные по заболеванию бешенством и укушенные бешеными животными, убиваются, за исключением тех случаев, когда они нанесли укусы людям (см. ниже § 10).

Примечания. 1. Явно больными бешенством считаются животные, когда диагноз на бешенство установлен ветврачем на основании прижизненных признаков; подозрительными в заболевании признаются все животные, нанесшие укусы людям или животным, а также животные, проявляющие буйные припадки, грозящие опасностью нанесения людям и животным укусов или других повреждений, а также собаки и кошки и другие животные, сбежавшие по нанесении укусов. 2. Домашние животные, покусанные бешеными или подозрительными по бешенству животными, а также животные, бывшие в непосредственном соприкосновении с бешеными или подозрительными по бешенству животными, а собаки, бывшие в общей свалке с собаками, среди которых были больные бешенством или подозрительные по бешенству, или случайно заболевшие неизвестные собаки, считаются подозреваемыми в заражении бешенством.

10. Задержанные собаки, кошки и другие животные, нанесшие укусы людям или животным, должны находиться под наблюдением ветврача в течение 14 дней...

12. Собаки и кошки, подозреваемые в укушении бешеными животными (§ 9, прим. 2), как подозреваемые в заражении, подвергаются вет-врачебному наблюдению в течение 6 месяцев, причем должны содержаться во время наблюдения: кошки в железных или крепких деревянных клетках, собаки – в клетках или на цепи, или в отдельных помещениях, препятствующих побегу и устраняющих возможность нанесения этими собаками или кошками укусов людям или животным.

При неисполнении владельцами требований предыдущего параграфа, указанные в нем животные по распоряжению ветврача или ветисполкомиссии убиваются.

II. Предохранительные мероприятия.

28. Собаки допускаются к свободному передвижению в открытых дворах по улицам и площадям населенных местностей, объявленных по бешенству неблагополучными лишь в прочных намордниках, вполне гарантирующих от возможности нанесения покусом людям и животным, а также в ошейниках с прикрепленным к ним установленным номером.

Примечание. Проводка собак на привязи в неблагополучных местностях не исключает обязанности ношения намордника.

29. Сторожевые собаки во дворах при хозяйствах, складах, амбарах и проч. должны находиться на крепких металлических привязях, причем дворовые сторожевые собаки могут спускаться с привязи только на ночь в замкнутых дворах, не допускающих к побегу.

30. Охотничьи собаки, в местностях, объявленных по бешенству неблагополучными, освобождаются от намордников лишь во время охоты, а собаки-ищейки во время производства их специальной работы.

32. Бродячие, т.е. не имеющие хозяина, собаки и кошки подлежат обязательной ловле и уничтожению при соблюдении нижеследующих §§ настоящего раздела.

33. Собаки, находящиеся на свободе, в местности по бешенству неблагополучной, без намордников, хотя бы и в ошейниках с прикрепленным к нему установленным номером приравниваются к бродячим.

Ветеринарная аптечка.

1. Перевязочные средства:

Гигроскопическая вата

Клеенка

Бинты стерильные, марлевые и холщевые

Фланелевый бинт, широкий, для компресса

Термометр ветеринарный и клистир (эйсмарховская кружка).

2. Наружные средства:

Борная кислота

Йодоформ

Настойка йода

Тальк, танин.

3. Внутренние средства:

Каломель

Камала

Сантанин

Касторовое масло

Висмут аз. кисл.

Салициловый натр

Настойка опия

Портвейн.

Рис. 33. Выслушивание собаки.

4. Дезинфицирующие средства:

Креолин, лизол (1 стол. ложка на 1 литр воды)
Зеленое мыло
Спирт
Сулема (1:1000).

5. Хирургические инструменты:

Пинцет
Шприц
Кривые ножницы
Скальпель
Игла хирургическая и шелк.

Приложение 2

Примерная программа по теории дрессировки (Для красноармейцев) Общие сведения

1. Цели и задачи теории дрессировки (1 час).

Необходимость теоретических обоснований. Увязка теории с практикой. Введение в теорию дрессировки. План изучения курса.

2. Основы теории Дарвина (2 часа).

Исторический очерк о жизни и деятельности Дарвина. Роль Дарвина в науке. Основные законы теории Дарвина. Борьба за существование. Теория эволюции. Приспособляемость, наследственные передачи.

3. Основные понятия об инстинктах (2 часа).

Определение инстинкта. Роль и значение инстинкта в жизни животных. Борьба понятий об уме и об инстинктах животных. Современные взгляды на инстинкт. Значение инстинктов в дрессировке и их практическое использование.

4. Основные понятия о «психологии» животных (4 часа).

Понятия о науке «психология». Значение этих понятий для дрессировщика. Шаткость старых понятий о психологии как науке о «душевных» явлениях.

Современный взгляд на «психологию» как на высшую нервную деятельность. Основные законы нервной деятельности организма. Понятие о безусловных рефлексах. Понятие об условных рефлексах разных порядков. Спинной мозг и его работа, головной мозг и его работа. Обучение и воспитание условных рефлексов.

Самостоятельная проработка по пройденному курсу на различные темы (2 часа).

Всего по 1-му отделу – 11 учебных часов.

Комплекс факторов обучения.

1. Анализ обучения (30 мин.).

Понятие о непосредственном (первоначальном) и условном (замещающем) возбуждениях, их взаимоотношения. Установка связи команды с действием. Однообразие принципов обучения человека и собаки.

2. Интонации и команды (30 мин.).

Значение интонаций для собаки. Основные виды интонаций. Взаимоотношения интонаций. Типы команд. Поощрения и запрещения. Значение «фу». Значение поощрений, их взаимоотношения.

3. Отвлекающие возбуждения (30 мин.).

Основные виды отвлечений, их значение. Порядок ввода. Специальная тренировка.

4. Учение о принуждениях (1 час).

Особенная важность этого учения. Разбор учения о принуждениях. Виды принуждений (как способ обучения и как способ воздействия). Цель их. Порядок ввода их. Причины особой осторожности при работе. Увязка с интонацией.

5. Схема дрессировки и разбор ее (1 час).

Чертеж схемы. Взаимоотношения отдельных звеньев схемы.

6. Простые и сложные приемы (30 мин.).

Понятие о простых и сложных приемах. Перечисление таковых. Их взаимоотношения. Приемы, воспитываемые на инстинктах и на принуждении. Разделение на приемы воспитательного характера и специальные приемы. Роль и значение приемов общего послушания, их увязка с приемами специального характера.

7. Дрессировщики и их ошибки (30 мин.).

Ошибки тактического и технического характера. Нежелательные связи. Борьба с ними.

8. Взаимоотношения дрессировщика и собаки (30 мин.).

Основы правильных взаимоотношений. Параллель между педагогом и ребенком. Необходимые качества собаки и дрессировщика. Отрицательные качества. Нервная система и дрессировка.

9. Испорченные собаки, причины порчи и исправление испорченных собак (1 час).

Типичные виды испорченных собак. Основные причины порчи (примеры). Браковка собак.

Основы исправления испорченных собак.

10. Общие сведения (1 час).

Различные методы дрессировки и их общность. Разница в воспитании, дрессировке и «натаске». Выбор собаки. Испытания, демонстрации и выставки. Специальная отчетность.

11. Основные понятия о воспитании собак (1 час).

Цели и задачи воспитания. Окружающая среда как главнейший фактор воспитания. Основы воспитания служебных собак. Виды воспитательных упражнений.

Самостоятельная проработка по пройденному курсу на различные темы (2 часа).

Всего по 2-му отделу – 10 учебных часов.

Приложение № 20 ЛИТЕРАТУРА

1. Академик И.П. Павлов. – Двадцатилетний опыт.
2. Болдырев, В. – Образование искусственных условных рефлексов и свойства их.
3. Бехтерев. – Объективная психология. Лейпциг, 1913 г.
4. Д-р Целл. – Ум животных.
5. Проф. Келлер. – Происхождение домашних животных.
6. Ю. Филипченко. – Происхождение домашних животных.
7. Елачич. – Душевный мир животных.
8. П.Ю. Фролов. – «Физиологическая природа инстинкта».
9. Дарвин. – Собрание сочинений.
10. Занков. – Наука о поведении человека.
11. Каутский. – Общественные инстинкты в мире животных и людей.
12. Циглер. – Душевный мир животных.
13. Кошкарев. – Рефлексы у человека и у животных.
14. К. Моост. – Дрессировка полицейских и военно-санитарных собак.
15. Леонтович. – Физиология домашних животных.
16. Богданов. – Менделизм.
17. Филипченко. – Наследственность.
18. Богданов. – Происхождение домашних животных.
19. Вериго. – Физиология человека и животных.
20. Богданов. – Основы менделизма.
21. Розен. – История собаки.
22. Пеннет. – Менделизм.
23. Флуранс. – Об инстинкте и уме животных.
24. Де-Коннор. – Полный лечебник собак.
25. А. Мапжен. – Человек и животные.
26. В. Михайлов. – Больная собака.
27. Юргенсон. – Лечебник собак.
28. Кирхлер. – Породы собак.
29. Эбергардт. – Собака, пер. Абжолтовского.
30. Николаев. – Руководство о военных собаках.
31. Зейферт. – Собака.
32. Мелентьев. – Руководство по дрессировке собак для военных целей.
33. Герсбах, Р. – Дрессировка полицейских собак.
34. Лебедев, В. – Дрессировка собак.
35. Оберлендер. – Дрессировка собак.
36. Поплавский. – Русские войсковые собаки.
37. К. Краль. – Мыслящие животные.
38. Ф.Г. Добржанский. – Что и как наследуется у живых существ.
39. Савич. – «Основы поведения человека». Журнал «Собаководство и дрессировка». Статья и схемы Н-ка Ц.П.Ш. тов. Евтушенко Н. З. (журнал «Выстрел», № 9, 1925 г.).